

В.И. Михайленко

**Итальянский фашизм:
основные вопросы
историографии**

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В. И. МИХАЙЛЕНКО

**ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ
ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ**

**СВЕРДЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1987**

ББК ТЗ (4 ИТ)6
М 691

Печатается по постановлению редак-
ционно-издательского совета Изда-
тельства Уральского университета

**В. И. Михайленко. Итальянский фашизм: Основные воп-
росы историографии.** Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987.
240 с.

В монографии исследованы эволюция, идейно-политическая ориентация, организационные, методологические, концептуальные и источниковые основы историографических интерпретаций фашизма. Рассмотрены основные проблемы истории фашизма в Италии: генезис фашизма, фашизм и монополистический капитал, политический режим.

Значительное место в монографии занимает критика современных немарксистских направлений в итальянской историографии.

Научный редактор
доктор философских наук **В. И. Копалов**

Рецензенты:
доктор исторических наук **Н. П. Комолова**;
кафедра новой и новейшей истории Пермского университета

М $\frac{0504040000-12}{182(02)-87}$

© Издательство Уральского университета, 1987

Влиятельные империалистические круги проявляют заинтересованность в увеличении жизнеспособности фашистских доктрин для использования их в политической и идеологической борьбе против сил демократии и социализма. В Политическом докладе ЦК КПСС, с которым выступил на XXVII съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, указывалось, что в условиях общего кризиса капитализма, проявляющегося в сфере экономических и социальных отношений, в политических институтах и духовной области, «традиционные формы консерватизма уступают место авторитарным тенденциям»¹. Этот процесс неравномерен, поскольку развивается в условиях противоборства двух систем, встречает противодействие рабочего класса и широких демократических сил и, наконец, на нем сказывается известное расслоение в кругах самой буржуазии. Однако «прогрессивным тенденциям, — подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС, — приходится пробиваться через систему монополистического тоталитаризма, испытывая постоянное давление организованной реакции, в том числе ее огромной пропагандистской машины, которая обрушивает на человека потоки одурманивающей дезинформации»².

Опасность фашизма как крайней формы империалистической реакции — важная, но не единственная причина внимания к фашистскому феномену. Тема фашизма постоянно находится в фокусе идейно-политической борьбы между марксистско-ленинской наукой и буржуазной историографией. Как показывает исторический опыт идейно-политической борьбы в историографии фашизма, ее обострение приходится на периоды наибольшего нарастания напряженности классовых отношений в капиталистическом обществе и противоборства двух систем. Эта тенденция была присуща историографии фашизма накануне

второй мировой войны, в годы «холодной войны», она проявляется в 70—80-х гг., когда империализм осуществляет политико-психологическую подготовку к войне. «Мы имеем дело с искушенным классовым противником,— указывалось на XXVII съезде КПСС,— политический опыт которого разнообразен, измеряется по времени веками. Он создал гигантскую машину массовой пропаганды, оснащенную современными техническими средствами, располагающую огромным аппаратом вышколенных ненавистников социализма»³. В наше время значение критики империалистической идеологии и ее важного звена — исторической мысли — возрастает, и не последнюю роль в этом призваны выполнять марксистские историографические исследования.

Советские историки достигли значительных результатов в изучении идейно-теоретических основ и этапов немарксистской исторической науки, в сопоставлении общего и национального в историографическом процессе, в дифференциации и выделении существенных черт историографических течений, в исследовании важнейших историографических концепций⁴. Установление закономерностей развития буржуазной исторической науки невозможно без продолжения историографических исследований в этом направлении.

Темой данной работы избрана итальянская историография фашизма в Италии. Для страны, пережившей два десятилетия фашистской диктатуры, где фашистская опасность продолжает оставаться политически актуальной, тема фашизма является ведущей и находится в центре идейно-политической борьбы в исторической науке, а в более широком плане — в общественно-политической жизни. Таким образом, возрастание актуальности изучения фашизма и его историографии связано в первую очередь с общественно-политическими процессами, которые переживает современный капиталистический мир, и с обострением идейно-политической борьбы по этим вопросам между марксистской и буржуазной исторической наукой. В изучении фашистского феномена итальянская историография занимает одно из ведущих мест.

Советские итальянисты внесли весомый вклад в изучение отдельных проблем историографии фашизма⁵. Однако попыток комплексного исследования эволюции

итальянской историографии фашизма до сих пор не принималось. Написанные И. В. Григорьевой и Г. С. Филатовым на высоком теоретико-методологическом уровне небольшие по объему разделы «Итальянская историография» в учебных пособиях, естественно, не в состоянии восполнить этот пробел⁶. В докторской диссертации П. Ю. Рахшмира применяется проблемно-хронологический принцип исследования темы «Буржуазная историография западноевропейского фашизма» (с момента возникновения историографии до 1975 г.)⁷. Достоинством работы является сравнительный анализ национально-исторической специфики историографии отдельных стран. Ограниченный объем диссертации не позволил П. Ю. Рахшмиру представить в ней полно итальянскую историографию. Кроме того, за истекшее десятилетие итальянские исследователи ввели в научный оборот огромный материал, требующий обстоятельного историографического анализа.

Попытка дифференциации историографических направлений и обоснования этапов, пройденных итальянской историографией фашизма, была предпринята в работе автора этой монографии «Итальянская историография о происхождении и сущности фашизма»⁸. В ней выделены следующие периоды эволюции историографии: первый — 20-е — первая половина 40-х гг., второй — вторая половина 40-х — 50-е гг., третий — 60-е — 80-е гг.

В центре внимания данной работы находятся две группы вопросов. Первая — исследование эволюции, идейно-политической ориентации, организационных, методологических, концептуальных и источниковых основ историографических интерпретаций фашизма. Вторая — изучение основных проблем истории фашизма в Италии: генезиса фашизма, отношений между фашизмом и монополистическим капиталом, а также политических институтов фашистского режима. Хронологически работа охватывает период от возникновения итальянской историографии фашизма, что произошло практически одновременно с появлением самого объекта ее исследования, до настоящего времени. Что касается хронологических рубежей истории Италии, изучением которой занимается итальянская историография фашизма, то они охватывают период с конца XIX в. до военно-монархического переворота 25 июля 1943 г. История марионеточной «рес-

публики Сало» является особой темой для исследований.

При работе над темой автор руководствовался основными марксистско-ленинскими методологическими принципами исторического познания.

Важнейшими источниками историографии являются труды историков. Значительная часть из них выявлена в период научной стажировки автора в Италии. Большое значение для выяснения особенностей эволюции итальянской историографии и концепций истории фашизма, уточнения личных научных позиций исследователей имели беседы с итальянскими историками П. Алатри, Р. Де Феличе, К. Каstellи, Дж. Кароччи, Р. Моска, П. Орси, П. Пасторелли, Дж. Прокаччи, Э. Сантарелли, Э. Серра, Л. Чева. Пользуясь случаем, автор выражает итальянским коллегам свою искреннюю признательность за полезные научные консультации.

Хотелось бы надеяться, что предлагаемая работа в какой-то мере сможет повлиять на активизацию научного поиска в исследовании проблем итальянской истории и историографии.

Глава I

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФАШИЗМА В ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

§ 1. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАШИСТСКОГО КОНТРОЛЯ НАД СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ ИНСТИТУТАМИ

Приход фашистов к власти в октябре 1922 г. изменил расстановку политических сил в Италии в пользу крайне правой буржуазно-националистической реакции. Начатая Муссолини в январе 1925 г. реорганизация государственных институтов окончательно похоронила формально либеральную структуру государства, были запрещены демократические партии и организации, разгромлены их общественно-политические, идеологические и культурные центры, введена фашистская цензура; на антифашистов обрушились репрессии. В целях обеспечения массовой поддержки режима осуществлялась фашизация идеологического аппарата, культурных и научно-исследовательских институтов¹.

15 июля 1923 г. был подписан королевский указ, предоставивший правительству широкие полномочия в отношении печати, которыми, однако, оно не могло воспользоваться полностью². В октябре начальник отдела печати правительства Росси направил циркуляр префектам, в котором содержалось требование в кратчайший срок сообщить ему о моральных качествах и политических взглядах руководителей периодических изданий, об их отношении к фашистской политике, а также об экономических интересах периодических изданий, источниках их финансирования, об их влиянии на население страны (по категориям). Видимо, в связи с задержкой поступления информации Муссолини личным письмом от 10 февраля 1924 г. подтвердил циркуляр Росси.

Усилия режима, направленные на фашизацию печати, не замедлили сказаться. Если накануне «похода на Рим» фашистов поддерживали 5 ежедневных газет, то перед выборами 1924 г. — уже 46 периодических изданий, большую часть которых финансировали группы промышленного капитала: Дж. Аньелли, общества «Фрателли Скалера», «Фрателли Креспи», «Соцьета идрозлетрика пьемонтесе», «Одеро», «Навигацоне дженерале итальяна», а также сахарозаводчики, оружейники, Конфиндустрия. Некоторые издания получали финансовую поддержку непосредственно из правительственного бюджета³.

С мая 1925 г. отдел печати фашистского правительства ввел практику централизованного инструктирования фашистской и «дружественной» печати по вопросам внутренней и внешней политики. Решающий удар по оппозиционной печати режим Муссолини нанес 1 ноября 1926 г. С этого момента открытая издательская деятельность антифашистской оппозиции стала возможной только за пределами Италии.

Роль отдела печати возросла в августе 1933 г., когда во главе его был поставлен Г. Чиано, зять Муссолини. Уже через год отдел был преобразован в секретариат по прессе и пропаганде при министерстве иностранных дел, а в июне 1935 г. — в министерство по печати и пропаганде, которое в июне 1937 г. было переименовано в министерство народной культуры. После назначения Чиано министром иностранных дел в июне 1936 г. его преемником стал Д. Альфиери. В задачи отдела, секретариата, а затем министерства входила фашизация всей духовной жизни общества, осуществление цензорского контроля над средствами массовой информации. На этот орган были возложены задачи по координации действий прессы фашистских государств в период итало-германской интервенции в Испании. Сотрудничество углубилось после подписания 23 ноября 1938 г. итало-германского соглашения о культурном и научно-техническом обмене⁴. Ратификация соглашения состоялась в феврале, а первое заседание совместной комиссии по культурному сотрудничеству — в июне 1939 г.⁵ С целью усиления координации прессы обеих стран Берлин предложил проект Ассоциации итало-германской печати. Обмен информацией и инструкциями

для печати с лета 1939 г. приобрел постоянный характер. В ходе переговоров между Альфиери и Гиббельсом все чаще обсуждались внешнеполитические вопросы. В первые недели второй мировой войны их телефонные переговоры итальянская сторона использовала для того, чтобы склонить германское руководство к сделке с западными державами. После того как эти попытки потерпели неудачу, контакты между Римом и Берлином, в том числе в сфере печати и пропаганды, уменьшились. Без ответа осталась просьба германского министра пропаганды (в ноябре 1939 г.) поддержать итальянскими средствами информации германскую кампанию против Англии по колониальному вопросу с таким расчетом, чтобы германская сторона получила возможность сослаться в этом вопросе на позицию Италии⁶.

Итало-германское сотрудничество в этой области возобновилось весной 1940 г. В мае новый министр культуры А. Паволини подписал в Берлине соглашение об учреждении итало-германской Ассоциации прессы. Сотрудничество в этой области осуществлялось через посольства в Риме и Берлине⁷. Вступление Италии в войну в июне 1940 г. привело к усилению бесцеремонного вмешательства германской стороны в деятельность итальянских средств массовой информации.

В фашистский период роль официальных органов в Италии выполняли газеты «Джорнале д'Италия», «Пополо д'Италия», «Джераркия». Рынок печатной продукции страны дополняли десятки центральных и местных изданий, лояльно относящихся к режиму.

Уже первые организационно-политические и идеологические мероприятия фашистского режима не оставляли сомнений в его стремлении заключить всю научно-исследовательскую деятельность в официальные рамки. В апреле 1925 г. группа во главе с философом Дж. Джентиле опубликовала «Манифест фашистских интеллектуалов», содержащий призыв к полной и безоговорочной поддержке фашистского режима. Джентиле предусматривал «создание элитарной культуры с целью формирования органического руководящего класса»⁸. Важная роль в решении этой задачи отводилась Фашистскому национальному институту культуры. В приветствии по случаю его учреждения в декабре 1925 г. Джен-

тите заявил о намерении собрать под его знамена исследователей, деятелей культуры, учреждения и различные общества с целью «направить энергию интеллектуалов на формирование сознания новой вожденной фашистами Италии»⁹.

Почетным президентом института был избран Муссолини, директором назначен Джентиле. Состав совета утверждался королевским указом по представлению главы правительства. Включение в 1930 г. в состав института культуры Института пропаганды за рубежом («Италика») расширило его функции и привело к перестановкам в руководстве. Его вице-президентами были назначены Г. Висконти ди Модроне, бывший директор «Италики», и А. Рокко, известный идеолог националистов, директором — А. Марпикати. Постепенно Фашистский национальный институт культуры трансформировался в идеологический и политический институт фашистской пропаганды. Среди первостепенных задач, поставленных перед ним, были «охрана и распространение национальной культуры и фашистских идеалов в Королевстве и за рубежом посредством публикаций периодических изданий, книжных серий популярного и научного характера, создание сети библиотек, организация лекториев»¹⁰.

Переход Италии к открытым колониальным авантюрам и установление фашистской оси Рим — Берлин внесли новые акценты в работу института. В качестве перспективных исследовательских и пропагандистских тем Джентиле выделил следующие: «Фашизм и большевизм» (с установкой на то, что необходимо «обозначить врага»), «Фашизм и западные демократии», «Фашизм и Европа» (с акцентом на «жизненно важных» позициях Италии в Средиземноморье, ее имперских интересах). С 1936 г. стала выходить новая книжная серия «Завоевание империи».

Со вступлением Италии в мировую войну в состав института был введен военно-пропагандистский аппарат. Институт направлял деятельность обществ по связям с зарубежными странами — «Фонд Леонардо», «Италика», «Итальянский институт германских исследований», «Отдел исследований международного права и политики», активно пропагандировал фашистские мифы об «имперской Италии», о «нации-воительнице», «фа-

шистской цивилизации». «фашистском новом порядке» и др.

Фашистский национальный институт культуры имел в стране весьма разветвленную систему филиалов. К 1940 г. в метрополии их насчитывалось 99, в колониях — 10. Около 700 секций находилось в учебных заведениях, свыше 5 тысяч ячеек — на предприятиях и в других организациях, в том числе в «Фашистском институте колоний», Институте Энциклопедии «Треккани», Национальном обществе «Данте Алигьери» и др.

Издательская деятельность института была довольно интенсивной. Под его эгидой было издано свыше 200 наименований печатной продукции¹¹. Институт издавал журнал политических исследований, название которого претерпело примечательные изменения. В 1923 г. редакционный совет с участием Джентиле, Кроче, Вольпе, Дж. Ломбардо Радиче, Анцилотти выпустил первый номер журнала «Нуова политика либерале» («Новая либеральная политика»). Спустя год его переименовали в «Эдукационе политика» («Политическое воспитание»), в 1927 г. — в «Эдукационе фашиста» («Фашистское воспитание»), в 1934 г. — в «Чивильта фашиста» («Фашистская цивилизация»). В новый редакционный совет вместо деятелей либерального толка вошли открытые приверженцы фашистской доктрины — Джентиле, Вольпе, Личитра, Саккони, Спирито, Вольпичелли. Журнал активно пропагандировал расизм, экспансионизм и колониализм. Под эгидой института и журнала проводились пропагандистские конференции по внешнеполитическим проблемам — о положении в Европе и на Дальнем Востоке, в Фиуме и Средиземноморье¹².

Активно пропагандировали идеи «универсального фашизма», «нового фашистского порядка», о «примате романской и итальянской цивилизации» и другие фашистские учреждения и политические организации, среди них — созданные в июне 1933 г. Комитеты действия за универсализацию Рима (КАУР), с помощью которых итальянские фашисты намеревались координировать пропагандистскую работу. Комитеты организовали несколько международных фашистских встреч.

В 1925 г. были созданы Институт романских исследований (во главе с Полуцци), Школа новой и новейшей истории (во главе с Дж. Вольпе), в 1926 г. —

Итальянская академия¹³. Сенатор Треккани возродил идею об учреждении института для подготовки универсальной Итальянской энциклопедии, последняя была задумана фашистскими идеологами как «монумент» фашизму, один из инструментов организации массового «консенсуса»¹⁴. Итальянский исследователь Г. Тури подчеркивал, что инициатива Треккани получила полную поддержку фашистского руководства, поскольку энциклопедия являлась, возможно, самым важным инструментом «культурной политики» режима, сотрудничество в ней строилось на «основе отношений взаимного проникновения между интеллектуалами и политической властью»¹⁵.

Важная роль в обеспечении идеологического прикрытия фашистской внешней политики отводилась **Институту истории мировой политики (ИСПИ)**¹⁶, торжественное открытие которого состоялось 27 марта 1934 г. в одной из аудиторий Миланского университета. Большую часть его сотрудников составляли молодые выпускники университетов Милана и Павии. Организация института и его первоначальная деятельность проходили под эгидой зам. министра образования А. Сольми. С весны 1935 г. ИСПИ возглавил А. Пирелли. Финансирование ИСПИ осуществлялось одним из крупнейших отделений «Банка Коммерциале италяна». Важное место в работе института отводилось публикации материалов по теме «Перспективы ревизии европейского порядка». В рамках темы публиковались работы Р. Моска, М. Тоскано, П. Кварони. Среди сотрудников ИСПИ были П. Сильва Рота, Л. Сальваторелли, П. Пиери, Э. Сестан, Д. Кантимори, Л. Даль Панае, Ф. Курато, Э. Гарин, Ф. Вальсекки, Р. Москати, Дж. Пертиконе, Г. Куацца, Э. Анкьери, Л. Лудзатто.

С 1934 г. ИСПИ начал издавать журнал «Рассенья ди политика интернационале», фактическим редактором которого являлся Р. Моска. С января этого же года стал выходить рассчитанный на более широкую и неподготовленную аудиторию журнал «Релациони интернационали». Идеино-политическая направленность печатной продукции ИСПИ этого времени отвечала в основном задачам текущего момента фашистской внешней политики. За время второй мировой войны она прошла путь от откровенно шовинистических реляций и прос-

лавления мифа «нового фашистского порядка» до поддержки идеи «европеизма», осмысления последствий поражения фашизма в войне.

Экспансионистскую и колониальную политику итальянского фашизма поддерживала исследовательская деятельность Института Востока и Фашистского колониального института.

Разнообразные и многоплановые организационно-политические и идеологические мероприятия, осуществленные итальянскими фашистами с целью поставить под свой контроль средства массовой информации и научно-исследовательские центры, в основном достигли цели. Изучение отдельными исследователями и целыми исследовательскими учреждениями истории и актуальных вопросов внешней политики, а также освещение этих проблем в периодических изданиях осуществлялись в рамках политических и идеологических установок фашизма.

§ 2. АПОЛОГЕТИЧЕСКИ-ФАШИСТСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Итальянская историография фашизма начала складываться практически одновременно с возникновением самого фашистского феномена. Политический водораздел в историографии пролегал между историками-антифашистами и теми, кто поставил свои исследования на службу фашистскому режиму. Не выработав подлинно самостоятельной теоретико-методологической платформы, идеологическая элита фашистского режима стремилась опереться на различные течения общественной мысли. По мнению авторитетного деятеля Итальянской компартии Дж. Амендолы, речь шла о «политическом присоединении интеллектуалов к фашизму, о принятии ими режима на основе очень различных культурных позиций»¹⁷. В противоположных лагерях оказались исследователи-немарксисты, чьи теоретико-методологические и отчасти даже концептуальные позиции были схожи. По разные стороны их развели в первую очередь политические позиции, проявившиеся в отношении к фашистскому режиму.

На какой идейной и методологической основе происходило «принятие» некоторыми итальянскими исследова-

телями политических установок фашистского режима? Какие организационно-политические и идеологические мероприятия были осуществлены фашистским режимом с целью формирования «собственной органической интеллигенции», а также ассимиляции и завоевания «традиционной»?

В связи с этими вопросами заслуживают внимания теоретические разработки Антонио Грамши. Для решения проблемы формирования интеллигенции Грамши считал необходимым выяснить: «Является ли интеллигенция автономной и независимой социальной группой или же всякая социальная группа имеет свою собственную, особую категорию интеллигенции?»¹⁸ Процесс образования интеллигенции принимал различные формы; Грамши выделял из них две, наиболее значительные. Первая — когда социальная группа, рождаясь на исконной почве экономического производства, органически создает себе слои интеллигенции, помогающие ей осознать собственную роль в экономике, в социальной и политической областях. Вторая форма этого процесса обусловлена тем, что «всякая существенная социальная группа, выходя на историческую арену из предшествующего экономического базиса ... могла найти, по крайней мере в предшествующей истории, ранее возникшие категории интеллигенции, которые являлись свидетельством непрерывности исторического развития...»¹⁹. В том и другом случае представление о «независимости», «автономии», «самостоятельности», навеянные «корпоративным духом» интеллигенции, являются, по словам Грамши, выражением «социальной утопии». Отмечая зависимость интеллигенции от «мира производства», Грамши предостерегал против упрощенной оценки отношений между ними, которые «являются в различной степени «опосредованными» всей социальной тканью, комплексом надстроек, «деятелями» которых и являются интеллигенты»²⁰.

Фашистский режим придавал важное значение формированию «нового слоя интеллигенции», который Грамши назвал «приказчиком» господствующей группы, осуществляющим функции, подчиненные «задачам социальной гегемонии и политического управления»²¹. Наряду с формированием «нового слоя интеллигенции» режим стремился к «ассимиляции» и идеологическому завоева-

нию «традиционной» интеллигенции. Грамши отмечал, что этот процесс происходит «тем более быстро и действительно, чем энергичнее данная (господствующая социальная.— В. М.) группа формирует одновременно свою собственную органическую интеллигенцию»²².

Большое влияние на формирование режимом «собственной органической интеллигенции», ассимиляцию и завоевание «традиционной» оказывало то обстоятельство, что этот процесс происходил без изменения экономического базиса, при господстве тех же политических классов. Несмотря на демагогию, попытки закамуфлировать фашистскую идеологию под массовую, левую и народную, она является наиболее реакционной разновидностью буржуазного идеологического сознания. Взаимосвязь между фашистской идеологией и другими типами буржуазного идейного движения объясняется ее эклектичностью, многочисленными заимствованиями из других идеологий²³.

Пальмиро Тольятти считал, что невозможно объяснить капитуляцию политических деятелей и широких слоев интеллигенции перед фашизмом, не затронув вопроса о путях развития итальянской духовной культуры с конца прошлого века²⁴. Становление империалистической фазы капитализма повлекло за собой кризис тех духовных ценностей, которые были провозглашены и распространялись буржуазией в XIX в. Это открыло путь новым концепциям, среди которых преобладали различные формы активизма, опирающегося на приоритет воли над разумом, действия над мыслью и оправдывающего насилие во имя осуществления империалистических, националистических и расистских мифов. В Италии, пишет историк-марксист Дж. Канделоро, духовный кризис был острее, чем в других европейских странах, поскольку и диапазон господствующих классов был значительно шире, и, соответственно, более узкой была социальная база политического режима²⁵.

Острая борьба, развернувшаяся в конце XIX в. в итальянской академической науке между представителями двух разновидностей идеализма — позитивизма и неогегельянского идеализма, завершилась победой неогегельянцев, которые заняли доминирующие позиции в науке и духовной жизни Италии в целом. Наиболее значительное влияние на светскую и даже католическую культуру

оказали теоретики неогегельянского идеализма Б. Кроче и Дж. Джентиле. Если Кроче развивал гегелевские идеи в духе объективного идеализма, то Дж. Джентиле — в духе субъективного идеализма и «актуализма», большего, чем у Кроче, волюнтаризма. Джентиле стремился представить «актуализм» в виде философской системы, в которой абсолютизировался принцип деятельности и реальность отождествлялась с активностью субъекта. Наука, заявлял Джентиле в 1920 г., не может больше рассматриваться «в качестве чистой индифферентной материи интеллекта»²⁶. Встав на путь сотрудничества с фашистским режимом, Джентиле добивался превращения своей системы, сердцевину которой составляло учение о «тоталитарном» государстве как воплощении нравственного духа, о «тотальном подчинении личности государству», в официальную доктрину фашизма. Среди последователей Джентиле наиболее заметное место занимал У. Спирито (его довольно сложную идейную эволюцию проследил в своей работе советский философ С. А. Эфиров). С позитивистских позиций он перешел на близкую Джентиле идейную платформу, в годы фашизма был одним из идеологов фашистского права и «корпоративизма»²⁷.

Фашистскими идеологами были заимствованы некоторые волюнтаристские моменты прагматизма. Наиболее примечательными представителями прагматизма в Италии были Д. Папини и Д. Преццолини. Редактируемый ими журнал «Воче» (1908—1916 гг.) П. Алатри называет «великим каналом», который соединил в одно реакционное движение идеалистов, националистов и синдикалистов. «С откровенностью, доходящей до цинизма», — пишет П. Алатри, они признают, что «буржуазия, чтобы выполнять свои руководящие функции, должна уметь выполнять функции, полезные для всей нации», и что «единственной политикой, которая соответствует защите и усилению буржуазии как «господствующей касты, которая владеет и командует», буржуазии как привилегированного класса, отстаивающего свои привилегии, является националистическая политика: великая и блестящая внешняя политика, развитие империалистической экспансии с целью отвлечения внимания напуганных снизу классов и подавления их борьбы за удовлетворение своих внутрисполитических требований»²⁸.

В годы фашизма пути Папини и Преццолини несколько разошлись. Преццолини пытался оправдать пассивность интеллигенции по отношению к режиму Муссолини тем, что она «делает историю, но не делает политику», а Папини с религиозных позиций активно защищал фашизм²⁹.

Союз между фашизмом и центром католицизма имел глубоко классовую подоплеку и наметился еще до подписания Латеранского соглашения в 1929 г. Результатом этого союза явились исключение из политической жизни страны лишенной поддержки Ватикана католической народной партии, усиление филофашистских тенденций в итальянском католицизме, выразителем которых являлся А. Джемелли. Он стал одним из основателей Миланского католического университета (в 1921 г.), а затем его ректором. Под руководством Джемелли были предприняты попытки организовать религиозно-католическую элиту, проповедующую идеи неотомизма, неомедиевизма и корпоративизма и призванную воспитывать молодежь и широкие католические круги в антисоциалистическом и антидемократическом духе. Еще до Латеранского соглашения «круг Джемелли» способствовал установлению тесных деловых отношений между католическими и финансовыми кругами Ломбардии, между епархией и фашистским руководством³⁰. Восстановление итальянского католического движения произошло в новой политической обстановке, под влиянием «пакта примирения» между фашистским государством и Ватиканом. Это привело к нарастанию в нем сильных фашистских и филофашистских тенденций. Сантарелли полагает, что Латеранский пакт внес смятение даже в ряды католиков-антифашистов³¹.

Католическое движение стремилось сохранить самостоятельность и не сливаться с фашистскими организациями. Грамши метко подметил эту тенденцию в политике католицизма на примере деятельности Джемелли. «У него чисто практические интересы — завоевание культурного рынка католицизмом, его деятельность направлена на то, чтобы обеспечить Ватикану ту непрямую власть над обществом и над государством, которая является главной стратегической целью иезуитов...»³²

В итальянской литературе установлена связь между нарастанием клерикально-фашистских тенденций и

фашистской агрессией против Эфиопии, когда режим Муссолини был особенно заинтересован в придании ей характера миссионерского движения, а также со вступлением в 30-х годах неогегельянского движения в полосу глубокого кризиса³³. В целом можно сказать, что в годы фашистской диктатуры итальянская духовная жизнь была зажата в тиски фашистской политики изоляции общества и господства неогегельянского идеализма, фашистского мистицизма и клерикализма. Прогрессивный исследователь Дж. Марино метко определил годы фашистской диктатуры как период «автаркии культуры»³⁴.

Итальянские фашисты стремились придать своей политике системное идеологическое обоснование. Над этим трудились многие фашистские идеологи и политические деятели. Социальные мифы, мистика и демагогия выполняли важную и всевозрастающую функцию в фашистской идеологии. Это признавал и на это ориентировал Муссолини, заявляя в 1922 г. следующее: «Сейчас время мифов. Все в движении. Только миф может дать силу и энергию народу, который кует свою судьбу»³⁵.

В фашистской Италии существовало множество концептуальных оценок фашистского феномена. Это было связано с довольно пестрым социальным составом массовой базы фашизма: различные силы стремились выразить свои политические интересы в фашистской доктрине. Кроме того, это объяснялось различными теоретико-методологическими позициями авторов и особенностями момента написания работы.

В связи с 10-летием прихода фашистов к власти Муссолини совместно с Дж. Джентиле написал «Доктрину фашизма», которая была опубликована отдельным изданием и в статье «Фашизм» 14-го тома энциклопедии «Треккани». Немецкий автор Г. Мельхис в книге «Взгляды Муссолини и значение фашизма», опубликованной в 1928 г., писал о «неслучайном сближении между политическими действиями Муссолини и философией действия Джентиле». Они ставили действие в центр сознания. Это приближало их к философии Фихте: «Недостаточно сказать: я действую, значит я существую. Необходимо сказать: в самом действии заключена моя действительность»³⁶. Мельхис не коснулся здесь еще одного важного положения поздней философии Фихте, отголоски

которого проявились в фашистской идеологии: национальность — это коллективная личность, имеющая свое особое призвание³⁷.

Многие годы вопрос о влиянии взглядов неогегельянского философа Джентиле на формирование доктрины фашизма дискутируется в итальянской историографии. Э. Сантарелли считает, что первый философский раздел «Доктрины фашизма» был написан Джентиле, включившим в него основные компоненты своей концепции, а затем упрощен Муссолини. Второй раздел — «Социальная и политическая доктрина» — писал Муссолини, а редактировал Джентиле³⁸.

«Доктрина фашизма» была опубликована в тот момент, когда философская концепция Джентиле подвергалась яростным нападкам со стороны Ватикана и неотомистов³⁹. В 1933 г. Дж. А. Фанелли опубликовал книгу под названием «Против джентилеанства. Мистификации актуалистского идеализма в фашистской революции». В ней доказывалось, что Джентиле никогда не был фашистом, а, напротив, протаскивал в фашистскую идеологию реакционный неолиберализм. В заключении работы Фанелли утверждал, что между фашизмом и актуализмом не может быть никакого согласия, более того, фашизм должен видеть в нем «врага своей политической религиозной веры, морали и чувства родины»⁴⁰. Против Джентиле вели кампанию многие печатные органы. Особенно отличился в этом плане журнал «Сапиенца» (редактор Дж. Спинетти), который в 1933 г. стал организатором конференции в Риме, нацеленной на критику неоидеализма, в первую очередь концепции Джентиле.

Соперничая с неогегельянцами, идеолог неопозитивизма Дж. Вольпе также претендовал на лидирующие позиции в итальянской духовной жизни. Его влияние было значительным. Вольпе возглавлял Школу новой и современной истории, образованный в 1934 г. Институт новой и современной истории, отдел средневековой и новой истории в Институте «Треккани», был организатором Института истории мировой политики. Вольпе выступил инициатором написания фундаментальной работы о внешней политике Объединенной Италии, основные идеи которой были изложены им в ряде статей и, прежде всего, в книге «Италия в пути» (1927 г.).

В 1935 г. под редакцией Л. Лойаконо вышла книга «Фашистские корпорации», раздел «Генезис фашизма» написал Дж. Вольпе⁴¹. Он связывал происхождение фашизма с особенностями исторического развития самой Италии: в период Рисорджименто Италия осознала свою историческую миссию, выявился потенциал ее устремлений. Вольпе считал, что в конце XIX в. в связи с быстрым развитием производительных сил произошло нарушение равновесия между «страной» и государством. Стремление к обновлению государства вызывало со стороны нации антилиберальную и антисоциалистическую реакцию.

Центрами движения за обновление Италии Вольпе считал прежде всего синдикалистские организации и их теоретические органы «Авангардия социалиста», «Дивенуре социале», «Паджинс либере», которые особенно проявили себя в зонах наиболее развитого и активного промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, прежде всего в районах долины По и в Ферраре. Они стремились осуществить «наиболее радикальный, антидемократический, антипарламентский социализм», который опирался бы на силу меньшинства. Их вдохновляла «философия воли», «революционный идеализм», некоторые из идей Бергсона и Сореля. Вольпе писал, что синдикализм опирался на пролетариат и часть буржуазных слоев. Созидательной силой Вольпе считал колониальные захваты и войны.

Другим предшественником фашизма Вольпе считал националистическое движение, основными идейными установками которого были борьба против политической демократии, защита нации, противопоставление роли авторитета и этической завершенности государства политическим партиям, парламенту, бюрократии, активная колониальная политика.

В отличие от Франции, где, по мнению Вольпе, установилась непреодолимая дистанция между синдикализмом и национализмом, в первую очередь в связи с сугубо консервативными позициями последнего, в Италии они солидаризировались, однако «не с целью консервации, а для достижения мощи страны и империи». «В нации возвыситься над классами» — это стало общей целью националистов и синдикалистов. В отличие от материалистов, писал Вольпе, их объединяла вера в созидатель-

ную силу духа. Ливийская война, а затем вступление Италии в первую мировую войну привели к «конвергенции широких слоев населения на позициях народного национализма и народного империализма»⁴².

Вольпе назвал устремления националистов и синдикалистов «революционным ферментом». Почему «революционным»? Вольпе утверждал, что они связаны с «новаторскими импульсами», со стремлением «сменить способ управления и людей у власти». Решающую роль в формировании фашистского движения он отводил «революционной» первой мировой войне. Основанные в 1915 г. фаши революционных действий включили в свои программные документы «новые импульсы национального социализма». Их массовую базу составляли «народные и мелкобуржуазные элементы», действовавшие как «энергичный революционный фермент». Вольпе акцентировал внимание на том, что в движение вступали фронтовики, дети фронтовиков, которые при этом руководствовались инстинктом борьбы и авантюр, жадой риска, желанием действовать. Многие последователи фашизма вышли из сельской, мелкой и средней буржуазии, буржуазии новой и новейшей формации и буржуазной интеллигенции. «Буржуазия была,— писал Вольпе,— но преимущественно как сумма духовных ценностей, усвоенных также небуржуазными слоями»⁴³. Он считал, что классовый аспект не играл существенной роли в фашистском движении: большинство его участников руководствовались самими высокими общими ценностями.

Фашизм являлся «организацией борьбы как против правых сил, ненавидевших все новое, так и против разрушительных поползновений левого коммунизма». Он не основывался ни на республиканской демократической доктрине, ни на консервативной националистической. Вольпе ссылаясь на Муссолини, который утверждал, что фашизм «синтезировал в себе все отрицания и все утверждения», в нем «происходит спонтанная встреча всех тех, кто отвергает старые категории, старое мышление». Фашизм проявил себя как «движение революционных интервенционистских сил, открытое для итальянцев всех убеждений и для всех продуктивных классов в свете новых сражений, необходимых для того, чтобы возвысить значение войны и победы». Фашизм предложил «новый синдикализм», который нацеливал на

сближение трудящихся ручного и умственного труда, на привитие чувства родины и надклассового национального общества, вовлекая усилия отдельных личностей в коллективные действия. Из этого Вольпе заключал, что фашизм проявил себя в качестве «великой народной революции, первой народной революции, самого завершенного Рисорджименто»⁴⁴.

Фашистский идеолог полемизировал с либерально-демократическим деятелем П. Гобетти, который утверждал, что фашизм лишен ясных и определенных идей, политической культуры. Вольпе соглашался с тем, что в период становления фашистского движения «отрицание было сильнее утверждения». Однако в дальнейшем проявилась его ориентация на политическую организацию, основанную на органичном представительстве классов, профессий, интересов. Таким образом, речь шла о «прямой демократии, т.е. об участии групп организованных производителей в осуществлении общественных дел». В основу фашистской концепции организации общества, продолжал Вольпе, легли многие из положений, выдвинутых различными идейно-политическими течениями, в первую очередь синдикализмом. Прежде всего это «тесное сотрудничество между рабочими и предпринимателями во имя роста производства и международной борьбы, в которой классовые различия и противоречия не имели никакой ценности, а существовали только интересы нации; жертвы или достижения буржуазии были также жертвами или достижениями пролетариата и наоборот»⁴⁵. Задачей фашизма являлось закрепление этих установок в политической и институционной областях. Происхождение фашизма Вольпе «на три четверти» увязывал с личностью Муссолини. Вопрос об отношениях между фашистским политическим руководством и монополистическим капиталом он обходил молчанием. Внешнюю политику Вольпе трактовал с крайне националистических позиций.

В 70-е гг. в работах известных буржуазных исследователей (Р. Ромео, Р. Москати, Дж. Ди Джиованна, Дж. Спадолини) стала проследиваться тенденция к идеализации исследований Вольпе, которым якобы был присущ «глобальный историзм»⁴⁶. Конечно, нельзя отрицать влияния Вольпе на формирование большой группы итальянских интеллектуалов, но многие из них —

К. Моранди, В. Матури, А. Торре, Ф. Шабо, М. Тоскано, Дж. Мира, Ф. Курато, Р. Моска — после войны пересмотрели как идеалы Вольпе, так и его методологию⁴⁷ (наибольшее концептуально-методологическое влияние Вольпе, на наш взгляд, прослеживается в исследованиях о фашизме современного историка Р. Де Феличе). И, главное, не следует забывать о политических позициях Вольпе в фашистский период, когда его исследования служили идеологической подпоркой режиму, а сам он держал под контролем деятельность ряда исследовательских учреждений, руководствуясь политическими соображениями при определении тематики, направлений и содержания исследований.

Клерикально-фашистские публикации постоянно появлялись в журнале «Вита е пенсьеро», основанном Джемелли в 1914 г. На сторону фашизма переходили даже такие авторы, как либеральный католик М. Миссироли, чья книга «Фашизм и итальянский кризис» была опубликована в 1921 г.⁴⁸ Объектом внимания Миссироли стали идейные и социально-психологические предпосылки фашизма. Автор утверждал, что в условиях кризиса традиционной духовной культуры происходило обращение молодого поколения, прошедшего через горнило мировой войны, к националистической идеологии. Почему к националистической? Миссироли объяснял этот антидемократический поворот молодежи психологическими (разочарование в связи с несостоявшейся революцией) и социальными мотивами. В результате войны сформировались новая мелкая буржуазия и рабочая аристократия, положение которых в обществе было значительно лучше, чем «старых» средних слоев, внесших значительный вклад в победу в войне. Ущемленные экономически «старые» средние слои добивались компенсации путем политической борьбы. Кроме них фашистское движение поддерживали высшие офицерские круги, торговцы, владельцы магазинов, земельные собственники, спекулянты, «старые» буржуазные силы, лишившиеся привилегий в годы мировой войны. Джолитти сделал неудачную ставку на фашизм в своей политической игре. «Вполне возможно,— писал Миссироли,— что реакционные классы, которые рассчитывают посредством фашизма сохранить обычный ход жизни, будут ждать горькое разочарование»⁴⁹. Автор пояснил свою позицию. Ока-

зывается, он убежден, что фашизм реализует себя в политике в качестве «левой» силы, выражая интересы средних слоев. «Фашизм должен стать зрелым общественным сознанием новой демократии и как таковой восстановить отношения с социализмом, в противном случае он превратится в запоздалую и бесперспективную реакционную попытку... промелькнет как несчастный случай»⁵⁰.

В 1925 г. Миссироли показал П. Гобетти свою новую статью «Фашизм и монархия», в которой установление фашистского режима объяснял «приходом социализма к власти», «исторической и самой демократичной фазой в истории Италии». Реакция Гобетти на статью была жесткой, и между ними произошел полный разрыв⁵¹. В 1932 г. Миссироли опубликовал книгу «Современная Италия», в которой расточал дифирамбы в адрес политики Муссолини. «Корпоративный порядок», Латеранское соглашение он считал примером «решения двойной социальной и политической проблемы», с которой не справились либеральные правительства. Только при фашизме, по его утверждению, удалось преодолеть антагонизм между церковью и государством. Миссироли с удовлетворением цитировал слова Муссолини о том, что «латинская и имперская традиции Рима сегодня представлены католицизмом»⁵². Его заключение о неизбежном «обновлении социальной структуры» звучало несколько неопределенно и, по-видимому, учитывало предшествующий просчет: опубликованная Миссироли в 1929 г. книга была внесена Ватиканом в список запрещенных. В ней автор слишком рьяно защищал идею «о тоталитарном фашистском воспитании»⁵³.

Фашистская идеологическая элита, как уже отмечалось, значительное внимание уделяла формулированию доктрины фашизма. В 1926 г. фашистский официоз «Джержаркия» опубликовал статьи Дж. Сельви, А. Бруерса и Б. Джульяно, в которых предлагались различные варианты обоснования фашистской доктрины.

Дж. Сельви считал основной ошибкой материалистической доктрины то, что она ставит индивидуума в центр общественной жизни. Напротив, утверждал он, индивидуум растворяется в ячейке. Человеческое бытие имеет замкнутый круг жизни от рождения до смерти, но, будучи ячейкой, оно делится, умирает и восстанавливается.

Самая глубокая и подлинная жизнь человека заключается в вечной цепи, которая связывает могилы и колыбели. С этим связан религиозный смысл жизни, заключенный в фашистской духовности. Взаимоотношения ячеек отличаются сложностью, однако наиболее важная роль принадлежит иерархии отношений. Фашизм создает политическую организацию самого высокого уровня, в которой государство отождествляется с нацией, государству подчиняется вся социальная активность.

С биологических позиций Дж. Сельви подошел также к вопросу о правительстве. Государство развивается согласно собственной норме жизни, которую определяет фашистское правительство. Принцип авторитарности и силы правительства он представляет как нерушимый порядок гармоничного динамизма строения клеток. Если этот принцип нарушается, то ненормальное развитие клеток вызывает раковые болезни. Либеральное и демократическое общества аномальны, поскольку руководящая воля правительства в них парализуется патологическим многоголосием парламента. Государство является сувереном по отношению к индивидууму так же, как тело к клетке. Индивидуум не является независимой личностью, он — элемент нации. Государство — это не сумма индивидуумов, а необходимая форма их организации, которая определяется интересами нации и фашистскими принципами. В этой связи Сельви категорически отвергал экономический индивидуализм.

Смоделированное в пределах Италии или, точнее, в границах племени социальное стадо составляет жизненное тело итальянской нации и выражено таким живущим и действующим субъектом, как итальянское государство. В своей фашистской форме государство представляет собой высший уровень социальной эволюции. Оно состоит из миллионов ячеек. Сцепления ячеек группируют простой народ, выполняющий обычные функции. Как в каждом живом организме или органической системе здесь имеются нервные ячейки, которые представляют собой нечто вроде руководящего класса, аристократии и командиров. Эти последние являются наиболее ценными, они выполняют самые высокие функции. Между высшими и низшими ячейками расположено огромное количество дифференцированных элементов.

Все они распределены по системам, связаны определенной динамикой взаимовлияния, иерархии и дисциплины и находятся под единым централизованным руководством. Таким образом, индивидуумы сгруппированы в дифференцированных ячейках, однако их объединяет один высший признак — они итальянцы. На этом удивительном функционировании системы, продолжал фашистский идеолог, строится вся жизнь, как физическая, так и духовная. В соответствии с этой концепцией фашизм отрицал установку, которая определяет борьбу классов как сущность жизни.

В фашистском государстве профсоюзные организации, корпорации, магистратуры труда становятся частью государственной и правительственной системы и вместе с ними осуществляют динамичное упорядочение нормы жизни. Государственные институты обеспечивают защиту и развитие «превосходных качеств итальянской расы» через насаждение дисциплины, военного сознания, духа самопожертвования, подготовку к преодолению повседневных материальных трудностей во имя высших интересов нации. По мнению Дж. Сельви, фашистская концепция государства и жизни имеет ясно очерченный знак империи. Стремление к империи он рассматривал как биологическую потребность развивающегося и молодого организма — итальянской расы⁵⁴.

А. Бруерс в статье под претенциозным названием «К обновлению итальянской философии» вынес на обсуждение основной, как он полагал, вопрос: философия — это искусство или наука? Глубокие изменения в общественном мировоззрении, по мнению автора, требуют положить конец «миражу гносеологии, логики, концептуализма, угрожающим превратить философию в дисциплину, источающую схоластику». Не веря в познавательные возможности философии как науки, Бруерс свел ее к функции искусства, которое он понимал как «невесомую и неуловимую сущность», проявляющуюся в элементах гармонии, чувства, драмы. Эта сущность искусства ставит человека перед всеобщностью как перед гигантской проблемой, которая сначала должна быть пережита, а затем уже осмыслена. Она оставляет широкий простор для мистерии, исключает возможность создания «убогой формальной концепции». Там, где концептуализм бесплоден, инструментом знания является интуитивизм.

Специфической чертой итальянской философии, писал в заключение Бруерс, является «поэзия»⁵⁵.

Фашистский идеолог Б. Джульяно стремился поставить на место классического рационализма некий новый рационализм (влияние идей Дж. Джентиле). Автор пытался доказать, что гегелевская логическая диалектика слишком абстрактна и далека от жизни, как и марксизм, и необходимо противопоставить им мифическую диалектику, которая рассматривала бы борьбу двух мифологий как рациональный путь. Обращение Джульяно к рационализму не должно вводить в заблуждение. В его субъективно-идеалистической схеме выдвигались на первый план интуитивизм, волюнтаризм и другие иррациональные категории. Причем интуитивизму придавалось особое значение. «Я не хочу утверждать,— писал Джульяно,— что Муссолини в осуществлении своей деятельности подчинялся заданной программе. Напротив, я уверен, что он нашел самого себя и избрал свой путь, руководствуясь и двигаясь в соответствии с озарившим его лучом интуиции»⁵⁶.

Современная историография поднимает вопрос о влиянии философской концепции О. Шпенглера на формирование взглядов Муссолини. Глава фашистского правительства был лично знаком с немецким философом, написал целый ряд рецензий на его работы, а однажды они даже стали соавторами двух предисловий к книге Р. Корерра «Упадок рождаемости». Тезис Шпенглера о «совершенном цезаризме», который возвышается над политическими партиями и экономикой, отразился в фашистской идеологии. В связи с открытием на улице Имперо в Риме копии скульптуры Юлия Цезаря Муссолини утверждал, что данная эпоха может быть названа цезаристской, поскольку в ней господствуют исключительные личности, заключающие в себе власть государства.

Под влиянием Шпенглера, считает Р. Де Феличе, сформировалась фашистская концепция о «цивилизаторской» функции Рима в мире. В упомянутом выше предисловии к книге Корерра Шпенглер писал, что в Европе лишь Муссолини придает значение идеалу «здорового тела», культивируя образ жизни крестьянской семьи, применяя на практике «этическую функцию расовой концепции»⁵⁷. Вместе с тем нет оснований для

утверждения о решающем воздействии Шпенглера на Муссолини. Применительно к возникновению представлений о государстве советский исследователь Б. Р. Лопухов отмечает, что «на поверхность европейской мысли одновременно и независимо друг от друга выплыл ряд воззрений на государство, сходных по своему внутреннему настроению, но представленных совершенно различными авторами»⁵⁸.

У Шпенглера исторические циклы развивались по схеме: «рождение — развитие — гибель цивилизации». Итальянский фашизм провозгласил своей целью создание «новой цивилизации». По понятной причине Муссолини не мог принять тезис Шпенглера об «исторической миссии германского народа в западном мире», проявляющейся в его функции «объединения народов», об установлении новой империи, что должно было соответствовать последней стадии западной цивилизации. Итальянский фашизм объявлял о готовности взять на себя миссию «спасителя» западной цивилизации. Перечеркнув идеологию XIX в., Муссолини заявил о вступлении цивилизации в новый период, содержание которого определяется «фашистской революцией».

В 1984 г. журнал ИКП «Критика марксиста» опубликовал материал М. Наччи «Кризис цивилизации, фашизм и европейская культура». С этим текстом она выступила на конференции на тему «Тенденции итальянской философии в фашистский период», проведенной в Ливорно. Автор указал, что несмотря на многообразие подходов фашистских идеологов к вопросу о «кризисе цивилизации», общей в них оказывается идея о фашистской альтернативе. Еще в 1918 г. А. Ланцилло, сотрудничавший с Муссолини в «Пополо д'Италия», писал о фашизме как «третьем пути» между капитализмом и социализмом⁵⁹. На политическом уровне, утверждал Муссолини в 1929 г., общий кризис западной цивилизации проявлялся в несостоятельности основных политических систем XIX в.: либерализма, социализма и демократии. В связи с этим западные государства приблизились к новому циклу своей цивилизации. В некоторых наиболее молодых странах, к которым он относил Италию, имеющих большой запас энергии, способных утвердить свою жизненную и моральную силу, создать свою империю, этот кризис не достиг столь

опасной стадии. Однако потенциальные возможности Италии не были реализованы в связи со слабостью ее политического руководства, и она не заняла того места, которого заслуживала. Установление фашистского режима вывело страну из оцепенения. Фашизм стал новым фактором XX в., спасением не только для Италии, но и для всей Европы⁶⁰.

Фашистские идеологи использовали мировой экономический кризис 1929—1932 гг. для обоснования тезиса о вступлении капитализма в фазу наиболее острого, подлинно структурного кризиса. Выступая на конференции в Женеве в 1931 г., делегат Италии фашистский экономист Дж. Ариас заявил, что нынешний кризис — это не кризис капитализма, как утверждают марксисты, а кризис современной структуры капитализма, выход из которого невозможен без устранения конституционных дефектов настоящей структуры либеральной экономико-политической организации. Пример Италии, где корпоративизм себя оправдал, доказал это⁶¹.

Если в 1918 г. некоторые фашистские идеологи поднимали вопрос о «преодолении» капитализма, то в последующие годы выход из кризиса либеральной системы они видели в ее фашизации. Это было связано с выдвиганием тезиса об универсальном значении фашизма. Попытки разработать концепцию «универсальности» фашизма были отмечены в 1925 г. Один из видных фашистских идеологов П. Горголини утверждал на страницах «Джераркии», что фашизм обладает «универсальной силой». Среди организаций, использующих, по его мнению, идеи, близкие к фашизму, были названы монархические католики в Испании, актуалисты в Голландии, молодые британцы в Англии, мадьярская гвардия Хорти, военно-спортивные организации Гитлера, Людендорфа, Каппа в Германии, а также в Югославии. «Европа начинает рассматривать фашизм как умиротворяющую универсальную силу... Цели, которые преследует фашизм, его законы не могут сказаться только на итальянцах»⁶². Фашизм имеет, утверждал Горголини, «универсальную этическую сущность», «функцию в мире»⁶³.

Комментируя в 1926 г. заявление Муссолини о том, что «фашизм не является статьей экспорта», влиятельный фашистский журналист В. Гайда тем не менее счи-

тал необходимым почеркнуть, что фашизм «все больше проявляет себя как международный «феномен», становится «духовной предпосылкой для других движений в крупных и малых странах Европы». Обращение к фашизму он рассматривал как основное средство преодоления «кризиса демократии», который охватил не только европейскую, но и всю мировую цивилизацию. Выход из кризиса он видел в усилении регулирующей роли государства во всех областях общественной жизни и в «добровольном сотрудничестве» всех национальных сил в осуществлении этой политики. В экономическом плане, подчеркивал Гайда, все имеет тенденцию к олигархии. В политической области должна утвердиться жесткая исполнительная и авторитарная власть. Диктаторские режимы придут на смену индивидуализму и политическим свободам⁶⁴.

В октябре 1930 г. Муссолини выступил с речью, в которой акцентировал внимание на международном значении фашизма. С этого времени тезис «универсального фашизма» занимает центральное место в идеологической системе итальянского фашизма. Комментируя речь Муссолини, «Джераркия» писала, что «Италия возобновила революционную инициативу в мире и представила в качестве примера собственную модель политического строя». Универсальными проявлениями фашистской модели являются антидемократизм, антипарламентаризм, антисоциализм, «новый тип национального общества», важнейшая формула которого — «капитал — брат труда». В духовной области фашисты осуществляют антиматериалистическую пропаганду, возвышая тем самым все идеалистические ценности⁶⁵.

Идеологическая кампания в поддержку «универсального фашизма» достигла своего апогея в 1934 г., когда был проведен первый конгресс КАУР. Конгресс отметил «революционный и конструктивный дух» фашизма, единственной фашистской доктриной провозгласил «идеалы» корпоративного государства, объявил о создании координирующего органа движения⁶⁶.

Попытка создать фашистский интернационал на базе идеологии корпоративизма потерпела крах. По мнению Б. Р. Лопухова, это было связано с несовместимостью фашистского интернационализма и национализма⁶⁷. Фашистская доктрина провозглашала «тенденцию к импе-

рии», к территориальному, военному, торговому и идейному империализму⁶⁸.

В апологетически фашистской литературе весьма противоречиво освещен вопрос о происхождении фашизма и о его преемственности. В теоретических построениях Дж. Лумброзо прослеживаются некоторые общие моменты с современной концепцией «национализации масс», взятой на вооружение «новой» историографией. Лумброзо утверждал, что Французская революция пробудила патриотическое сознание европейских народов, их стремление к созданию самостоятельного национального государства. Оформившееся в виде мифа, это национальное чувство привело в движение народные массы⁶⁹.

В 1927 г. в редакционной статье журнала «Джераркия» были противопоставлены «западная и восточная модели социализма». Автор статьи указал на «западное происхождение» идей Буонаротти, Бабефа, Прудона, Лассалья, Маркса. Фашизм, утверждалось в статье, является продолжением и логической реализацией великих социальных идей, которые в зародыше проявились в социалистической теории, он придал им силу и освободил от грубого материализма. Фашизм автор статьи противопоставил «восточной деградации социализма»⁷⁰. В 1933 г. «Джераркия» писала, что фашизм не является истинным противником Великой французской революции, напротив, он на деле служит ее цели — социальному освобождению. В Муссолини воплощены одновременно идеалы и Робеспьера и Бонапарта⁷¹. С. Панунцио утверждал, что революция — «это разрыв с предшествующим юридическим государственным порядком», исходя из этого он устанавливал дату фашистской «революции» — юридическое завоевание фашистами итальянского государства в октябре 1929 г., в результате которого, по его мнению, произошла «экспроприация старого правящего класса со стороны народа»⁷².

Некоторые исследователи, прежде всего «круг Р. Де Феличе», подхватили эти идеи. Однако апологетически фашистские интерпретации были самыми разноречивыми. Фашистский идеолог Ю. Эвола представлял фашизм в качестве «революционно-реакционного» мышления, которое опирается на мифологию для того, чтобы использовать традиции, зародившиеся до революции 1789 г., до Реформации и даже в дохристианский период. К. Ма-

лапарте писал о фашизме как о «реакции на всю современную европейскую цивилизацию»⁷³. К. Пеллици утверждал, что к доктрине фашизма неприменимы понятия «традиция» или «революция». Революция означает преобразование всей реальности. «Ошибочность» концепции Французской революции заключается в том, что она отрицала всю реальность. Мы же считаем, указывал Пеллици, что реальность не является верной или фальшивой, справедливой или несправедливой, хорошей или плохой; это то, что имеется. Он решительно высказывался против суждений о том, что фашизм сначала осуществил «революцию», а затем стал опираться на традицию. Фашизм — это «и революция и традиция», заявил Пеллици⁷⁴.

М. Карли и В. Дзангара утверждали, что фашизм являлся полным отрицанием идеалов Французской революции. Карли выделял антидемократическое, имперское, антирационалистическое и антииндивидуалистическое содержание фашистской доктрины. В свою очередь, В. Дзангара писал в журнале «Антиэуропа», что цивилизаторская функция фашизма заключается в уничтожении всего того, что сделала Французская революция. Упразднив идеалы Французской революции, либерализма, демократии и социализма, фашистская «революция» устанавливает новую цивилизацию иерархии и порядка, которая является альтернативой как пролетарской, так и современной западной цивилизации, являющейся продуктом Французской революции⁷⁵.

Л. Фраттароло писал в 1934 г., что фашизм не отверг полностью трином Французской революции — «свобода, равенство и братство», но придал ему в соответствии с социальной реальностью новое значение — «власть, иерархия, дисциплина». Две формулы — две революции, заключал фашистский автор⁷⁶.

Тема «предательства» фашистским режимом «идеалов» фашистского движения одним из первых была поставлена Альчесте Де Амбрисом, синдикалистом, бывшим председателем Итальянского союза труда, который вместе с Муссолини участвовал в интервенционистском движении, затем был министром «правительства» Г. Д'Аннунцио в Фиуме, поддержал приход фашистов к власти, позже он выступил с критикой режима, эмигрировал во Францию, где умер в 1934 г. В статье

«Эволюция фашизма», опубликованной во Франции в 1923 г., он утверждал, что приход фашистов к власти является «превентивной реакцией» на революционный подъем. Вместе с тем в начальный период своего формирования фашизм не был консервативной силой, напротив, он выступал как «обновленческое» движение. Уклон вправо произошел в связи с присоединением к нему в 1920 г. аграриев, являющихся консервативной силой. Это отразилось на программных документах, которые становились все более неопределенными, утрачивали такие решительные требования, как установление республики, экспроприация земель. Де Амбрис указывал на решающую роль господствующих политических сил либерального государства в передаче власти фашистам. «Самым парадоксальным сотрудничеством» называл он поддержку фашизма либеральным деятелем Дж. Джолитти. С этого момента, полагал Де Амбрис, фашизм стал отречься от своих духовных постулатов, все более активную роль в движении стали играть правые националистические и консервативные силы. К маю 1921 г. фашизм полностью утратил свое «обновленческое, республиканское, синдикалистское, антиклерикальное, либералистское происхождение». Де Амбрис обвинял Муссолини в том, что тот пошел на компромисс с крупным капиталом. В синдикалистских организациях режим видел лишь средство установления контроля над трудящимися. Заключение статьи Де Амбрис утверждением, что после прихода к власти фашизм предстал в двух лицах: как крайне правая сила, исповедующая концепцию могущественного, тиранического государства, и как крайне левая сила, на практике осуществившая радикальный политический и социальный переворот в Италии. Он предрекал скорое поражение фашизма, если его идеологи не вернутся к первоначальной программе⁷⁷.

В августе 1933 г. Муссолини сообщил о начале «перехода от одной цивилизации к другой», построить которую должна Италия⁷⁸. Центральной в фашистской доктрине была концепция абсолютно фашистского государства. Она утверждала, что государство — не средство для личного счастья индивидуума, а наоборот, личность — средство для государства. Государство предшествует индивидууму, не зависит от его воли. Индивидуум же — явление преходящее. Он имеет права по-

стольку, поскольку их ему дает государство, поскольку эти права соответствуют природе суверенного, всемогущего государства. Индивидуум неограниченно обязан государству. Государство организует общество и нацию. Суверенен не народ, суверенно государство⁷⁹.

Фашистские идеологи стремились представить Италию в качестве «народного государства». Подытоживая обсуждение вопроса о сущности фашистского государства в фашистской печати, Г. Баттальяни сопоставил две точки зрения — одного из авторов фашистских законов А. Рокко и фашистского профессора из Миланского католического университета Ф. Ровелли. Рокко определил фашистское государство как «народное», указывая на важное место в фашистском законодательстве статей о социальном обеспечении. Ровелли, возможно, считая конкретную аргументацию недостаточно убедительной, иначе обосновал свое мнение. Воля народа, утверждал он, может проявляться как воля решения, когда народ определяет политику правительства, или как воля консенсуса (согласия) с его действиями. Фашистское государство является «народным», поскольку осуществляет «контракт консенсуса»⁸⁰.

Другой фашистский автор — А. Ассанте указывал, что в отличие от субъективно-идеалистической концепции, которая утверждает зависимость индивидуума от государства, фашистская концепция предусматривает полное духовное слияние личности и государства. Фашистское государство является «духовным», поскольку отношения субъекта с ним продиктованы не фатальной необходимостью, а общей потребностью⁸¹. В любой версии фашистская концепция государства рассматривала либеральную демократию и парламентскую систему как архаичные и неэффективные инструменты «фальшивой» демократии, неспособной управлять массовым обществом⁸².

Вопрос об участии масс фашистские идеологи считали ключевым при переходе от авторитарной к тоталитарной организации режима. Они считали, что тоталитарная форма организации режима гарантирует его стабильность, под которой они подразумевали единство руководства, главенство исполнительной власти, однопартийность, организацию масс в государственном масштабе, идеологический интегрализм, социальную общ-

ность и солидарность, религиозную верность родине, культ государства, интеграцию личности в тоталитарную государственную организацию. Фашизация сознания итальянца должна осуществляться с детства с помощью политических организаций и продолжаться в течение всей его жизни. Итальянец должен не становиться фашистом в результате свободного индивидуального выбора, а родиться им, как он родился итальянцем⁸³.

Формированию «нового» человека отводилось весьма значительное место в плане строительства «нового типа цивилизации». Муссолини публично заявлял о неготовности итальянцев к достижению этой цели и с презрением относился к народным массам. «Мертвое пространство национальной жизни,— заявлял он в 1932 г.,— еще предстоит фашизировать»⁸⁴. Итальянцев он характеризовал как народ «слишком легкого оптимизма и нерадивый, которому лишь иногда на короткий срок хватает прилежания»⁸⁵. «Массы любят сильных людей. Для меня массы значат не более, чем стадо овец, пока неорганизованных»,— заявлял Муссолини⁸⁶. В связи с этим перед личностями «цезаристского типа» он ставил задачу осуществить фашизацию масс и привести их к намеченной цели. По его мнению, все зависело от «артистических» способностей личности, руководящей массами.

С помощью фашистского идеологического аппарата итальянцам навязывались пропагандистские установки: «авторитет, порядок и справедливость», «верить, подчиняться, сражаться». Фашисты ставили задачу изменения образа жизни, характера, всего комплекса повседневных привычек итальянцев, их политического сознания. В представлении Муссолини итальянец «нового типа»— это воин, всегда готовый пожертвовать своей жизнью, изобретатель, глубоко постигающий суть своего ремесла, судья, это великий капитан индустрии, исследователь, великий правитель. Только осуществив тщательный отбор и установив иерархию этих «великих категорий», можно приступить к строительству «новой цивилизации»⁸⁷.

В основу этого плана был положен принцип «иерархии социальных отношений». Фашистский идеолог В. Фани Чиотти утверждал, что итальянцам недостает элиты, национальной аристократии. В отличие от плебея, арис-

тократ является хозяином собственных действий. Аристократ «романского типа» стоит ближе к английскому аристократу, воспетому Р. Киплингом, чем к «сверхчеловеку» Ницше. Из массы народа, как из первобытного хаоса, можно выделить несколько тысяч избранных, которые возглавят руководящее ядро нации. Подготовкой «новой» аристократии должны заниматься фашистские институты. Военное воспитание, заключал В. Фани Читотти, является душой всех аристократий⁸⁸.

Фашистский тип «нового» человека предполагал развитие не интеллектуальных качеств, а «моральных», под которыми подразумевались дисциплина, мужество, воля, одним словом, качества «гражданина-солдата», чье тело и душа всецело растворены в государстве и подчинены только государству⁸⁹.

Важная роль в фашистской доктрине отводилась привитию военного духа «новой» итальянской нации через насаждение концепции «романского» мифа. Например, фашистский идеолог П. Де Франчизи рассматривал «римское государство» в качестве модели тоталитарной общности, в которую гармонично вписаны все существенные элементы организации политической жизни⁹⁰.

Фашизм провозглашал достижение более передовой социальной справедливости, чем при либеральном режиме, которую, как первоначально декларировалось, должно было обеспечить сотрудничество классов. Утверждалось, что деление на классы, правящую элиту и массы присуще человеческой природе и необходимо для гармоничного развития коллективной жизни. Необходимо сохранить классы, но ликвидировать их эгоизм, заключив в новую корпоративную систему⁹¹.

В связи с публикацией в апреле 1927 г. так называемой «Хартии труда» на страницах фашистской печати был поднят вопрос о положении классов в фашистском государстве. В майском номере «Джераркии» была опубликована статья Л. Мерлино, в которой он оспаривал ранее высказанное суждение Дж. Ариаса о том, что в корпорациях положение трудящихся и работодателей одинаково. В отличие от социализма, утверждал Мерлино, фашистская доктрина на место принципа борьбы между классами поставила принцип сотрудничества между ними. Нельзя отрицать существования классов в фашистском корпоративном государстве,

неоспоримым является также неравенство классов: трудящиеся по своему моральному, интеллектуальному и экономическому положению находятся на значительно более низком уровне. Мерлино заявил, что режим пока недостаточно осуществляет свою функцию установления «равновесия между классами». В этом он возлагал особые надежды на «Хартию труда» и корпорации⁹². В статье Мерлино прослеживаются рудименты идейных установок «левого» течения в фашистском движении. Фашистский режим он представлял надклассовым органом, регулятором социальных отношений.

Весьма примечательным был ответ Дж. Ариаса на статью Мерлино, помещенный в этом же номере «Джераркии». Ариас обвинил Мерлино в протаскивании в корпоративную идеологию «чужеродных» идей. «Это реминисценция марксизма»⁹³, — утверждал он. Что же от марксизма разглядел фашистский экономист в статье Мерлино? Прежде всего, саму постановку вопроса о классах в условиях фашистского режима, а также намек на неравноправное положение трудящихся. Фашистская доктрина, напоминал он, отрицает понятие «классы» в том смысле, который ему придают социалисты. Моральное и экономическое единство нации осуществляется через практически полное объединение продуктивных категорий (труд, интеллигенция, капитал) и их подчинение государству. Интересы категории, таким образом, рассмариваются как аспект интересов нации. Не существует более особой «проблемы рабочих», как и «проблемы рабочего движения» в их противопоставлении нации и государству, заявил Ариас. «Примиришь неравенство, — спрашивал Ариас, — но чье и где?» Подлинное равенство, заключил он, это равная ответственность перед государством. Сущность фашистского государства — иерархия⁹⁴.

Указывая на «антибуржуазный» характер режима, фашистские идеологи рассматривали буржуазию не как класс (с ее отношением к частной собственности), а как «моральную» категорию, «осознающую» собственность. «Буржуазными» назывались те слои или индивидуумы, которые стремились «жить вне государства», защищали свои интересы и моральные ценности, скептически относились к идеалам «гармоничного коллектива», идее выполнения долга перед государством⁹⁵. В 1939 г. «Дже-

раркия» писала: «Классов больше не существует... в фашистском государстве — только дисциплинированные категории... мы говорим не о сотрудничестве классов, а о сотрудничестве категорий»⁹⁶.

Несмотря на множественность и изощренность апологетических интерпретаций фашизма, сфера их воздействия неуклонно сокращалась по мере того, как политика фашистского режима обнажала его истинную сущность. С середины 30-х гг. усилилось стремление фашистских идеологов представить постулаты доктрины фашизма неанализируемой идеологической формой — мистикой. Дж. Спинетти писал в 1939 г., что истинная сущность доктрины фашизма заключена в мистических представлениях. Мистика повышает ценность таких иррациональных сторон духовной жизни, как интуиция, чувство, инстинкт, воля и т. п. К тому времени, когда Спинетти опубликовал свою статью, во многих учебных заведениях были открыты кафедры мистики. В феврале 1940 г. под председательством Вито Муссолини был проведен первый конгресс фашистской мистики.

Почему фашистские идеологи придавали такое значение мистике? В определенной мере ответ на этот вопрос можно получить в статье Спинетти. По мнению фашистского автора, «мистическая концепция жизни» выполняла основную роль в пересмотре прежних философских систем, в разработке «новой концепции жизни и мира, полностью отвечающей нашей жизни». Из этой функции фашистской мистики вытекало, что она «должна была стать сущностью философской системы, которая сможет утвердиться только через некоторое время, поскольку невозможно, чтобы философская система, являющаяся выражением определенного исторического периода, могла быть разработана за короткий срок»⁹⁷.

Фашистская идеологическая элита не смогла разработать рационально обоснованную систему духовных ценностей. Фактически признавая это, журнал Дж. Боттаи «Критика фашиста» писал в 1939 г., что фашизм, отвергнув материалистическую философию и преодолевая идеалистическую доктрину, стремился создать «собственную теорию масс, организованных в новом фашистском государстве». Однако эта попытка оказалась нереализованной. Теоретическое обоснование системы отступило

перед прагматическим эмпиризмом. Журнал обратился к интеллигенции с призывом включиться в создание основ фашистской духовной культуры. Ее «временным» отсутствием объяснялось насаждение «фидеистской концепции» фашизма с экзальтацией силы и воли: «Муссолини всегда прав — верить, повиноваться, сражаться»⁹⁸.

В конце 30-х гг. духовную нищету фашизма, его идейный тупик осознали не только те, кто встал на путь антифашистской борьбы или намеревался это сделать. Попытку обосновать необходимость пересмотра фашистской доктрины, выдвинув тезис о «перманентной фашистской революции»⁹⁹, сделал Дж. Боттаи. С марта 1940 г. Дж. Боттаи начал издавать новый журнал «Примато», одной из целей которого было привлечение новых слоев интеллигенции к «обновлению фашистской культуры». После второй мировой войны Дж. Боттаи пытался доказать, что в крахе фашистского режима повинны «личности, а не система»¹⁰⁰. Вопреки утверждениям подобного характера глубокий, безвыходный кризис фашистской идеологической доктрины свидетельствовал об исторической обреченности фашизма. В идеологической области этот кризис проявился задолго до того, как сложились предпосылки военно-политического краха режима.

Поддержка фашистского режима представителями различных течений буржуазной и религиозной философско-исторической мысли привела к определенному концептуально-методологическому плюрализму официальной историографии. В «интеллектуальном блоке», который обслуживал фашистский режим и контролировался им, были представители практически всех известных к тому времени разновидностей буржуазного историзма. Дж. Боттаи незадолго до падения режима пытался вдохнуть жизнь в неогегельянский идеализм путем сближения его с экзистенциализмом¹⁰¹.

Фашистский «интеллектуальный блок» основывался на общности интересов господствующих классов. Что касается содержания официальной историографии, то, отличаясь разнообразием концептуальных и методологических подходов, в главном — апологии крайнего буржуазного национализма и империализма, защите классовых интересов монополистической буржуазии — оно совпадало.

§ 3. ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА В АНТИФАШИСТСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ И ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В период фашистского режима складывались предпосылки политического размежевания католического движения. Духовное неприятие фашизма было свойственно многим интеллектуалам-католикам — К. Бо, Дж. Де Лука, Дж. Пинтору. Сложилось «неогвельфское движение», идеологом и организатором которого был П. Мальвестити, а в конце 30-х гг. — «католическая левая» организация, признававшая принцип классовой борьбы¹⁰².

К 1940 г. фактически оформилась католическая оппозиция режиму, молчаливая, действующая под прикрытием легальных организаций. Среди ее руководителей были как деятели Народной партии (Д. Де Гаспери, Дж. Гронки, М. Шельба), так и молодые члены католических университетских организаций (А. Моро, Дж. Андреотти)¹⁰³. В эмиграции наиболее известны своей антифашистской деятельностью были видные представители католического движения — Л. Стурцо, Дж. Донати, Ф. Л. Феррари, отмечавшие духовный и идейно-политический кризис либерального общества в Италии и одновременно резко выступавшие против отдельных сторон политики фашистского режима.

В 1928 г. в Париже вышла книга Ф. Л. Феррари «Итальянский фашистский режим»¹⁰⁴. Католический историк Г. Де Роза, написавший предисловие ко второму изданию этой книги, отметил идейный вклад Феррари в формирование католической политической элиты. С декабря 1922 г. по июль 1924 г. Феррари был одним из руководителей католического журнала «Домани д'Италия», который вел борьбу с фашизмом на основе политических принципов Народной партии, осуждал клерикально-фашистские тенденции. В ноябре 1926 г. Феррари эмигрировал в Бельгию, где преподавал в католическом университете. В феврале 1928 г. вместе с либералом А. Дзанетти и одним из лидеров синдикализма Артуро Лабриола он участвовал в учреждении «Итальянского комитета» в Брюсселе, который стал центром социально-политических исследований. В течение полутора лет центр выпускал еженедельные бюллетени на

французском языке, в которых привлекал внимание европейской общественности к рабскому положению итальянского народа в условиях фашистского режима. Вместе с Турати, Стурцо, Сфорца, Трентин Феррари участвовал в издании антифашистского журнала «Ринноваменто». Умер Феррари в 1933 г.

В книге «Итальянский фашистский режим» Феррари объяснял приход фашистов к власти духовным кризисом итальянского буржуазного общества и его политической системы. Господство «позитивистского эмпиризма», по его словам, привело к окостенению общественной мысли, неспособности осмысливать будущее. Идейнными истоками фашизма Феррари считал очень широкий спектр идейно-политических и философских учений, особенно неогегельянский идеализм, теоретические установки французских политических и философских школ, идеи Гоббса, Спинозы, Макиавелли, Сен-Симона, якобинцев относительно государственного устройства, взгляды Сореля на революционное насилие, националистические доктрины. Лейтмотивом у Феррари звучала мысль о том, что духовные предпосылки фашизма связаны с эволюцией «светской религии».

«Диктатура утилитаризма» (так он называет либерально-демократический порядок) оказалась неспособной выдвинуть патриотические идеалы, которые отвечали бы разбуженным мировой войной националистическим чувствам широких слоев итальянского общества. Война, по его словам, распространила в сознании людей идеи насилия, прямого действия, обнаружила неприятие широкими социальными слоями либеральных политических институтов. Феррари утверждал, что фашизм уходил своими корнями в социально-политический мятеж антиклерикального характера. В короткий срок фашистское движение стало выражать интересы мелкой и средней буржуазии, стремясь заполнить вакуум политической власти, возникший после кризиса либерализма.

В то время, когда фашизм пришел к власти, Феррари считал его «политическим классом» с весьма неопределенными социальными чертами. Он отмечал поддержку фашистского движения различными буржуазными силами, королевским двором, армией, высшей бюрократией, националистами. Но утверждал, что политика фашизма, которую он называл «экономическим

цезаризмом», вела к отстранению трудящихся и господствующего класса от руководства экономикой, обслуживала интересы исключительно политической диктатуры.

Немалое место в работе Феррари занимает анализ институтов фашистского государства и его политики. Автор указал на глубоко антидемократический и репрессивный характер фашистских политических доктрин «государство-нация», «право силы» и др., которые нацелены на подавление индивидуальных свобод. Он остановился также на внешнеполитическом аспекте фашизма, отметил его тенденцию к безудержной экспансии, осуществляемой на пределе возможностей, которую фашисты считали подлинным законом жизни. Фашизму Феррари противопоставлял идеалы «христианского Рима», традиции гвельфской политики и пополаризма. Основной тезис его работы: «религиозные свободы — основа современных свобод». Однако Феррари оставил без внимания сильные филофашистские тенденции в итальянском католицизме. Приверженность Феррари пресловутой доктрине тоталитаризма определяет границы его антифашистских позиций¹⁰⁵.

Фашистский режим проявлял терпимость по отношению к некоторым оппозиционным группам, используя против наиболее известных деятелей меры по ограничению индивидуальных свобод. Сохранили свое влияние под прикрытием королевского Сената либералы В. Э. Орландо, Б. Кроче, А. Казати, Л. Эйнаути, П. Т. Делла Торетта, А. Бергамини, Л. Альбертини. Вокруг каждого из них в различных городах формировались центры идейно-политических контактов, обмена информацией. Некоторые салоны (например Б. Кроче в Неаполе и Р. Маттиоли в Милане) оказывали духовное воздействие на интеллектуальную молодежь. Дж. Амендола отмечает влияние либерального течения на некоторых представителей высшей бюрократической административной, экономической и военной прослойки, крупного капитала. Либеральное течение включало представителей как дофашистского либерализма, так и поколений, сформировавшихся при фашизме, заинтересованных в обновлении итальянского общества. Правые либералы проявляли заинтересованность в сохранении социально-экономических основ фашистского режима. Политическое раз-

межевание течения привело к переходу ряда левых либералов в Партию действия и Партию демократического труда¹⁰⁶.

В плане научно-исследовательской деятельности заметную активность проявлял влиятельный либеральный экономист Л. Эйнауди. В годы фашизма его публикации по экономическим проблемам появлялись в журналах «Риформа социале», «Ривиста сториа контемпоранеа» и др. В 1934 г. открылось новое издательство «Эйнауди», которое тотчас попало на заметку министерства внутренних дел как неблагонадежное. Его учредителями были Л. Эйнауди, Н. Росселли, Ф. Руффини, Л. Делла Торре¹⁰⁷. Не следует упрощать позицию по отношению к политике фашистского режима так называемой экономической школы, к которой, кроме Эйнауди, относят П. Яннаконе, Дж. Ариас, П. Солари, А. Кабиати, Э. Джиретти. Известны факты поддержки ими некоторых экономических мероприятий режима, верноподданнического отношения Эйнауди лично к Муссолини¹⁰⁸. Для определения их оценки экономической политики фашизма необходимо учитывать различный подход итальянской буржуазии к вопросам экономической стратегии. Прогрессивный исследователь Дж. Карло Марино отмечает неприятие экономической школой кейнсианских методов активного государственного регулирования: оставаясь в рамках традиционной либералистской идеологии, она стремилась удержать в них идеологию класса буржуазии. Этим объясняется негативная реакция школы как на проводимую фашистским режимом экономическую политику корпоративизма и автаркии, так и на «новый курс» Рузвельта¹⁰⁹. В распространявшихся нелегально работах «Основные элементы либеральной экономической политики» и «За европейскую экономическую федерацию» Эйнауди ратовал за возвращение к политике «свободного» рынка, требовал упразднения крупных монополистических и латифундистских концентраций¹¹⁰.

Современный исследователь Дж. Спино анализирует влияние экономической школы на формирование экономической политики Италии после падения фашизма, одним из творцов которой был Эйнауди. Дж. Спино полагает, что под воздействием идей «нового курса» Рузвельта группа интеллектуалов отошла от крочеанских

позиций по вопросам экономического и государственного строительства. Он считает важным выяснить, в какой степени это повлияло на их вступление в Партию действия и на формирование концепций экономического и политического развития Италии в послевоенный период¹¹¹.

Не утратило полностью своих позиций в буржуазной историографии и позитивистское течение. Возникшее в 30 — 40-х гг. XIX в., это философское направление игнорировало особенности исторической науки и пыталось превратить ее в «положительную», «точную» науку, используя для этого методы естествознания. Методологическая ограниченность позитивистской историографии выразилась в отказе буржуазных исследователей от исторических обобщений и в стремлении их свести задачи исторической науки к простому описанию фактов.

Под влиянием марксизма небольшая группа буржуазных историков, в том числе некоторые позитивисты, обратились к изучению социально-экономической истории. В исторической литературе эта группа исследователей (к ней причисляют Г. Сальвемини, К. Барбагалло, Р. Каджезе, Дж. Лудзатто и др.) получила название «экономико-юридической» школы. Их отношение к фашизму было довольно противоречивым. Руководимый Барбагалло, а затем Лудзатто журнал «Нуова ривиста сторики» стал чуть ли не единственным легальным органом, в котором проскальзывали идеи, оппозиционные официальной идеологической линии режима. На его страницах помещались исследования, в которых сказывалось влияние исторического материализма (например работа Л. Даль Панае о Лабриоле). Лудзатто пропагандировал метод, сочетавший социально-политические и экономические исследования, изучение проблем собственности, социального положения и психологии различных слоев, истории техники, классовой и социальной борьбы, что для буржуазной историографии того времени выглядело новаторски.

В период фашизации культурных и историко-исследовательских институтов журнал «Нуова ривиста сторики» стремился поддерживать традиции итальянской либерально-буржуазной идеологии. На его страницах публиковались работы итальянских исследователей, близких

к «экономико-юридической» школе: А. Анцилотти, К. Барбагалло, Ф. Шабо, Э. Чиккотти, Ф. Кузин, Л. Даль Пана, Дж. Лудзатто, В. Матури, К. Моранди, Н. Росселли. Полемика столкновения с официальными трактовками истории Италии являлись главным образом вопросы Рисорджименто¹¹².

Наиболее сильное влияние на формирование либеральной историографии оказали взгляды теоретика неогегельянского идеализма Б. Кроче. В своих философско-исторических взглядах Кроче опирался на гегелевскую «философию духа», исходя из которой он разработал внутренне противоречивую концепцию «абсолютного историзма», сочетавшую в себе объективно-идеалистическое понимание исторического процесса и субъективно-релятивистскую трактовку проблем исторического познания¹¹³. В 10 — 20-х гг. Кроче сформулировал философско-историческую концепцию, известную под названием «этико-политической». «Этико-политическая» концепция отводит в истории первостепенное и определяющее место явлениям надстроечной сферы: процессам духовной жизни людей, их нравственным идеалам, деятельности государства и интеллектуальной элиты господствующих классов и т. д.¹¹⁴.

Роль крочеанства в общественно-политической и духовной жизни итальянского общества первой трети XX в. вскрыл Грамши. Он сравнивал воздействие Кроче на духовную жизнь Италии с Реформацией в европейских странах, имея в виду, что его философская концепция способствовала глубокой перестройке мировоззренческих и нравственных представлений итальянской интеллигенции¹¹⁵. Благодаря позиции Кроче, писал он, «создавалась обстановка, в которой невозможна подготовка для государственной деятельности новых правящих групп, всплывших на поверхность в послевоенные годы». Развивая эту мысль, Грамши указал на важную роль крочеанской философии в поглощении и ассимиляции фашистским режимом этих «новых сил, выдвинутых событиями»¹¹⁶.

Р. Колапьетра выстроил политическую позицию Кроче в период с 1914 г. до прихода фашистов к власти, которая не оставляет сомнений в том, что лидер итальянского идеализма находился на стороне антисоциалистических и авторитарных сил. Эта позиция логично под-

вела его к первоначальной поддержке фашистского режима¹¹⁷. И даже после зверского убийства фашистами одного из лидеров итальянских социал-реформистов Дж. Маттеотти он продолжал настаивать на ответственности фашизма и либерализма¹¹⁸.

Только с 1925 г. Кроче перешел в оппозицию режиму Муссолини. По его инициативе в мае 1925 г. был подписан «Протест против «Манифеста фашистских интеллектуалов», к которому присоединились многие деятели итальянской культуры. В целом позиция Кроче по отношению к фашистскому режиму, как отмечает Б. Р. Лопухов, была довольно противоречивой и обуславливалась, прежде всего, его стремлением придать неогегельянству роль духовного гегемона и в этом качестве ассимилировать фашизм¹¹⁹. Кроче противопоставлял фашизму идеалы прошлого — Рисорджименто и либеральной Италии, в этом заключалась одна из причин успеха его «Истории Италии с 1871 по 1915 г.»¹²⁰. В период фашистской диктатуры его концепция имела оппозиционную направленность и была отдушиной для противостоящей режиму интеллигенции. Довольно точно эту сторону крочеанской идеологии определил историк-марксист П. Алатри. Он пишет, что крочеанство стало для молодежи в фашистский период своего рода «обязательным переходным мостом» к антифашизму и достижению более передовых высот, чем крочеанство¹²¹.

После военно-монархического переворота в июле 1943 г. обострилась борьба между различными идейно-политическими течениями за гегемонию в политической и духовной жизни итальянского общества. Либерально-крочеанская школа попыталась восстановить позиции, которые она утратила в 30-х гг. в духовной культуре. Б. Кроче сформулировал этико-политическую концепцию фашизма, суть которой сводилась к следующему: фашизм не был «изобретен или желаем каким-либо социальным классом и не был им поддержан», но стал «результатом потери сознания, депрессии общества, умопомрачения, вызванных войной», что было характерно практически для всех стран, участвовавших в первой мировой войне¹²². В статье, опубликованной в неаполитанской газете «Джорнале» 29 октября 1944 г., Кроче высказался против огульного наклеивания ярлыка «фа-

шист» представителям многих политических движений. С этим замечанием Кроче нельзя не согласиться. Однако он называл целиком «ошибочным» мнение о фашизме как классовом движении. При этом Кроче ссылаясь на то, что «фашизм нашел себе сторонников во всех классах и во всех интеллектуальных и экономических сословиях, в промышленных, аграрных, клерикальных, аристократических кругах, среди рабочих и мелкой буржуазии, но также встретил равную яростную оппозицию во всех этих классах»¹²³.

Таким образом, по утверждению Кроче, «фашизм и нацизм являлись интеллектуальным и моральным фактором или болезнью, не классовым явлением, но заболеванием человеческих чувств, воображения и воли, кризисом, обусловленным утратой веры не только в рациональный либерализм, но также в марксизм... который потерпел неудачу в своей реализации свободного общества равных прав и открыл дорогу классическим абсолютистским и привилегированным «режимам». Это свободное пространство человеческих душ заполнил фашизм, который представлял собой «не идею, но изменяющееся сочетание всех идей, призывы к всеобщему миру и к войне, провозглашал защиту собственности и капитала и социализацию того и другого, защиту религии, материализм и атеизм, защиту культуры и восхваление антикультуры»¹²⁴. Считая фашизм «моральной болезнью» общества, Кроче заключал его как бы в «скобки» исторического процесса.

В подходе к историческому источнику проявились субъективистские взгляды Кроче. Он высмеивал признание внешних источников исторического познания как «фетишизм документов», порождающий «компилятивную историю». Под видом критики «культы фактов» он стремился опровергнуть те объективные основания, на которые опирается марксистская историография как наука. Кроче, растворив источники в историческом сознании, вел к подмене фетишизма документов фетишизмом мышления¹²⁵.

За пределами Италии концепция «моральной болезни» получила развитие в работах германских историков Ф. Мейнеке и Г. Риттера, а также американского ученого Х. Кона. В послевоенной итальянской историографии эта концепция в «чистом» виде продержалась не-

долго. Ее отдельные элементы встречаются в интерпретациях фашизма исследователей различных немарксистских направлений. Позиция Кроче не только препятствовала правильному пониманию фашизма. «Бенедетто Кроче,— указывал Дж. Амендола,— ориентировал свои исследования в направлении очень далеком от конкретной послевоенной итальянской действительности и от того, что затем произошло»¹²⁶. Его исследования шли вразрез с демократическим процессом в Италии. А последовательный антикоммунизм уводил концепцию Кроче все более вправо. Кроче называл этико-политическую концепцию истории «боевым конем» против исторического материализма.

В послевоенные годы традиции леволиберального крыла «экономико-юридической» школы продолжили исследователи, близкие к Г. Сальвемини,— П. Пиери, К. Барбагалло, Н. Валери, А. Торре. В одной из последних книг П. Пиери, написанной совместно с Дж. Роша, для исследования итальянской военной машины использованы факты биографии П. Бадольо, состоявшего на службе либерального, фашистского и, наконец, военномонархического режимов. Среди работ К. Барбагалло выделяются публицистическая книга «Неаполь под нацистским террором» и «Письма к Джону», в которых исследована роль националистических компонентов в формировании фашистской идеологии и внешней политики режима Муссолини, подчиненной достижению только одной цели — завоеванию империи¹²⁷. А. Торре исследовал внешнюю политику фашизма, был редактором избранных трудов Г. Сальвемини. Н. Валери — автор многих работ по политической истории Италии в период либерализма и фашизма. В оценке происхождения фашизма он занимал позицию, близкую к тезисам П. Гобетти (фашизм — «автобиография нации») и Дж. Фортунато (фашизм — «самораскрытие» самой Италии). Приход фашистов к власти Н. Валери считал не случайным явлением, оно было обусловлено идейным и политическим кризисом итальянского общества; ответственность за установление фашистской диктатуры он возлагал на правящие классы и либеральную партию¹²⁸. В целом же экономико-юридическая школа не имела большого влияния на развитие послевоенной историографии.

Видный деятель компартии Э. Серени пишет о послевоенной тенденции к сплочению культурного блока буржуазии вокруг церкви и ее аппарата¹²⁹. Католической идеологии не удалось занять в итальянской духовной культуре то место, которое занимал неогегельянский идеализм. Но было бы ошибочно недооценивать ее влияние и роль, которую она выполняет в борьбе против марксизма. Ряд направлений религиозной историко-философской мысли в Италии — неотомизм, христианский спиритуализм — стремятся к диалогу с современной прогрессивной мыслью¹³⁰.

На заключительном этапе войны католическая историография предприняла попытку отмежеваться от клерикально-фашистских интерпретаций. Представление об этом дают публикации в журнале христианско-демократической партии «Иль Комменто», первый номер которого вышел в декабре 1944 г. Журнал опубликовал серию статей в рамках темы «Диктатура и поражение». Основная идея публикации, как это указывалось в вступительной статье, заключалась в том, чтобы доказать, что война явилась не единственной «ошибкой» фашизма. Не все публикации журнала были выдержаны в этом духе. Например, А. де Купис в статье «От антинацистского фашизма к наци-фашизму» утверждал, что в период «антинацистского фашизма» внешняя политика фашистской Италии отвечала национальным интересам¹³¹. Большая часть работ была написана в традициях клерикального антифашизма. Л. Стурцо считал, что психологическая обстановка, возникшая в стране в годы мировой войны, обострение классово-политической борьбы породили фашизм. Ответственность за это обострение он возлагал на пролетариат и беднейшее крестьянство, а также на левые партии, противопоставляя им «умеренную и конструктивную» линию народной партии. Фашизм он рассматривал как реакционную силу, а его возникновение связывал с новой духовной и политической реальностью XIX и XX вв., когда на смену религиозной общности пришла светская организация в форме государства и нации. Стурцо призывал к установлению в Италии демократических свобод, в основе которых лежала бы идея христианской демократии¹³².

О кризисе светских духовных ценностей писал П. Джентиле. Он указал на возникновение в недрах

буржуазного общества иррационалистических, националистических, расистских, империалистических идей, разработка которых связана с именами Карлейля, Дарвина, Киплинга, Чемберлена, Вольтманна, Бергсона, Сореля, Ницше. Появление этих идей он объяснял распадом гуманистических ценностей, вызванным ослаблением влияния католицизма. Если инкубацию фашистских идей автор связывает в какой-то мере с особенностями развития духовной культуры классового буржуазного общества, то в установлении фашистской диктатуры он все сводит к «случаю», к «внезапной реакции» на «угрозу» социалистической революции. Поскольку после прихода к власти фашисты не имели определенных программных целей, их внешняя политика была обречена на авантюристичность, а внутренняя привела к созданию слабых и беспомощных структур. Насущной задачей католического движения является становление религиозных ценностей на месте пустыни, оставленной фашистами¹³³.

В целом антифашистские работы католических авторов не лишены многих точных оценок отдельных сторон фашистского режима, однако они полностью игнорируют особенности развития классового общества, итальянского империализма. В этих работах проявлялись антикоммунистические тенденции, в дальнейшем возросшие в связи с обострением политической ситуации в стране.

Среди немногих исследователей, принявших на вооружение распространенную на Западе в годы «холодной войны» доктрину тоталитаризма,— клерикальный философ А. Дель Ноче. Выступая с позиций католического интегрализма, Дель Ноче призывает преодолеть как крочеанскую, так и любую иную трактовку фашизма во имя единственно верной «трансполитической» интерпретации, философское обоснование которой он себе приписывает. Его концепция повлияла на формирование в 60—80-е гг. так называемой «новой» историографии фашизма.

Изменение внутривнутриполитической обстановки в связи с разгромом фашизма и дискредитацией политических и интеллектуальных сил, которые проводили его политику, возрастание роли демократических партий, особенно коммунистической, широкое распространение марк-

сизма, начало демократической перестройки государственных политических институтов оказали влияние на эволюцию итальянской историографии в послевоенный период. Крочеанское направление переживало глубокий кризис, усиливалось идеологическое влияние католицизма, взглядов Хайдеггера, элементов учений Фейербаха, Кьеркегора, снова стали изучать Гегеля. Знакомство с новыми философскими работами способствовало общему процессу пересмотра старых идей¹³⁴.

В 1951 г. восемь выпускников университета Болоньи образовали ассоциацию «Мулино». Ее целью являлось создание универсальной концепции истории, которую можно было бы противопоставить марксистской. Первоначально ассоциацию финансировала местная организация промышленников. Постепенно ассоциация «Мулино» трансформировалась в «маленькую империю», располагающую издательством, исследовательским институтом Карло Каттанео, двумя десятками журналов по истории, психологии, истории идей, языкознанию и праву. Среди них «Мулино», возглавляемый С. Паскуино, «Квадери storici» (А. Караччиоло), «Ривиста italiana di scienze politiche» (Д. Сартори), «Storia contemporanea» (Р. Де Феличе) и другие.

Организаторы ассоциации объявили ее местом встречи «католиков — не интегралистов», «социалистов — не максималистов», «либералов — не антиклерикалов». «Первое постфашистское поколение», как они себя называли, ставило целью содействовать модернизации культуры и идеологии, внедрению самых передовых достижений социальных наук и техники. Учредители «Мулино» поддерживали приход левоцентристской коалиции в Италии. Анализируя положение в ассоциации после кризиса левоцентристской коалиции, исследователь-марксист М. Феликори писал, что «реформизм «Мулино» больше не имеет главенствующей идеи»¹³⁵. Левобуржуазный запал «реформистской модернизации» науки себя исчерпал.

В обстановке концептуально-методологической перестройки, ослабления влияния или распада традиционных школ и направлений буржуазную историографию развивали не столько историографические школы, сколько отдельные историки. Среди либеральных исследователей фашизма заявили о себе в эти годы Л. Сальваторелли, Ф. Шабо, Р. Ромео.

Исследования Л. Сальваторелли о фашизме носят отпечаток неогегельянского идеализма. В свое время А. Грамши указывал на близость его концептуально-методологических позиций в идеализации «этического» и «юридического» мотивов к взглядам Кроче и Сольми. В 1946 г. вышла его книга «Фашизм в мировой политике», в 1952 г. совместно с Дж. Мира он опубликовал работу по истории фашизма, которая затем была дополнена и неоднократно переиздавалась¹³⁶. Систематизировать материал о фашизме — так Сальваторелли определил свою главную исследовательскую задачу.

Важную роль в фашистском движении играл националистический элемент. Сальваторелли видел его истоки в усвоении итальянскими националистами взглядов Ницше, Сореля, французских националистов, социал-дарвинистов, которые культивировали идеи сильного государства, величия нации. Он считал, что пропагандируемая националистами идея «пролетарских наций», ущемленных при разделе колоний, предполагала союз с Германией. Не удовлетворившись итогами войны, националисты активизировали свои действия. 15 декабря 1919 г. в журнале «Политика» Ф. Коппола и А. Рокко опубликовали программный документ националистов. В нем содержалось реваншистское требование пересмотреть итоги мировой войны. Одним из главнейших условий осуществления внешнеполитической программы — образования империи — националисты считали установление «новых» общественных отношений, суть которых сводилась к организации общества на принципах иерархического подчинения и строгой дисциплины. Идея сильного государства провозглашалась во имя достижения внешнеполитических целей — империи. Среди сотрудников и идеологов журнала были Кроче, Джентиле и Титони.

Сальваторелли проследил этапы формирования и программные установки реорганизованной в июне 1919 г. Национальной ассоциации ветеранов войны, массового движения, которое наряду с утопическими и демократическими лозунгами выдвигало такие требования, как ликвидация всех партий, формирование национальной тоталитарной партии, что представляло угрозу демократии. Интересны исследования Сальваторелли, касающиеся других политических партий и движений. Вместе

с тем возникает впечатление, что причины кризисной ситуации автор видел исключительно в политической надстройке. Установление фашистской диктатуры он объяснял «слабостью демократических идеалов в западных странах», «близоруким и эгоистическим страхом перед коммунизмом», что было характерно для правящих групп не только Италии¹³⁷. В том, что фашизм пришел к власти именно в Италии, Сальваторелли усматривал неразвитость итальянской демократии, которая, по его словам, не доросла до уровня демократии США, Великобритании и Франции. Нельзя сказать, что Сальваторелли игнорировал социально-экономическую обстановку в стране, но он рассматривал ее как бы саму по себе. Обострение классовых отношений, по его мнению, было вызвано эгоистическим поведением противостоящих классов, чем воспользовались социалисты, разрушившие либерально-демократическую систему и открывшие тем самым путь фашизму.

Не найдя дополнительных аргументов в защиту тезиса о фашизме как мелкобуржуазном движении, который Сальваторелли особенно отстаивал в ранних работах 20-х гг., он перестал акцентировать на нем внимание. В исследованиях Сальваторелли 50—70-х гг. (он умер в 1974 г.) преимущественное развитие получила тема трансформации институтов режима. В массовом неприятии фашизма он видел разгадку перехода итальянского народа к демократической реконструкции страны сразу же после падения фашистского режима. К достоинствам исследований Сальваторелли марксистская историография относит тонкий анализ процесса прогрессирующего разложения фашистского режима¹³⁸. В оценке фашистской внешней политики Сальваторелли исходил из того, что еще до «похода на Рим» она преследовала довольно определенные «национал-империалистические» цели и была рассчитана на использование преимуществ в конкретной международной обстановке¹³⁹.

В 40—50 гг. заявили о себе крупные буржуазные исследователи Ф. Шабо, В. Матури, Р. Моранди. Их взгляды сформировались в годы фашизма в Институте мировой политической истории под влиянием идей Кроче, Вольпе, а исследовательский талант раскрылся после

войны. Их идейное влияние испытали Р. Москати, Дж. Канделоро, Дж. Кароччи, Ф. Курато, Р. Де Феличе и др.

На миланской конференции историков, состоявшейся в марте 1983 г. на тему «Федерико Шабо и «новая» итальянская историография в 1919—1950 гг.», была дана высокая оценка вкладу Шабо и его соратников в обновление исторических исследований. Они сумели откликнуться на подлинно новаторскую постановку марксистской историографией проблем итальянской истории¹⁴⁰. В книге «История итальянской внешней политики с 1870 по 1896 гг.» Ф. Шабо писал: «На решения по международным вопросам влияет вся жизнь народа в его духовных устремлениях и в политической идеологии, в социальных и экономических условиях жизни, в материальных возможностях и в противоречиях чувств и тенденций. И здесь чистая дипломатическая история — как особая история отношений между правительствами — имеет свои пределы... История не знает абстрактных схем внешней и внутренней политики, строго отличающихся одна от другой, но видит их в тесной взаимосвязи, слитых вместе. Иногда факторы внутреннего характера влияют с большей силой на внешнюю политику, а иногда наоборот — международные факторы в значительной степени проявляются во внутренних событиях. Классическим примером этого является собственно история Италии»¹⁴¹. В предложенном им методе исторического анализа взаимосвязаны исследования внутренней и внешней политики, идеологии, социальных и экономических отношений.

Оценка Шабо итальянского фашизма наиболее полно воспроизведена в цикле лекций, прочитанных им в Сорбоннском университете в 1950 г.¹⁴² Шабо полагал, что в итальянском государстве, вышедшем из Рисорджименто, имелись антилиберальные и антидемократические силы, особенно опасными они были на отсталом в идейном, политическом и социально-экономическом отношениях юге страны. Шабо полагал, что прогрессивный потенциал, которым обладала либеральная Италия, позволял противостоять фашистской опасности. И если приход фашистов к власти произошел, то это стало результатом воздействия первой мировой войны на еще неустойчивую структуру итальянского общества. Эту точку зрения разделил Р. Ромео¹⁴³.

В оценке социально-политической функции фашизма Шабо допускал противоречивые суждения. Он отметил, что без поддержки крупных промышленников и аграриев, армии, королевского двора, буржуазных политических партий приход фашистов к власти был бы невыносим, однако он явно смещал акценты в сторону «автономии» фашистской власти по отношению к крупному капиталу и аграриям. Установление фашистского режима он считал событием исключительно контрреволюционного характера, категорически отвергал тезис о «революционном» фашизме, настаивал на «окончательном разрыве между режимом и страной» в 1936 — 1937 гг.

Отход Шабо от крочеанской трактовки фашизма был очевидным. В связи с новым обсуждением книги Кроче «История Италии» Шабо писал в 1952 г.: «То, что фашизм не является простой «авантюрой», неожиданным вкраплением в историю Италии чуть ли не извне, больше никто не сможет утверждать... вне сомнения, что в итальянской жизни после Объединения происходила ферментация тех опасных источников, которые со всей силой дали о себе знать затем в период кризиса 1919 — 1922 гг.»¹⁴⁴ Дж. Сассо, исследователь научного наследия Шабо, отмечает, что итальянский историк подчеркивал «новизну своей интерпретации и постановки»¹⁴⁵.

Наибольшее влияние Шабо оказал на Р. Ромео (1924—1987). Уже первая его публикация — книга о Рисорджименто в Сицилии (1950) — обратила на себя внимание. В середине 50-х гг. Ромео открыто выступил против грамшианской концепции Рисорджименто. С тех пор он опубликовал свыше двадцати крупных работ, среди которых многотомная биография Кавура. Ромео разделял мнение тех буржуазных исследователей, которые усматривали в установлении фашистского режима глубокий разрыв традиции Рисорджименто, прежде всего либеральных историков А. Омодео и Б. Кроче. Тем не менее Ромео возражал, когда его относили к неокрочеанцам. Действительно, в его исследованиях и особенно написанной в 50-х гг. «Краткой истории крупной промышленности в Италии» предложенная им трактовка истории заметно отличалась от крочеанской. Об этом свидетельствует уже тот факт, что Ромео обра-

тился к экономической истории. Он исследовал структуру промышленности и банковское дело, установил направления перемещения капитала, определил влияние промышленной революции в Италии и первой мировой войны на образование промышленных и финансовых групп и на взаимоотношения между ними. В работе сопоставлено экономическое развитие Италии и других капиталистических стран, определены формы организации крупного капитала, территориальное размещение производственных мощностей, приведены данные о прибылях, накоплении капитала, об экономической конъюнктуре.

Ромео проследил основные этапы экономической политики фашизма: от использования либералистских методов государственного невмешательства в первые годы режима до последующего активного государственного регулирования экономики. В целом он отметил «умеренные результаты» широко разрекламированной политики экономической автаркии. В книге приведены факты об экономической неподготовленности Италии к войне, усилении ее зависимости от Германии, о катастрофических последствиях войны для страны¹⁴⁶. Критикуя экономическую политику фашизма, Ромео отметил несостоятельность попыток преодоления экономической отсталости на пути изоляции от передовых стран. В этом он выступал как страстный пропагандист идеи европейской интеграции. Методологическая ограниченность исследований Ромео проявлялась, прежде всего, в игнорировании им классовых отношений и их влияния на экономику и политику, в ошибочной оценке первоначального накопления капитала¹⁴⁷.

§ 4. «НОВАЯ» КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ФАШИЗМА В НЕМАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В 60—80-е гг. в итальянской немарксистской историографии проявилась тенденция к взаимному проникновению концепций, методологических принципов и методических приемов, свойственная исторической науке других капиталистических стран. Она отразила общее состояние буржуазной историко-философской мысли — разложение и конвергенцию основных направлений, множественность различных теорий и концепций¹⁴⁸. Некото-

рые исследователи-немарксисты, изучающие историю итальянского фашизма, стремятся выработать общую позицию в борьбе против марксистской концепции истории фашизма, ограничить сферу ее влияния. Сама по себе эта тенденция не новая, но она развивается в условиях нового этапа итальянской историографии, под воздействием изменившейся внутривосточной и международной обстановки.

Под влиянием интеграционных процессов, происходящих в Западной Европе, в итальянской буржуазной культуре усилились космополитические тенденции. Р. Де Феличе полагает, что причиной появления в итальянской буржуазной историографии новых интерпретаций фашизма стало ознакомление историков с концепциями Т. Парсонса, С. М. Липсета, Э. Фромма, Э. Нольте, Х. Арендта¹⁴⁹. Под предлогом западноевропейской солидарности из немарксистской историографии стала исключаться антифашистская тема. Немаловажное значение имеет вступление в научно-исследовательскую деятельность так называемого «постфашистского» поколения историков, которое не прошло политическую школу антифашистской борьбы, но подверглось антикоммунистической обработке в период «холодной войны». Не последнюю роль в переходе некоторых исследователей-социалистов на концептуальные и теоретические позиции буржуазной историографии сыграли разрыв ИСП в 1956 г. пакта о единстве действий с коммунистами и курс социалистической партии, особенно нынешнего ее руководства, на отказ от сотрудничества с коммунистами на всех уровнях. В 80-е гг., по оценке итальянских коммунистов, в общественно-политической и духовной жизни страны усилилось неоконсервативное наступление¹⁵⁰. Под его влиянием проявились правые тенденции в работах некоторых исследователей традиционных историографических направлений, в первую очередь либерального и католического, которые приняли несколько измененную антикоммунистическую доктрину тоталитаризма.

На новом этапе эволюции итальянской историографии сложилась политическая платформа сотрудничества разнообразных немарксистских сил, в основе которого лежит общность антимарксистских и антикоммунистических идейных и политических позиций. Однако плюрализм теоретико-методологических основ их исследований

затрудняет разработку универсальной концепции истории фашизма. Тем не менее, в 60—80-е гг. усилия в этом направлении предпринимались, и они стали причиной резкого обострения идейно-политической борьбы в итальянской историографии.

В ходе дискуссии между итальянскими исследователями в начале 60-х гг. проявились основные элементы концепции истории фашизма, которая в 70—80-е гг. заняла ведущие позиции в немарксистской историографии. В 1961 г. молодой исследователь К. Казуччи опубликовал антологию работ о фашизме, которая вызвала широкий резонанс в научных кругах, никак не соответствовавший ее в целом невысокому уровню. В дискуссии приняли участие многие известные исследователи различных направлений и среди них П. Алатри, П. Сприано, К. Петруччиоли, А. Гароши, Р. Де Феличе, В. Стелла, А. Дель Ноче¹⁵¹. Казуччи выразил неудовлетворенность многих буржуазных исследователей теми оборонительными позициями, которые занимала буржуазная историография в противоборстве с марксизмом. Одним из центральных в идейно-политической борьбе итальянской историографии стал вопрос о проблеме истории фашизма.

Р. Де Феличе, К. Павоне, Г. Веруччи в ходе обсуждения книги К. Казуччи высказали мнение о необходимости освободиться от «идеологических» оценок фашизма. Под «идеологическими» они подразумевали интерпретации авторов, стоящих на ясно выраженных антифашистских позициях. По их утверждению, исследования этих авторов отличались «крайней идеологизацией и политической инструментализацией», поэтому они «необъективны» и «себя исчерпали». «Стерильный морализм» является препятствием для подлинно исторического и объективного изучения фашистского феномена. «Становиться фашистами с фашистами» — такой весьма сомнительный принцип изучения фашизма выдвинул Казуччи¹⁵². Как здесь не вспомнить «трансцендентную» философию Джентиле, в которой история отождествлялась с личностью историка и философа. Л. Кастельнуово и А. Дель Ноче приписали фашизму «актуализм», якобы берущий начало в итальянском просветительстве и якобинизме. Дж. Галли выделял «революционный компонент» в фашистском движении¹⁵³.

Тезис о «революционном» фашизме не был новым: его выдвигали некоторые фашистские идеологи в годы режима Муссолини. Однако в начале 60-х гг. он выдвинулся на первый план в противоборстве буржуазных историков с марксистской историографией. Тот же самый Казуччи ясно дал понять, что «революционность» фашизма является основным условием отнесения его к тоталитарным режимам. Концептуальная связка «революция — фашизм — тоталитаризм» стала для немарксистских исследователей, стоящих на различных теоретико-методологических позициях, основой выработки общей платформы противодействия марксистской концепции истории фашизма. Ее используют в идейно-политической борьбе против марксизма, теории и практики социализма. К этому, по существу, призывал доклад А. Дель Ноче «Идеологический потенциал марксизма и возможность достижения коммунизмом успехов на пути демократии», сделанный им на Национальном конгрессе исследований христианской демократии в сентябре 1963 г.

В одной из работ, опубликованных в 1964 г., А. Дель Ноче утверждает, что на его концепцию значительно повлияли исследования западногерманского ученого Э. Нольте (правда, Дель Ноче оговаривается, что их взгляды больше расходятся, чем совпадают). Э. Нольте пытался сформулировать критерии классификации фашистского феномена, в то время как Дель Ноче отрицает наличие общих признаков. Что общего между католическим интегралистом А. Дель Ноче и Э. Нольте, убеждения которого сформировались под влиянием М. Вебера и М. Хайдеггера? Дель Ноче выделил два тезиса, заимствованных им у Нольте — «фашизм может возникнуть только на почве либеральной системы» и «не существует фашизма без большевистского вызова». Большевизм Нольте противопоставил «ортодоксальному марксизму». Возникновение фашизма, по его мнению, было вызвано необходимостью оказать сопротивление «большевистской теоретической и практической трансцендентности» (в кантовском понимании: трансцендентность — это то, что выходит за пределы возможного опыта) ¹⁵⁴.

Отправным пунктом концепции А. Дель Ноче является доктрина тоталитаризма. Он утверждает, что фашизм, национализм и коммунизм, которые он относит

к различным формам тоталитаризма, порождены «кризисом религиозных и моральных ценностей современной западной цивилизации» и вступлением мирового общества в «эпоху секуляризации». Поскольку тоталитаризм является, по его мнению, «реальностью светской религии», то он считает бессмысленным искать его социально-экономические корни и тем более категорически возражает против объяснения его специфических форм связями с буржуазией. Главное в концепции Нольте, пишет Дель Ноче, это ее «надстроечный», «трансполитический» характер, что «согласуется с моими взглядами о примате идейной причинности» в современной истории. Обращаясь к идейным истокам фашизма, Дель Ноче выделяет в первую очередь неогегельянский идеализм. Марксизм и фашизм, указывает он, развиваются на базе одной и той же философской традиции — наследия Гегеля. Дж. Джентиле попытался использовать положительные стороны учения Маркса, освободив его от всего метафизического и материалистического. Начатая Джентиле, эта работа продолжалась как фашистскими теоретиками, так и антифашистскими прогрессистами (Дель Ноче имеет в виду сторонников Партии действия).

Определив фашизм в качестве «революционной», «левой» формы тоталитаризма, Дель Ноче ставит целью выяснение следующего вопроса: «Где и на какой платформе произошла встреча между революционным социализмом и национализмом, между Муссолини и Джентиле?» «Необходимо сказать, — пишет Дель Ноче, — что биография Муссолини является лучшим документом для изучения идеи тотальной (фашистской. — В. М.) революции, которая отпочковалась от марксистского материализма и связала себя с виталистическими побуждениями общественной мысли начала XX в.: т. е. фашизм является полной реализацией и полным оформлением этого революционного социализма, который брал начало в идеалистической критике (в широком смысле) натуралистического материализма и сциентизма, не опираясь при этом на реальную позицию Маркса или осмысляя ее как позицию, вступающую в противоречие с революционным духом и материализмом... Когда революционная идея, рассматриваемая как тотальная революция, отделяется от материалистической диалектики, она иррационализируется; ее иррациональная форма воплощается в

актуализм, который приобретает характер напряженного действия, но не воплощенного в завершенную цель...»¹⁵⁵

А. Дель Ноче отождествляет актуализм с формой солипсизма. В этом тождестве он находит объяснение причин краха фашистского режима. «Если Муссолини представляет собственную волю властвования как исключительную волю, то за этим не следует искать неискренность или трюкачество, это логически вытекает из самой сущности актуализма»¹⁵⁶. Этот вывод показывает наличие в концепции Дель Ноче элемента, сильно персонифицирующего историю фашизма. Присутствие солипсизма в фашистской идеологии, по мнению Дель Ноче, является препятствием для выработки необходимых конечных целей. В связи с этим фашизм вынужден обращаться к идейно-политическим компонентам, чуждым его «революционному» происхождению, к таким как «традиция», «нация». Этими особенностями фашистского феномена Дель Ноче объясняет примирение фашизма с историческими силами (но не духовными ценностями) Рисорджименто и католической церкви. «Философия Джентиле,— пишет А. Дель Ноче,— есть философия практики, которая вступает в противоречие сама с собой, поскольку в ней вообще не оказалось места для какой-либо практики, и она должна была встретиться с политической позицией, процесс утверждения которой был совершенно иным»¹⁵⁷. Так произошла встреча между «революционным социализмом» Муссолини и национализмом, который А. Дель Ноче считает «аристократическим феноменом». В связи с этим Дель Ноче выделяет в фашизме «две души» — «традиционалистскую», которая вела к примирению, и «социалистическую, разрушительную».

Обращение фашизма к национализму Дель Ноче объясняет «интуитивным ощущением самой глубокой реальности — реальности нации». «Отношение человека к традиции и к истории» — вот что такое, по мнению католического исследователя, «ощущение реальности нации». Муссолини с позиций «революционного социализма» переосмыслил эту проблему и выдвинул тезис — «борьба наций за господство сменяет борьбу классов». Дель Ноче полагает, что в границах этой «духовной связи» фашизму удалось поглотить национализм. Из этой «двойной души» фашизма вытекала его нестабильность, скольже-

ние к традиционализму или к коммунизму. Вплоть до 1930 г., утверждает Дель Ноче, фашизм часто рассматривался как «западная» альтернатива советскому коммунизму. Он противопоставляет фашизм и ленинизм как два «революционных» пути марксизма: первым путем пошла цивилизованная страна, вторым — отсталая. Католический исследователь утверждает, что «вплоть до 1920 г. два деятеля в мире претендовали на воплощение истинной фигуры революционера — Ленин и Муссолини». Констатация того, что фашистская «революция» не удалась, не дает оснований для утверждения, что она была реакционным явлением.

Итальянский фашизм Дель Ноче определяет как «левый», «революционный», германский национализм, как «правый тоталитаризм». В их оценке он исходит из столь существенных расхождений между ними, что итальянский фашизм у него даже не вписывается полностью в рамки тоталитаризма. Поэтому Дель Ноче использует для его характеристики термин «усеченный тоталитаризм»¹⁵⁸.

Важные элементы концепции, разработанной клерикальным философом, использовал Р. Де Феличе. Исследования Дель Ноче и Де Феличе вызвали в немарксистской историографии фашизма сдвиги, которые привели к формированию так называемой «новой» историографии фашизма.

Более полно «новая» концепция истории фашизма представлена в исследованиях профессора Римского университета Р. Де Феличе. Его перу принадлежат десятки работ по истории фашизма и среди них многотомная биография Муссолини. Под его редакцией издается журнал «Стория контемпоранеа», в котором широко представлены исследования по истории итальянского фашизма. Сложилась историографическая школа Р. Де Феличе. Среди его учеников — Э. Джентиле, Л. Голиа, Р. Квартараро, М. Маццети, Ф. Перфетти, А. Ромуальди. Активно поддерживают Де Феличе известный либеральный историк Р. Ромео, клерикальный философ А. Дель Ноче, историк-социалист П. Мелограни. Сам Р. Де Феличе считает своими последователями А. Аквароне, С. Коларици, Ф. Кордова, Ф. Газта, Дж. Россини, С. Секи, П. Унгарри. С Де Феличе в той или иной форме солидаризируются американские исследователи М. А. Ледин,

А. Касселс, Дж. Грегор, западногерманский историк В. Шидер.

В 1975 г. издательство «Латерца» выпустило книгу Р. Де Феличе «Интервью о фашизме», в которой в качестве интервьюера выступал М. А. Ледин¹⁵⁹. В ней Р. Де Феличе впервые в суммированном виде представил концепцию истории фашизма, созданную не без участия американского историка. Книга вызвала оживленные споры в итальянской историографии. Политические симпатии Де Феличе обращены к либеральной и республиканской партиям, за список которых он голосовал на выборах 1984 г. в Европейский парламент. Работы учеников и последователей Де Феличе составляют к настоящему времени значительный объем научно-исследовательской и научно-популярной литературы об итальянском фашизме и пользуются особым расположением буржуазных средств массовой информации. Опрос, проведенный левобуржуазным журналом «Эспрессо» в 1983 г., показал, что Де Феличе входит в десятку наиболее известных историков наряду с такими деятелями мирового уровня, как Мандзони, Де Санктис, Кроче, опережая маститых историков — Л. Сальваторелли, Ф. Шабо, Р. Ромео, Л. Валиани, писателя Л. Шаша¹⁶⁰. Не делая глубоких обобщений, отметим, что этот опрос отразил воздействие на итальянское общество исследований Де Феличе, на протяжении последних двух десятилетий находящихся в центре острой полемики в итальянских научных и общественно-политических кругах.

Де Феличе относит свои работы, а также сторонников своей концепции к «новой» историографии. Формирование школы Де Феличе, продолжение основных направлений его исследований рядом молодых и уже авторитетных историков отнюдь не является свидетельством создания в итальянской буржуазной историографии универсальной концепции истории фашизма, что в принципе и невозможно в связи с многообразием методологических основ буржуазной историографии. Концепция Де Феличе является «новой» в кавычках, поскольку она использует уже известные концептуальные разработки.

Остановимся на основных положениях концепции Р. Де Феличе. Среди тех, кто оказал влияние на формирование его теоретико-методологических позиций, сам итальянский историк называет прогрессивного исследо-

вателя Д. Кантимори, католического деятеля дона Де Лука, который известен своей независимой позицией в годы фашизма, и директора Итальянского института исторических исследований в Неаполе, известного буржуазного историка Ф. Шабо. Однако Де Феличе считает необходимым отметить ограниченность этого влияния, подчеркивая, что слишком последовательный ученик «лишен интеллектуальной автономии».

Становление Р. Де Феличе как исследователя в конце 40-х — начале 50-х гг. (в Римском университете, затем в «цитадели» кроччанства — Итальянском институте исторических исследований в Неаполе и вновь в Римском университете) происходило в период острейшей идейно-политической борьбы, охватившей все сферы общественно-политической и духовной жизни итальянского общества. Де Феличе, воспитанный на традициях неогегельянского идеализма, использует довольно разнообразную палитру методологических приемов, свойственных другим разновидностям буржуазного историзма. Сам он заявляет о симпатиях к «трансполитической» интерпретации фашизма, которая, по его мнению, наиболее интенсивно разрабатывается в исследованиях американского ученого Дж. Моссе и западногерманского историка Э. Нольте¹⁶¹. Предпосылкой фашизма они считают «национализацию» масс, истоки которой восходят к мелкобуржуазной демократической традиции, сохраняемой средними слоями.

В ряде подготовленных Де Феличе работ, особенно в двухтомнике «Антология фашизма: Исторические и политические суждения» и в «Интерпретации фашизма», ощущается его знакомство с марксистской историографией и методологией. Однако нельзя не отметить, что представляет он марксистскую оценку фашизма в упрощенном и опрIMITивизированном виде¹⁶².

Все предшествующие интерпретации фашизма, утверждает Де Феличе, отличались «крайней идеологизацией и политической инструментализацией», поэтому они необъективны и «себя исчерпали». Из этого вытекает не только признание буржуазным исследователем концептуально-методологического тупика, в который зашли буржуазные концепции фашизма, но и его стремление предложить альтернативную концепцию. «...Новая интерпретация станет итогом нового анализа и самого глубо-

кого переосмысления не только главных событий между двумя мировыми войнами, но всей современной итальянской истории — дофашистской, фашистской и постфашистской — рассматриваемой в полном единстве и без пробелов»¹⁶³.

Де Феличе и многие его последователи нетрадиционно для крочеанской школы подходят к историческим источникам. Кроче высмеивал присущую позитивистам «фетишизацию источников». Де Феличе, напротив, фетишизирует исторические источники, введение в научный оборот которых стало возможно в начале 60-х гг. в результате открытия для исследователей доступа к государственным и частным архивам. «Вал» документов используется «новой» историографией для того, чтобы на новой источниковой базе дать бой марксистской концепции истории фашизма. Левый исследователь Г. Куацца указывает на использование Де Феличе многих непроверенных документов, что приводит к неопределенным, приблизительным и ошибочным выводам¹⁶⁴. Некритическое отношение к источникам вызывает эффект бумеранга: они формируют авторскую концепцию.

«Новой» историографии присуща персонификация истории. Вся история фашизма поставлена в зависимость от деятельности «только одного человека» — Муссолини, наделенного чертами харизматической личности. Фигура Муссолини, по мнению Де Феличе, имеет «решающее значение для понимания фашизма». Она является «унитарным, синтезирующим моментом, позволяющим проследить связь между фашистским движением и режимом». Этим Де Феличе объясняет свое обращение к биографии Муссолини, а не к истории фашистского режима¹⁶⁵. Из рамок эволюции фашистского режима Де Феличе исключает период 1922—1925 гг., когда, по его мнению, Муссолини был вынужден пойти на компромисс с консервативными силами, в результате чего возник «разрыв» между фашистским движением и режимом. Лишь «формально это государство являлось фашистским». Попытки создания «политического режима особого типа», «возвращения к истинной социальной программе» фашистского движения якобы были предприняты в социальной республике Сало¹⁶⁶.

Мифу «нового» государства отводится немало места в работах Р. Де Феличе, Л. Голиа и Э. Джентиле. Фа-

шизм рассматривается ими как «специфическая форма идеологической разработки мифа и как конкретный эксперимент, частично реализованный, но неудавшийся, поскольку не был превращен миф в реальность, чтобы разрешить в тоталитарном порядке проблему масс и государства». Джентиле утверждает, что фашизм взялся за реализацию мифа, способного предоставить итальянцам «социальную солидарность и справедливость, классовое примирение». Если бы эта «подлинная мифическая традиция» была возведена в ранг государственной политики, то задача «революционного» перехода к «третьему пути» развития итальянского общества была бы решена. «Власть мифического мышления», а не переход власти от одного класса к другому, становится у него основным признаком революции¹⁶⁷.

Главным звеном в «новом» государстве является его тоталитарность, которая достигается с помощью механизма «консенсуса». Основную роль в достижении массового «консенсуса» Де Феличе отводит «политико-образовательной функции» фашизма, нацеленной на формирование «новой» культуры, полностью исключая использование репрессий фашистским режимом. Обращаясь к теме «новой» культуры, Де Феличе отмечает, что главным в ней были «не содержание, а эстетическая и ритуальная стороны», «сила слов, способных действовать на воображение и эмоциональность масс», одним словом,— фашистские мифы. Под этим углом он рассматривает также вопрос о сущности «нового» государства. Реализация фашистских «исторических целей» в «новом обществе общности» должна осуществляться путем влияния на «умонастроения», «духовное состояние». Основной качественной стороной этого «общества общности» являются «сознание, добровольность, воля, культ нации и государства, камератизм (дух товарищества) в отношениях между людьми, социальная и должностная иерархия».

От обсуждения проблемы классовых отношений Де Феличе отгораживается заявлением о том, что идея «нового» государства была обозначена лишь незначительными контурами и всецело идентифицировалась с мифом дуче. Поднятая в его работах тема «социальной и должностной иерархии» рассматривается вне связи с классовым обществом и социально-политической функ-

цией фашистского государства¹⁶⁸. Обращение «новой» историографии к фашистской социальной мифологии было бы оправданным, если бы речь шла об изучении механизма манипулирования сознанием масс. Однако в этих работах игнорируется иллюзорность фашистских мифов. Например, Де Феличе объясняет разлад в механизме «консенсуса» кризисом мифов. По его мнению, кризис произошел не вследствие иллюзорности и фиктивности мифов, что закономерно, а в результате «вынужденного компромисса Муссолини с правящим классом» и его просчетов во внешней политике. Не будь этого, по его убеждению, фашистский режим «длился бы долго»¹⁶⁹.

Де Феличе считает, что достаточно самого факта обращения фашизма к социальной мифологии для того, чтобы считать фашизм новой «формой левого тоталитаризма». Почему левого? Он утверждает, что фашистские идеи относительно «формирования нового типа итальянца с помощью образования» имели свои истоки в программе бабувистов, в идеях Прудона, Бланки. Одним словом, в отличие от германского национал-социализма, который он относит к «правому тоталитаризму», идеологические истоки итальянского фашизма находились в русле «левого радикализма», «мелкобуржуазной демократической традиции»¹⁷⁰.

На предшествующих этапах итальянской немарксистской историографии прослеживалась тенденция рассматривать фашизм в отрыве от монополистического капитала, преувеличивать роль массовой базы в формировании политики фашистского режима. Однако большинство исследователей, принадлежавших к либеральному, социал-реформистскому, католическому направлениям, выступали с антифашистских позиций, определяли фашизм в качестве сугубо реакционного явления, чья политика шла вразрез с интересами итальянского общества.

Хотелось бы остановиться еще на одном тезисе Де Феличе. Одна из глав его многотомной биографии Муссолини названа «Муссолини между политической реальностью и мифом новой цивилизации». Возможно, в последующих работах Де Феличе установит более жесткую связь между мифом «новой цивилизации» и реальными фашистскими планами насаждения «нового порядка» на

оккупированных территориях. Пока же итальянский исследователь очерчивает некий романтический образ «новой цивилизации», которым грезил фашистский диктатор в своей незавершенной книге «Европа 2000». По замыслу Де Феличе, этому мифу суждено сыграть роковую роль в итальянской истории. Оказывается именно он «разбил добрую часть реализма» Муссолини. Союз с Германией, вступление Италии в войну стали результатами «личной драмы» Муссолини, оказавшегося «жертвой собственных мифов»¹⁷¹. Тезис о единоличной ответственности Муссолини за все перипетии фашистского режима логически вытекает из исследования Де Феличе. Здесь можно согласиться с метким замечанием М. Палла о том, что подобный тезис является как традиционным в буржуазной историографии, так и неисторическим. Муссолини не был «один виновен», но являлся «просто фашистом номер один», ответственным за катастрофу страны»¹⁷².

Концепцию Р. Де Феличе развивает в своей недавней работе Дж. Бокка. Он участник движения «Справедливость и Свобода», командовал партизанским отрядом в годы Соппротивления, после войны сотрудничал в «Эспрессо» и «Республика», автор ряда книг о фашизме и антифашистской борьбе. В книге «История Италии в фашистской войне» (1969) Дж. Бокка стремился представить фашизм в качестве реакционной силы «аграрных» и «докапиталистических» элементов. Империалистическая политика режима, утверждал он, вытекала из стремления обеспечить социальный мир¹⁷³. В опубликованной в 1983 г. книге «Муссолини — социал-фашист» Дж. Бокка задается целью показать, что «между социализмом и фашизмом много сходства», прежде всего в использовании ими насилия для решения исторических задач¹⁷⁴. «Я уверен в правоте Дж. Бокка, — отмечает Р. Де Феличе, — когда он утверждает, что реальный социализм и фашизм занимают очень сходную позицию в отношении масс. Обе идеологии рассматривают массы в качестве решающего элемента, но обе руководствуются достижением задач инструментального порядка»¹⁷⁵. Другой общий пункт, заключает Р. Де Феличе, вытекает из одинаковой утопической цели фашизма и большевистского социализма создать нового человека.

Идейно-политическая направленность «новой» концепции истории фашизма вызывает озабоченность в прог-

рессивных кругах. В связи с показом по итальянскому телевидению многосерийной передачи «Все люди дуче», которую консультировал Р. Де Феличе, газета ИКП «Унита» поставила резонный вопрос: «Какие идеи может извлечь из передач государственного телевидения, окрашенных в розовые тона, молодежь, которая не помнит Италию периода нацистско-фашистских зверств?»¹⁷⁶ Н. Транфалья отметил узкий, избранный круг ее участников, за пределами которого остались последовательные антифашисты. Одновременно он подверг резкой критике утверждения Дж. Бокка о том, что антифашистская историография, монополизировав изучение истории фашизма, якобы «дезинформирует современников», делает упор «больше на пропаганде, чем на истории», «демонизирует» историю фашизма¹⁷⁷.

В 1984 г. в римском Колизее была проведена выставка «Итальянская экономика между двумя мировыми войнами: 1919—1939 гг.». Она была организована под патронажем президента республики и при участии Института по изучению экономики (ИПСОА). Д. Прети указал на тот факт, что под крышей этого института нашли прибежище неофашист Г. Раси, редактор журнала «Анналы итальянской экономики», а также убежденный пропагандист «новых правых» Дж. Аккаме. Главным консультантом выставки являлся Р. Де Феличе. Д. Прети считает, что экспонаты выставки и комментарии к ним дают основания говорить о «фальсификации истории». Основным мотивом выставки было утверждение, что фашизм и крупный капитал занимали нейтральную и автономную позицию по отношению друг к другу в течение всего периода 1919—1939 гг.¹⁷⁸

Очевидно, скатывание вправо исторических взглядов Де Феличе и его концепции истории фашизма еще не является достаточным основанием для обвинения его в «филофашистском оппортунизме», как это делают некоторые левые буржуазно-демократические исследователи¹⁷⁹. Однако это не снимает ответственности ни с него, ни с других сторонников «новой» концепции за то, что, представляя фашистский режим в «розовых тонах», они способствуют развитию неофашистских тенденций.

В целях более точного определения места, которое занимает «новая» концепция в итальянской историографии, представляется необходимым соотнести ее с подхо-

дом к истории фашизма в современных апологетически фашистских работах. В оценке фашистского режима в Италии неофашистские публикации располагаются в довольно широком диапазоне: от критики некоторых его сторон до полной апологии. Обратимся к некоторым аспектам критики концепции истории фашизма Р. Де Феличе. М. Тарки считает, что для превращения «ревизионистской концепции» Де Феличе в разновидность «новой истории» он должен пересмотреть некоторые вопросы, начиная с определения фашизма как «левого» движения¹⁸⁰. Неофашисты подвергли критике тезис Де Феличе о воспитании «нового человека». Они решительно не согласны с его утверждением, что это «типично демократическая идея», восходящая к классическому просветительству Руссо, к идеям Прудона, Бланки, бабувистов. Напротив, возражает М. Бернарди Гуарди, «фашистский новый человек подобен античному римлянину, средневековому рыцарю, крестоносцу, воину эпохи Возрождения, т. е. человеку античной расы, воскрешаемому в XX в.». «Не случайно,— продолжает этот автор,— идея расы вошла в фашизм с очень точным духовным признаком, соответствующим арийско-романской мерке — жизнедеятельной, биологической, натуралистической — как в теории Розенберга»¹⁸¹. Примерно в том же духе высказывается Дж. Локки¹⁸².

Неофашистский автор Ф. Кардини, оспаривая концепцию Де Феличе, указывает на неустойчивое скатывание режима Муссолини вправо. «Правая всегда отличается реакционностью, отрицанием 1789 г.»,— подчеркивает он¹⁸³. В работах неофашистских авторов в основном отрицается тезис о «модернизаторской» функции фашизма. Неофашисты Эвола, Джуссо, Венециани рассматривают приход фашистов к власти как «восстание против современного мира». Причины поражения итальянского фашизма они объясняют тем, что в нем утвердилось крыло, которое под влиянием актуалистской философии Джентиле якобы осуществляло «модернизаторскую яacobинскую» линию¹⁸⁴. В этих работах просматривается близость концепции итальянских неофашистов к идеологии и практическим действиям германских национал-социалистов. Д. Кофранческо связал с этой особенностью критическое отношение ряда неофашистских авторов к работам Де Феличе¹⁸⁵. В итальян-

ской неофашистской литературе встречаются противоречивые оценки фашизма. Например, М. Тедески рассматривает фашизм как «третью силу», «новый и революционный феномен»¹⁸⁶.

«Новая» концепция истории фашизма встречает отпор со стороны марксистской и левой буржуазно-демократической историографии.

§ 5. АНАЛИЗ ФАШИЗМА В МАРКСИСТСКОЙ, СОЦИАЛ-РЕФОРМИСТСКОЙ И ЛЕВОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ГОДЫ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Исследователи, работы которых рассматриваются в этом параграфе, придерживаются теоретико-методологических позиций в широком диапазоне: от марксизма-ленинизма и непоследовательного марксизма до неогегельянского идеализма, неопозитивизма и других разновидностей буржуазного историзма. Близость их концептуальных и политических позиций связана с антифашистской, демократической, антиимпериалистической и антимонополистической ориентацией. Все они в большей или меньшей степени испытали и испытывают на себе влияние марксистской методологии и марксистской концепции истории фашизма. Сотрудничество между ними складывается не сразу и не исключает возникновения порой достаточно острых расхождений по теоретико-методологическим и конкретно-историческим проблемам оценки фашизма.

В годы фашистской диктатуры социал-реформистская и левая буржуазно-демократическая историография не выработали цельных концепций исследования фашистского феномена: речь шла об отдельных и чаще всего индивидуальных аспектах исторического и политического анализа фашизма. Публикации деятелей социалистического движения Ф. Турати, Р. Моранди, У. Мандольфо, Л. Бассо, П. Ненни, С. Трентина межвоенного периода отразили их идейно-политические колебания в оценке фашистского феномена. Дж. Циборди в книге «Социалистическая критика фашизма», опубликованной в 1922 г., рассматривал фашизм в качестве «буржуазной контрреволюции в ответ на красную революцию», как «революцию или, лучше сказать, конвульсию средних слоев, недовольных, зажатых,

обеспокоенных»¹⁸⁷. Этот вывод содержали и работы, опубликованные им в журнале «Критика социале» в 1922—1924 гг.

Известны две работы секретаря Унитарной социалистической партии Дж. Маттеотти. Одна из них — «Фашисты первого часа» — была написана в конце 1923 г., вторая — «Год фашистского гнета» — в феврале 1924 г., но стала доступной читателям уже после трагической гибели автора, зверски убитого фашистскими боевиками. Работы Маттеотти отразили его позицию резкого осуждения фашистского насилия, нарушений правительством Муссолини демократических законов. Он отвергал фашистские мифы об «общенародной» политике режима, приводил факты о росте доходов капиталистов и спекулянтов и об ухудшении положения трудящихся. Вместе с тем в его работах отразилась позиция УСП: нежелание сотрудничать с коммунистами, стремление к восстановлению «традиционной» демократии¹⁸⁸.

В «программном заявлении», разработанном руководством соцпартии в 1926 г., фашизм был определен как «средиземноморский» феномен, т. е. обосновывался слабостью экономической и политической структуры Италии¹⁸⁹. В 1928 г. на Брюссельском конгрессе Рабочего Социалистического Интернационала один из руководителей социалистов Ф. Турати заявил, что «итальянский феномен есть не что иное, как особый случай общей ситуации», который объясняется особенностями национальной истории и психологии итальянцев. Возникновение фашизма он связывал с последствиями разложения капиталистической плутократии. Решающей предпосылкой его он считал войну, без которой «фашизм не стал бы ни возможным, ни мыслимым». Классовую сущность фашизма Турати определял совпадением интересов плутократии и новых социальных слоев, выдвинувшихся в годы мировой войны. На съезде Итальянской социалистической партии в 1930 г. было признано, что фашизм — реакционная диктатура, власть крупной буржуазии¹⁹⁰.

П. Ненни в книге «Шесть лет гражданской войны», опубликованной в Париже в 1931 г., отметил невозможность объяснения фашизма только реакционностью его политики. Он считал, что решающую роль в поддержке фашизма средними слоями сыграли его националистические лозунги¹⁹¹. Спустя год он писал по поводу внешней политики фашизма, что она «не имеет определенной програм-

мы», «наиболее важные решения являются часто только внезапными импровизациями», Муссолини «совершает повороты, которые ломают все предшествующие официальные установки»¹⁹². В середине 30-х гг. Итальянская социалистическая партия приняла марксистское определение фашизма.

Заметными фигурами в антифашистской историографии были П. Гобетти, Г. Дорсо, братья Карло и Нелло Росселли, Г. Сальвемини, А. Гароши, Л. Сальваторелли, Р. Бауэр. Их базовые методологические позиции существенно различались. Г. Сальвемини представлял позитивистскую экономико-юридическую школу, к этой же школе тяготел Н. Росселли, а К. Росселли был привержен неогегельянскому идеализму¹⁹³. П. Гобетти испытал сильное влияние крочеанства, затем сблизился с группой «Ордине нуове», но так и не стал марксистом. Основанные им журналы «Риволуционе либерале» и «Баретти» оказывали значительное влияние на формирование антифашистской оппозиции. В них сотрудничали известные представители различных политических течений от либералов Эйнауди и Амендолы до католика Стурцо и социалиста Ненни¹⁹⁴. В связи со смертью П. Гобетти, ставшего жертвой зверской расправы фашистов, А. Грамши писал, что Гобетти не был коммунистом и, вероятно, никогда не стал бы им, но он понял общественную и историческую роль пролетариата и уже не мог мыслить, отвлекаясь от этого элемента¹⁹⁵.

Последователь Гобетти, участник антифашистского движения Сопротивления А. Гароши опубликовал в 1945 г. книгу «Жизнь Карло Росселли». В предисловии к ней он писал, что ставил целью опровергнуть суждение о том, что в 20-х гг. вся духовная жизнь итальянской интеллигенции была замкнута в уродливые рамки фашистского господства. О противоположном свидетельствовало выдвижение таких величин, как К. Росселли, стремившегося к обновлению духовной жизни итальянского общества¹⁹⁶. В 1929 г. К. Росселли был одним из организаторов и руководителей мелкобуржуазного движения «Справедливость и Свобода», которое в Италии иногда называют «Третьей социалистической партией». Это связано с идеологическим эклектизмом движения, его ориентировкой на «либеральный социализм», близкий по духу к английскому либерализму. Историк-марксист Э. Сантарелли определил его как движение антифашистского интеллек-

туального меньшинства, стремившегося «сохранить мосты» в отношениях со средними слоями¹⁹⁷. К. Росселли был непримиримым противником марксизма-ленинизма и компартии Италии¹⁹⁸. Руководителей движения «Справедливость и Свобода» и компартии разделяла не только идеологическая платформа, но и различный подход к практической деятельности. Коммунисты не могли одобрительно относиться к увлечению движения террористической деятельностью. В период совместной антифашистской борьбы в Испании руководители «Справедливости и Свободы» намеревались присоединиться к пакту о единстве действий между коммунистами и социалистами. Однако этому воспрепятствовал кризис, наступивший в движении после убийства фашистами лидера «Справедливости и Свободы» Карло Росселли и его брата Нелло¹⁹⁹.

В оценке фашизма К. Росселли упрощал взаимоотношения между политическим руководством и крупным капиталом. Он утверждал, что каждый из них действует в своей сфере независимо от другого: фашизм — в политической, а крупный капитал — в экономической. Однако в тех условиях, когда фашистская пропаганда и вслед за ней многие буржуазные авторы говорили об «антикапиталистическом» характере политики фашизма, выводы К. Росселли о том, что действительными хозяевами страны являются не слои средней и мелкой буржуазии, а «фашистская политическая олигархия и крупный капитал», вносили вклад в разоблачение фашистского корпоративного антикапиталистического мифа.

Заслуживают внимания высказывания К. Росселли о внешней политике фашизма. Итальянская историография отмечает «родство» его взглядов с утопическими идеями Мадзини о «новой» Европе²⁰⁰. В наиболее завершенном виде взгляды Росселли на внешнюю политику фашизма были изложены в его выступлении в английском Королевском институте международных отношений 15 марта 1933 г. и в двух статьях, опубликованных в том же году в печатном органе движения «Справедливость и Свобода»²⁰¹. Основной в докладе Росселли была мысль о враждебности фашизма делу мира. Он проанализировал политику фашизма в Центральной Европе, в отношении Югославии и Франции. В Центральной Европе основные усилия фашистской дипломатии были направлены на подрыв Малой Антанты, в частности, на отрыв от нее Румы-

нии. Этой задаче были подчинены планы создания австро-итало-венгерского блока, с включением в него в перспективе части югославских земель — Хорватии и Словении. Особое внимание К. Росселли обращал на агрессивность планов итальянских фашистов в отношении Балкан, включая расчленение Югославии, установление итальянской гегемонии в этом районе при опоре на Албанию и Болгарию. Чтобы не затрагивать имперских чувств английских слушателей, К. Росселли не стал поднимать в своем докладе колониальные вопросы. В дальнейшем он высказывался против «колониального империализма всех стран». Однако его позиция по этому вопросу была особенно непоследовательной.

«Безрассудный политический авантюризм» фашизма К. Росселли видел в том, что правительство Муссолини пыталось строить свою внешнюю политику на «возврате к традиционной политике равновесия сил». Однако, являясь «наиболее слабой из великих держав», Италия, по его мнению, рано или поздно будет вынуждена занять свое место на стороне той или иной великой державы, утратив таким образом свою независимость, автономию и в конечном итоге ранг великой державы. Предупреждения К. Росселли об агрессивности фашизма, о нарастании шовинистической волны в самой Италии предвосхитили дальнейшие действия правительства Муссолини.

В качестве альтернативы фашистской внешней политике К. Росселли выдвигал свое видение роли и места Италии в международных делах. Свои предложения он увязывал с борьбой за реализацию идей Дж. Мадзини о «нации» и «новой Европе». Согласно плану Росселли Италия должна была занять место лидера малых и средних держав в «великом братстве народов». В рамках «новой единой Европы» осуществлялось бы «свободное передвижение людей, обмен культурными ценностями и совместная эксплуатация колоний, а также подмандатных территорий». Наиболее утопическую часть программы Росселли составляли его представления о возможности «совместной эксплуатации» колоний и подмандатных территорий путем достижения мирной и полюбовной сделки между империалистическими государствами²⁰². Изложенный Росселли вариант «новой Европы» еще менее реален, чем мелкобуржуазная социальная утопия Мадзини. В условиях эпохи империализма он, по существу, маскировал устремления

итальянской буржуазии к борьбе за «место под солнцем». Вместе с тем представляется резонным замечание Н. Боббио о том, что идеи «новой» Европы, связанные с европейским просветительством, сыграли свою роль в противопоставлении фашизму антифашистской культуры²⁰³.

Яркий и заметный след в антифашистской немарксистской историографии этого периода оставил Г. Сальвемини, один из лидеров экономико-юридической школы. Отвергнув фашизм, Сальвемини не встал в ряды рабочих антифашистских организаций, а попытался организовать «автономную» партию крестьян юга, но его усилия потерпели крах. Сальвемини осознавал свою политическую изоляцию, называл себя горько-иронично «вольным стрелком». Причины политической изоляции Сальвемини вскрыл Дж. Амэндола, указав на его неспособность увидеть тот реальный политический процесс, который привел в движение социальные силы, его непонимание того, что трансформация государства в сторону демократии невозможна без гегемонистских действий промышленного пролетариата севера²⁰⁴. Вместе с Росселли Сальвемини начал издавать одну из первых подпольных антифашистских газет «Нон молларе!» («Не сдаваться!»). В 1925 г. он был арестован, а затем, воспользовавшись временным освобождением, нелегально эмигрировал во Францию. Вплоть до убийства фашистами братьев Росселли в 1937 г. он сотрудничал с организацией «Справедливость и Свобода». В дальнейшем Сальвемини преподавал в Англии и США, а в 1949 г. вернулся в Италию.

Сальвемини не был последователен в своем отношении к антифашистским партиям и организациям, допускал антикоммунистические выпады. В статье, посвященной памяти Сальвемини, которая была напечатана в журнале «Новая и новейшая история» в 1957 г., подчеркивалось, что наиболее славные страницы биографии ученого связаны с его антифашистской деятельностью. Его историко-публицистическое наследие опубликовано издательством «Фельтринелли» в 9-ти томах (19-ти книгах). Важнейшее место в нем занимает исследование истории итальянского фашизма. Всемирную известность Сальвемини принесла книга «Муссолини-дипломат», опубликованная в 1932 г. в Париже сначала на французском языке, затем на итальянском. Э. Сантарелли считает, что публикация этой работы сделала

Сальвемини «антифашистским историком и пропагандистом номер один в англосаксонских странах»²⁰⁵. В 1945 г. Сальвемини переработал и дополнил эту книгу на основе опубликованных дипломатических документов США, Великобритании, обширной мемуарной литературы.

Первые работы Сальвемини о фашизме появились в тот момент, когда буржуазные авторы и апологеты фашизма в западных странах стремились убедить общественность в том, что фашизм спас Италию от «большевистской опасности», являясь превентивной революцией (контрреволюцией), вытащил ее из экономической пропасти, что фашизм полностью отвечал интересам итальянского народа и пользовался всенародной поддержкой и, наконец, что он не представлял никакой угрозы европейскому порядку. Сальвемини доказывал, что фашисты пришли к власти вопреки воле большинства итальянских трудящихся, в результате поддержки правящими политическими и военными силами, крупной буржуазией фашистского насилия. Он категорически возражал против распространенного в буржуазной историографии тезиса о том, что фашизм «спас» Италию от большевизма и разрухи. На обширном статистическом материале он показал, что, несмотря на кризисные явления в послевоенной экономике, положение в Италии не было катастрофическим. Наблюдалось оживление деловой активности, во многих секторах промышленности происходил приток иностранных капиталов, полученные с Германии репарации с лихвой компенсировали военные долги.

Сальвемини приложил немало усилий к тому, чтобы развенчать насаждаемый апологетами фашизма идеализированный образ дуче. Он писал о Муссолини: «Больше, чем социалистом, он был анархистом», «его политическую концепцию можно выразить одним словом — «насилие» — и он остался верен этой философии на всю жизнь», «лозунг — «жить рискованно» — навсегда остался его жизненным кредо»²⁰⁶. Вместе с тем Сальвемини была свойственна персонификация истории. В этом проявилась концептуально-методологическая слабость его исследований. Он определенно недооценивал классовые мотивы политики итальянского фашизма несмотря на то, что сознавал связь Муссолини с крупным капиталом и постоянно ее подчеркивал.

Скрупулезное исследование исторических событий позволило Сальвемини убедительно доказать огромную опасность фашизма для всего человечества. Он не разделял мнение о фашизме как «итальянской болезни» и предупреждал об опасности появления этого феномена в других капиталистических странах. Сальвемини предсказал, что итальянский фашизм неизбежно двинется к империалистическим войнам, хотя и недооценивал возможность столь быстрого перехода от слов к делу. Постоянное стремление Муссолини создать итальянскую империю он сравнивал с «печью, которая всегда раскалена, но в ней ничего не готовится»²⁰⁷. До лета 1935 г. Сальвемини не верил в возможность итальянской агрессии против Эфиопии. Он полагал, что речь шла о пропагандистском нажиме на Англию с целью добиться от нее дальнейших уступок. Когда началась итальянская агрессия в Восточной Африке, Сальвемини справедливо обрушился на правящие круги Англии и Франции, которые попустительствовали фашистским агрессорам. Великобританию он считал «главным подстрекателем», а ее поддержку Муссолини — главным звеном в драме, которая привела ко второй мировой войне²⁰⁸.

Антифашистская немарксистская литература внесла свой вклад в разоблачение агрессивной сущности политики итальянского фашизма, способствовала антифашистской мобилизации в Италии и за ее пределами.

В начале 20-х гг. набирающая силу в Италии революционная марксистская мысль бросила вызов социал-реформистским и буржуазным идейным течениям. Итальянские коммунисты внесли существенный вклад в обоснование марксистско-ленинского определения фашизма, которое было выработано не сразу. Также не просто складывался путь итальянских марксистских исследований фашизма к подлинно научному анализу. На марксистской историографии фашизма первой половины 20-х гг. сказывалось отрицательное влияние сектантской политической линии первого руководства Коммунистической партии Италии — группы А. Бордиги. Следствием этого явилось отставание теоретических оценок фашистского феномена и практического развертывания эффективной борьбы против фашистского насилия. Тольятти обратил внимание на такой факт: руководящая группа компартии даже не сумела понять значения поли-

тической инициативы Коммунистического Интернационала в разработке тактики единого фронта²⁰⁹. Официальная позиция бордигианского руководства сводилась к объяснению появления фашизма всегдашней реакционностью буржуазии. Отсюда приход фашистов к власти представлялся им как внутреннее дело руководящего буржуазного класса, в результате которого природа государственной власти не изменилась²¹⁰. Значительная часть публикаций Тольятти, относящихся к 1921 — 1922 гг., была выдержана в духе бордигианских установок. Даже после прихода фашистов к власти он отстаивал тезис о том, что фашизм является буржуазной диктатурой и «не станет стремиться к освобождению от каких-либо традиционных демократических предрассудков»²¹¹.

Позже П. Тольятти отмечал, что в этих условиях заявил о себе выдающийся талант «первого, настоящего, цельного, последовательного марксиста» Италии Антонио Грамши в выработке верной политической линии партии. Сила политической мысли Грамши проявилась и в том, что он одним из первых среди современников наметил правильное направление исследования фашистского феномена. В статье И. В. Григорьевой «Исторический анализ фашизма в работах Антонио Грамши», являющейся наиболее полной и глубокой разработкой данной темы в советской литературе, отмечено стремление Грамши объяснить возникновение фашизма исходя не только из общих тенденций развития классовой борьбы, но и с учетом исторических особенностей буржуазного общества и государства в Италии. Он не ограничился указанием наиболее близкого предшественника фашизма — интервенционистского движения в годы мировой войны, но установил его историческую связь с незавершенностью буржуазного переустройства Италии в эпоху Рисорджименто. Грамши обвинял в этом буржуазию, которая препятствовала включению широких народных масс в борьбу за национальное объединение страны, в результате чего либеральное государство не имело широкой массовой базы, не приобрело гибкость и прочность политической системы²¹².

Опираясь на ленинскую концепцию империализма, А. Грамши исследовал классовую природу политической реакции в Италии. «Поскольку в условиях империалистической фазы развития мирового капитализма такая

конкуренция (между отдельными лицами, группами и слоями.— В. М.) уничтожена, национальный парламент завершил выполнение своей исторической функции; буржуазия управляет собой посредством банков и крупных капиталистических компаний, централизованно выражающих совокупные и единые интересы всего класса; правительство прямо опирается на эти союзы капиталистов и сводит свою деятельность к полицейским функциям, к поддержанию порядка на улицах и площадях»,— писал А. Грамши в феврале-марте 1920 г.²¹³.

Кризис традиционных буржуазных институтов власти и поворот к крайним формам политической реакции А. Грамши связывал с развитием монополистического капитализма в Италии. В мае 1920 г. он подчеркивал, что за фронтальным наступлением реакции в Италии стоит Конфиндустрия, классовый союз крупного капитала. А. Грамши предполагал, что если пролетариату не удастся завоевать власть, последует бешеная реакция имущих классов и правящей касты, будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, будут предприняты усилия с целью инкорпорировать органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства²¹⁴.

В числе первых А. Грамши обратил внимание на особый характер фашистской реакции как реакции нового типа, опирающейся на массовую базу. В его работах дан анализ состава массовой базы фашистской реакции, отмечена весомая роль в ней крупной, средней и мелкой городской буржуазии, крупных, средних и мелких аграрных слоев²¹⁵. При столкновении с Муссолини в итальянском парламенте Грамши подчеркивал, что революции совершаются новыми передовыми классами, олицетворяющими движение по пути социального прогресса. Фашизм не является революционным уже потому, что опирается на старые классы итальянского общества²¹⁶.

Важным для дальнейшей борьбы итальянского рабочего движения против фашизма было предвидение Грамши неизбежного расслоения фашистской массовой базы и возможного отхода от фашизма части буржуазии. «Таким образом,— подчеркивал Тольятти,— выдвигалась конкретная гипотеза демократического пути борьбы, и рабочее движение и коммунистическая партия должны были быть готовы идти по этому пути»²¹⁷.

Арест Грамши 8 ноября 1926 г. вывел его из активной политической деятельности, ограничил возможность идейно-теоретической и исследовательской работы. Тема фашистской внешней политики стала для него запретной. Пристальное внимание Грамши в этот период привлекали проблемы проникновения в Италию американских методов хозяйствования, их возможные последствия для перспектив революционной борьбы итальянских трудящихся. К этой теме он обратился в своих заметках «Американизм и фордизм»²¹⁸. Для определения точки зрения Грамши на проблему «американизации» Италии мы имеем возможность воспользоваться исследованием советского историка К. Г. Холодковского²¹⁹.

Грамши считал, что внедрение американской системы организации труда требовало определенной среды, уровня развития экономики, определенной социальной структуры (или решительного желания создать ее) и известного типа политического режима. Под «определенной средой» он понимал рациональный с точки зрения производства социальный состав. Грамши не отвергал полностью возможности корпоративной технико-экономической «американизации», но сомневался в реальности такого пути. Почему? Он полагал, что корпоративный курс — это рычаг скорее экономической администрации, чем новой экономической политики²²⁰. Фашистское государство зависит от поддержки «средних классов» и в силу этого не может избавиться от непродуктивных социальных слоев. Само государство остается «плутократическим» в своей основе и оказывается не в состоянии порвать связи с крупным финансовым капиталом. То есть интересы капиталиста — участника производственного процесса, комментирует К. Г. Холодковский этот вывод Грамши, будут постоянно отступать перед интересами капиталиста-собственника. В конечном итоге Грамши приходит к выводу, что «американизация» государства способом «пассивной революции» сверху (в данном случае — фашистским режимом) маловероятна. Советский исследователь отмечает, что Грамши видел почти все элементы «неокапитализма», хотя и низко оценивал его шансы²²¹. Настоящим подвигом стала идейно-теоретическая работа Грамши, проделанная в невероятно тяжелых условиях. Его труды, изданные после войны (особенно «Тюремные тетради»), содействовали обостре-

нию «того кризиса, который переживают идеалистические философские системы и идеалистическая культура, и послужил толчком к тому, чтобы влияние марксистских идей с новой силой распространилось на все области нашей культуры», — писал Тольятти в предисловии к русскому изданию избранных произведений Антонио Грамши²²².

В период глубокого застоя итальянской буржуазной культуры, обусловленного прежде всего политикой фашистского режима, итальянская марксистская мысль накапливала тот идейно-теоретический потенциал, который позволил ей после падения фашистского режима в кратчайшие сроки завоевать позиции в стране. Представление об эволюции разработки итальянскими марксистами темы фашизма дают работы деятелей ИКП П. Тольятти, Л. Лонго, Р. Гриеко, Дж. Ди Витторо, А. Таска, опубликованные в теоретических органах «Коммунистический Интернационал», «Инпрекорр», «Большевик», «Ло Стато операйо», «Унита», а также документы и материалы международного и итальянского коммунистического движения.

После ареста Грамши руководство партией взял на себя Пальмиро Тольятти. Современный исследователь-марксист Л. Группи подчеркивает важное значение совместной работы в Коминтерне Тольятти и учеников Ленина, которые хорошо знали ленинское теоретическое наследие, разбирались в международной обстановке и сложных проблемах коммунистического движения²²³. Тольятти внес большой вклад в разработку политической стратегии партии, стал одним из авторитетных теоретиков итальянского и международного коммунистического движения.

В мае 1926 г. Тольятти выступил на страницах журнала «Коммунистический Интернационал» — авторитетного органа мирового коммунистического движения — со статьей «Социальная база фашизма»²²⁴. Здесь следует отметить, что в 1952 г. Тольятти в замечаниях к переизданию одной из своих ранних статей уточнил использование термина «социальная база фашизма». При использовании определения «социальная база» движения необходимо принимать в расчет цели движения, его деятельность, кто в нем доминирует и им руководит. Первые сквадристские организации фашистов как в деревне,

так и в городе формировались преимущественно из элементов мелкой буржуазии (в некоторых случаях в них участвовали пролетарии и батраки). Однако этот факт, подчеркивал Тольятти, не может служить основанием для того, чтобы рассматривать фашистское движение в качестве мелкобуржуазного. Эти самые сквадристские организации действовали по приказам аграриев и промышленников, чтобы разгромить рабочее движение. Поэтому их «социальной базой» должны быть названы сами реакционные промышленники и аграрии. Утверждать, будто социальной базой фашистского движения были слои мелкой и средней буржуазии, значит допускать ошибку и создавать путаницу. Тольятти считал более точным использование в этих случаях следующих определений: *массовая база* фашистского движения в некоторых мелкобуржуазных слоях или *рекрутируемая база*, если речь идет о вооруженных формированиях²²⁵.

В марксистской литературе межвоенного периода нет четкого разграничения понятий «массовая база» и «социальная база». Однако это не умаляет значения работ, написанных в этот период. В статье «Социальная база фашизма» (1926), которую, исходя из замечания Тольятти, было бы правильнее озаглавить «Массовая база фашизма», им предпринята попытка дифференциации буржуазных идейно-политических движений, исследованы причины формирования массовой базы фашистского движения и поведение социальных слоев, рекрутированных в нее. Тольятти высказался против подведения под определение «фашизм» различных реакционных буржуазных движений, что было свойственно марксистской литературе. Он отмечал, что фашизм является особой, специфической формой реакции, «это система самой последовательной реакции из всех, которые существовали до сих пор в странах, где капитализм достиг определенного уровня развития», поскольку в ней осуществляется «систематическое тотальное подавление любой формы автономной организации масс»²²⁶. В этой статье уже просматривалось стремление Тольятти увязать в анализе фашистского феномена оба элемента: диктатуру крупной буржуазии и движение мелкобуржуазных масс.

Разработка вопроса об общих и специфических чертах фашистских движений и режимов вносила вклад в преодоление распространенного среди итальянских

марксистов мнения об «исключительности» фашистского феномена в Италии и отсутствии фашистской опасности в других странах. В этой связи постановка Тольятти вопроса об «идентичности фашизма и капитализма» была направлена на то, чтобы подчеркнуть обусловленность происхождения фашизма капиталистической системой, заложенной в ней способности при определенных обстоятельствах генерировать фашистскую опасность. В этот период Тольятти был уверен, что выход фашизма за пределы Италии возможен в странах с «экономически слабой структурой, лишенных политического равновесия и где изобилуют средние и мелкобуржуазные слои»²²⁷.

Значителен вклад итальянских марксистов в анализ внутренней, внешней и экономической политики фашистского режима. В ноябре 1926 г. Тольятти принял участие в дискуссии, организованной комиссией Коминтерна по фашизму, где выступил с докладом об экономической политике итальянского фашизма²²⁸. В нем указывалось, что в течение 2—3 лет со времени прихода фашистов к власти произошло улучшение экономической конъюнктуры, обусловленное рядом факторов. Среди них — сокращение заработной платы, которое произошло в результате разгрома рабочих организаций и установления произвола хозяев. Инфляция позволила на некоторое время выйти из кризиса. За короткий период с 1923 по 1925 г. рост акционерного капитала достиг гигантских размеров, увеличившись с 2 до 8 млрд лир. В основном этот капитал направлялся на расширение производственного аппарата в промышленности. Однако благоприятная экономическая конъюнктура продолжалась недолго. В 1925—1926 гг. начался кризис, сопровождавшийся перекачиванием капитала из промышленности в сельское хозяйство. Снижение капиталовложений в промышленность повлекло за собой падение акций, сокращение доходов в промышленности. Кризис обострился дальнейшим сокращением внутреннего рынка, вызванным прогрессирующим обнищанием трудящихся. Итальянский экспорт столкнулся с наступлением реорганизованной германской промышленности, а также с конкуренцией со стороны Франции. Для решения финансово-экономических вопросов фашистское правительство стало более активно использовать механизм государственного регулирования.

В целом экономическая политика фашизма привела к громадной концентрации капитала, к сосредоточению управления экономикой в руках узкой группы финансовой олигархии. Крупные банки контролировали все секторы промышленности и даже аграрную экономику юга. «Фашизм делает политику крупного финансового капитала и эта политика ведет к подлинной экспроприации средних слоев, которые приговорены к потере контроля над своими богатствами»,— подчеркивал Тольятти²²⁹.

Тольятти указал на усиление зависимости страны от иностранного капитала, прежде всего американского. Условия его предоставления не позволяли фашистскому правительству свободно им распоряжаться. Американские монополии направляли свои капиталы на стабилизацию итальянской валюты и в наиболее передовые отрасли итальянской промышленности (например, 90% капиталов было вложено в электрическую промышленность). По существу, США установили прямой контроль над финансовой и экономической политикой фашистской Италии.

Тольятти затронул в докладе и некоторые вопросы внешней политики Италии. Он по-прежнему утверждал, что «империалистическо-экспансионистская кампания» являлась лишь одним из средств удержания фашистским режимом массовой базы, не видел в ней проявления интересов монополистических сил. Поэтому он полагал, что «словесная агрессивность» и фразеология «так называемого итальянского империализма» были рассчитаны на широкие массы и не принимались всерьез теми, кто «руководил итальянской крупной промышленностью и прежде всего финансами»²³⁰.

Элементы нового подхода к анализу итальянского империализма и его внешней политики проявились в статье Тольятти «Фашизм и стабилизация», опубликованной в декабрьском 1926 г. номере журнала «Коммунистический Интернационал»²³¹. Указав на «все большее сосредоточение контроля над всей итальянской экономикой в руках финансового капитала»²³², автор сделал вывод о том, что Италия как «страна, которая не в состоянии противостать экономически и политически главным европейским капиталистическим державам, стремится усилить свою роль на почве международного соперничества»²³³.

Вопрос о месте Италии в фашистской системе получил дальнейшее развитие в выступлении Тольятти на заседании Итальянской комиссии Коминтерна, которое состоялось в начале января 1927 г. Тольятти заявил об ошибочности увязывания вопроса об империалистической фазе в Италии со степенью развития итальянского империализма. При рассмотрении этой проблемы, подчеркивал Тольятти, необходимо прежде всего принимать во внимание изменения экономической структуры. В Италии они происходят в том же направлении, что и в других империалистических странах. Это вызвало возражение А. Таски, который утверждал, что фашизм возобновил предвоенную линию Джолитти, и в экономике Италии положение не изменилось, что «создание новой структуры будет означать возвращение к старой экономической структуре»²³⁴. Тольятти не согласился с таким мнением и подчеркнул, что в данном случае речь идет о новых направлениях этих изменений, связанных со стремлением итальянской буржуазии к внешней экспансии.

Насколько важное значение Тольятти придавал изучению итальянского империализма свидетельствует тот факт, что в первом номере нового журнала «Ло Стато операйо» впервые на итальянском языке была опубликована работа В. И. Ленина «Империализм и социализм в Италии». В предисловии к ней Тольятти указал на изменения, которые произошли в Италии со времени написания работы, а именно на развитие «базы промышленного производства», что привело к изменению места Италии в системе капитализма. В этом Тольятти усматривал главную предпосылку агрессивной империалистической политики фашистской Италии²³⁵.

В докладе Тольятти на Базельской конференции компартии Президиума ИККИ «Об экономическом положении Италии» (январь 1927 г.) была подчеркнута важная роль государственного регулирования итальянской экономики. Промышленное развитие, осуществленное под патронатом фашистской политики, отмечалось в докладе, составило базу итальянского империализма²³⁶. Современный исследователь Дж. Сапелли полагает, что дискуссия на Базельской конференции явилась посылкой использования понятия «государственный капитализм» применительно к Италии²³⁷. Уже в следующей статье Пальмиро Тольятти, опубликованной в журнале

«Коммунистический Интернационал» в феврале 1928 г., концепция итальянского фашизма как фактора подготовки новой империалистической войны была разработана обстоятельно²³⁸. В последующих работах он раскрыл подрывные действия фашистской Италии против англо-французской системы в Средиземноморье и на Балканах²³⁹.

Заметным явлением в марксистской историографии 20-х гг. стала статья Тольятти «К вопросу о фашизме» (1928)²⁴⁰. Он вновь обратился к дифференциации форм политической власти буржуазии, критерием которой предложил считать особенности организации политической системы государства, достигнувшего определенной стадии развития капитализма. «Фашизм есть система полной и наиболее последовательной реакции из всех, которые когда-либо существовали в странах, где капитализм достиг определенной стадии развития»²⁴¹. Он выделил присущую фашизму тенденцию к организации политической системы по принципу тоталитаризма.

Автор статьи предостерегал против определения фашистской идеологии как однородной, целостной и застывшей, указал на присущий ей вульгарный национализм, псевдопатриотизм, антикоммунизм, расизм и экспансионизм. Она вобрала в себя также те специфические компоненты, которые были присущи массовой базе фашистского движения «первого часа». Но не они определяли происхождение и последующую эволюцию идеологии фашизма. Нетрудно отыскать в фашистской идеологии, писал Тольятти, те концепции, которые полвека назад начали выдвигаться буржуазными теоретиками, которые подвергли критике и даже отказались от принципов, выдвинутых буржуазией в период восходящей фазы развития капитализма, в период буржуазных революций. Таким образом, Тольятти вплотную подошел к оценке фашистской идеологии как реакционной разновидности буржуазной идеологии. Фашистская идеология, писал он, особенно ее националистические и империалистические компоненты, является связующим звеном между массовой базой фашизма и лагерем буржуазии, заинтересованной в экспансии итальянского капитализма.

Шестой конгресс Коминтерна, несмотря на возражение некоторых делегатов и среди них Тольятти, принял

в сентябре 1928 г. решения, в которых недостаточно четко разграничивались социал-демократия и фашизм, буржуазная демократия и фашистская диктатура²⁴². Это тормозило разработку ряда вопросов, связанных с особенностями социально-политической функции и массовой базы фашистских режимов, борьба против фашизма сводилась исключительно к осуществлению пролетарских революций, минуя какие-либо переходные формы²⁴³. На X пленуме Исполкома Коминтерна (октябрь 1928 г.) политическая линия руководства компартии Италии была подвергнута жесткой критике за недостаточное проведение в жизнь решений VI конгресса. В резолюции подчеркивалось, что противопоставление буржуазной демократии фашистскому режиму имело единственной целью отвлечь пролетарские и крестьянские массы от революционной борьбы, подготовки восстания и гражданской войны. Политический секретариат указал руководству ИКП на необходимость сосредоточения внимания на организационных вопросах²⁴⁴.

На IV съезде компартии Италии в апреле 1931 г. коммунисты выдвинули тезис о фашизме как «открытой и последовательной диктатуре буржуазии над пролетариатом» в то время как социал-демократы считали, что фашистский режим ущемляет интересы всех классов и рассчитывали на его мирное свержение самой буржуазией. Единственно возможный путь свержения фашизма коммунисты видели в социалистической революции, для осуществления которой необходимо «завоевание коммунистической партией большинства пролетариата и завоевание союзников пролетариата»²⁴⁵. Спустя год в заметках о перспективах итальянской обстановки Тольятти указал на недостаточную точность вывода об идентичности капитализма и фашизма. Это «выражение слишком общее, требуется тонкий, а не механистический подход, рассмотрение как процесса и т. д.»²⁴⁶

На XII пленуме ИККИ в 1932 г. Тольятти указал, что решающую роль в установлении фашизма в Италии сыграл поворот в его сторону крупной буржуазии, который произошел «...когда решающие слои финансового капитала — промышленники и аграрии — увидели в фашизме орудие, позволяющее им сломить революционный подъем рабоче-крестьянских масс, орудие для осуществления диктатуры крупной буржуазии, финансового

капитала над широкими массами трудящихся»²⁴⁷. Использование марксистской методологии при анализе социально-политической функции фашизма, особенностей итальянского империализма вывело работы итальянских исследователей-коммунистов на ведущие позиции в изучении фашистского феномена. В то время как социал-реформисты и антифашисты из организации «Справедливость и свобода» эксплуатировали тезис о том, что итальянская буржуазия не является империалистической²⁴⁸, итальянские коммунисты обосновали пути и цели экспансии итальянского империализма. В споре с социал-реформистами Лонго доказывал на страницах «Ло Стато операйо», что фашистская экспансия не является результатом «личного диктата» Муссолини, а необходима для самого существования и развития итальянского капитализма.

В марте 1933 г. руководство компартии обратилось к социалистической и республиканской партиям с предложением об открытии единого фронта против фашизма²⁴⁹. В августе 1934 г. коммунисты и социалисты заключили пакт о единстве действий. В ноябре-декабре 1933 г. состоялся XIII пленум Исполкома Коминтерна. Выступая на нем, Тольятти выделил следующие основные черты фашистской диктатуры: усиление капиталистической концентрации, вмешательство государства в производственную сферу, попытка ведения организованного капиталистического производства, создание нового государственного аппарата, прямое подавление рабочего класса, привлечение трудящейся молодежи для борьбы против рабочего класса, защиты капиталистического режима. Участвуя в дискуссии на тему о классовой сущности фашистского режима, Тольятти категорически оспаривал тезис о том, что фашизм «изменяет систему». Он доказывал, что принятие этого тезиса объективно приводит к выводу, что классовая природа фашистского режима отличается от классовой природы парламентского буржуазно-демократического режима, что, в свою очередь, может повлечь за собой отстаивание тезиса о фашизме как диктатуре мелкой буржуазии и люмпен-пролетариата. На примере эволюции фашистского режима в Италии, его социальной и экономической политики Тольятти стремился доказать, что фашистская диктатура есть диктатура банкиров, крупной буржуазии и зе-

мельных собственников, осуществляемая с целью угнетения трудящихся масс.

Необходимым условием для выработки компартиями правильной тактики в борьбе против фашизма являлся дифференцированный подход к различным формам фашистских режимов. Но для этого необходимо было установить четкое разграничение фашистских и буржуазно-демократических форм политической власти. В октябре 1934 г. Тольятти проанализировал систему организации фашистским режимом массового «консенсуса». Он дал определение фашистской партии как буржуазной партии нового типа — монополизирующей власть, сильной, дисциплинированной, с собственной вооруженной организацией, предназначенной для осуществления открытой диктатуры буржуазии. Тольятти обратил внимание на распространенное среди коммунистов мнение, будто фашистский режим преодолевает противоречия между различными группами буржуазии²⁵⁰. В январе 1935 г. на заседании Политического секретариата ИККИ он говорил уже более определенно о «расхождении в лагере буржуазии»²⁵¹. Тольятти обосновал необходимость работы коммунистов в фашистских организациях по привлечению на свою сторону масс трудящихся и поставил вопрос о формах антифашистских союзов и сотрудничества с социал-реформистами и другими партиями на антифашистской основе²⁵².

В ноябре 1934 г. Тольятти был назначен секретарем Исполкома Коминтерна. В период его работы в руководящем органе коммунистического движения в полной мере проявились его качества крупного теоретика и талантливого организатора. В период подготовки тезисов VII конгресса Коминтерна Тольятти предложил углубить оценку перспектив политики буржуазии в использовании ею фашизма, социал-реформизма и буржуазного реформизма. Не ставя знак равенства между буржуазной демократией и фашизмом, Тольятти считал необходимым указать на тенденцию к фашизму в политической стратегии буржуазии²⁵³. Спустя три месяца в ходе нового обсуждения тезисов Тольятти счел необходимым уточнить свои предложения. Он заявил, что захват власти фашистами не является неизбежным. Борьба масс и единый фронт могли бы воспрепятствовать победе фашизма. Кроме того, буржуазные слои ряда стран стремят-

ся усилить буржуазно-демократическую власть, не прибегая к открытой фашистской диктатуре, ограничиваясь использованием политических союзов с участием буржуазно-реформистских, социал-реформистских и фашистских партий. Эта политика, подчеркивал Тольятти, находится в зависимости от общей перспективы, а не только от линии поведения буржуазии. Он разделил понятия «фашистская диктатура» и «диктатура фашистского типа»²⁵⁴.

В январе-апреле 1935 г. Тольятти прочитал курс лекций для слушателей Ленинской школы. Из 15 лекций найдены и восстановлены пока 11. В 1970 г. они были опубликованы в Италии, а спустя четыре года — в СССР. Тольятти считал наиболее важной увязку двух элементов: диктатуры буржуазии и движения мелкобуржуазных масс²⁵⁵. Признанием важного вклада итальянских коммунистов в разработку новых ориентировок стало поручение Тольятти выступить с одним из основных докладов на VII конгрессе Коминтерна от имени его руководящего органа.

Накануне и в годы второй мировой войны итальянские коммунисты продолжили теоретическую разработку вопросов, связанных с исследованием фашистского феномена и его политики, внесли практический вклад в борьбу против фашизма. В марте 1941 г. на заседании Президиума ИККИ Тольятти дал глубокую оценку положения Италии, особенно акцентировав внимание на губительных последствиях политики автаркии и союза с Германией для ее экономики. Ухудшение экономического положения страны было чревато дальнейшим усилением ее зависимости от Германии. Это должно было вызвать недовольство в той части итальянской буржуазии, которая выступает против нацистских планов организации поработанной Европы под гегемонией германского империализма²⁵⁶.

Результаты, достигнутые итальянскими марксистами в изучении происхождения фашизма, его классовой сущности, массовой базы, социальной, экономической, внутренней и внешней политики обеспечили приоритет марксистской науке в ее конкуренции с буржуазными и социал-реформистскими исследованиями в период с 1922 по 1943 г., подготовили основу для выдвижения марксистской историографии на передовые позиции в послевоенный период.

§ 6. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГРЕССИВНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО БЛОКА В ИСТОРИОГРАФИИ ФАШИЗМА

Крах фашистского режима в Италии в результате его военно-политического поражения и борьбы антифашистско-демократических сил изменил политическую обстановку в стране. Восстановление демократических свобод происходило в исторически новых условиях развертывания антифашистско-демократической революции, которая была прервана в результате вмешательства извне и разногласий в антифашистском блоке. Однако ее основными политическими завоеваниями стали республика, демократическая конституция, мощный фронт демократических сил во главе с компартией²⁵⁷.

В качестве одной из первоочередных задач итальянские коммунисты выдвинули утверждение политической и культурной гегемонии рабочего класса. Они считали своим долгом взломать «аристократические» барьеры между культурой, интеллектуалами и народными массами, покончить с фальшивой концепцией «автономии» культуры, претензией на всеобщую просветительскую функцию интеллектуалов, выступающих в качестве духовных наставников, не связанных с политикой. Большое внимание коммунисты уделяли переосмыслению культурного прошлого с марксистских позиций, выделению в культуре демократических начал²⁵⁸.

Велико было значение публикаций теоретического наследия А. Грамши. Его «Тюремные письма» вышли в 1946 г., «Тюремные тетради» — в 1948—1951 гг. Вклад Грамши в разработку принципов научного историзма оказал огромное воздействие на развитие итальянской исторической науки в послевоенный период, имел существенное значение для борьбы против идеализма и механистического детерминизма²⁵⁹.

Глубоко обоснованная Грамши и развитая в исследованиях Тольятти и других итальянских марксистов критика всей философско-исторической традиции неогегельянского идеализма ослабила влияние крочеанской школы, господствующей многие годы в итальянской духовной культуре. На марксистские позиции перешли видные деятели культуры и молодые историки, чье мировоззрение формировалось под влиянием идеализма, — А. Банфи, Г. Делла Вольпе, Ч. Лупорини, П. Алатри.

Итальянские коммунисты сконцентрировали свои усилия на преодолении распространенной среди интеллектуалов тенденции к творческой стихийности, что во многом было вызвано реакцией на политику фашизма в этой области²⁶⁰. Эта задача стала особенно актуальной в связи с поворотом вправо внутривнутриполитической обстановки в 1947 г., исключением коммунистов из состава правительства, натиском правых сил на политические свободы и духовную культуру, с перенесением атмосферы «холодной войны» на итальянскую почву. Правительство христианско-демократической партии осуществляло финансовый, цензорский и полицейский нажим с целью ущемления свободы культуры, создавало благоприятные условия для захвата американской идеологией многих ключевых позиций в сфере культуры, для насаждения «самых современных» американских неопозитивистских и прагматистских концепций. При поддержке ХДП католическая церковь стремилась к клерикализации итальянской культуры²⁶¹.

По инициативе ИКП в 1948 г. был создан единый фронт защиты культуры. Натиску реакционных тенденций в культуре ИКП противопоставила борьбу за национальную, народную, современную культуру²⁶². Платформа ИКП включала предложение о союзе интеллигенции. Член ЦК ИКП Л. Группи подчеркивает, что речь шла не о союзе между идеологиями, а об объединении усилий различных политических, интеллектуальных сил, культурных и других ассоциаций для защиты свобод, светского и национального характера культуры; не о распространении традиционной культуры, а о том, чтобы поднять рабочий класс и трудящиеся массы на новый уровень культуры, который могла обеспечить только идеология марксизма²⁶³.

Под влиянием марксизма происходило формирование влиятельного прогрессивно-демократического блока интеллектуалов. Этот процесс характеризовался сложной динамикой, и его невозможно оценить однозначно. С одной стороны, широкое вторжение прогрессивно-демократических тенденций в итальянскую духовную культуру указывало на огромную жизненность марксистских идей. Даже влиятельная в Италии буржуазно-либеральная мысль не могла полностью их игнорировать. С другой стороны, терпимое отношение прогрессивно-демократи-

ческого блока к немарксистским идеологическим течениям создало благоприятную почву для распространения эклектических тенденций. На коммунистическую партию легла огромная ответственность за сохранение чистоты марксистско-ленинской теории и за политику в отношении немарксистской интеллигенции, входящей в прогрессивный блок. Итальянские историки прогрессивно-демократической ориентации не были единодушны в решении теоретическо-методологических вопросов. Примечательным в этом отношении является опыт сотрудничества исследователей левой ориентации в журнале «Сочьета», первый номер которого вышел в 1945 г.

Журнал привлекал к себе внимание прежде всего авторитетным составом сотрудников. В нем печатались Э. Серени, Д. Кантимори, Л. Джеймонат, Дж. Берти, а его редакторами были Р. Бьянки Бандинелли, Ч. Лупорини, Г. Манакорда, К. Мушетта. Из программного заявления редакции вытекало, что учредители журнала придерживаются марксистской ориентации. В оценке фашизма они решительно высказывались против крочеанской интерпретации, рассматривая фашизм как порождение типичного современного капиталистического общества²⁶⁴. Журнал «Сочьета» внес большой вклад в пропаганду марксистских идей. Благодаря ему широкий круг читателей получил возможность познакомиться с концепцией Грамши и Тольятти истории Рисорджименто, с ранними работами Тольятти (например, в 1952 г. в журнале была перепечатана его статья «К вопросу о фашизме»). Журнал участвовал в дискуссии о значимости идейно-теоретического наследия Грамши, выступал против нападок Р. Ромео и других буржуазных исследователей на концепцию Рисорджименто Грамши, призывал к преобразованию общества на путях «прогрессивной демократии», к глубокому обновлению итальянской культуры, ее приближению к народным массам. Однако для последовательной реализации этих устремлений одних благих намерений было недостаточно. Исходной базой для многих авторов являлся идеализм. Для одних этот «грех» молодости прошел бесследно, для других он остался принципиальной позицией. Этим объяснялась непоследовательность и противоречивость исследований авторов «Сочьета».

Во второй половине 50-х гг. между ИКП и редакцией «Сочьета» проявились разногласия. Редакция не согласилась с оценкой руководством компартии романа В. Пратолини «Метелло» (1954)²⁶⁵. Думается, что истинной причиной расхождения являлось противопоставление редакцией журнала теории и политики, понятий «быть марксистом» и «быть коммунистом». Оспаривая подобный подход, Дж. Берти писал на страницах журнала, что марксизм — это партия, но справедливо также утверждение, что партия — это марксизм. Без восприятия и глубокого усвоения марксизма-ленинизма не существует и не может быть убежденных коммунистов, как и сознательных групп коммунистов²⁶⁶.

Некоторые буржуазные авторы считают, что опыт журнала символизирует несогласие группы интеллигенции с линией ИКП. Историк-марксист М. Чилиберто не разделяет это мнение, указывая, что хотя это и не был идеальный эксперимент, в нем объединилось множество усилий, энергий, течений, тенденций с целью преодоления кризисных явлений в культуре. Опыт с журналом «Сочьета» представлял «в истории интеллектуальных групп элемент исключительной новизны»²⁶⁷.

Об особенностях становления прогрессивно-демократической историографии в послевоенное десятилетие дает представление обращение группы молодых исследователей и известного историка, члена ИКП Делио Кантимори в журнал «Мовименто операйо» в 1956 г. Л. Тассинари, А. Дзанардо, Р. Де Феличе, П. Мелограни заявили, что они представляют группу молодых ученых, проходящих стажировку в неаполитанском институте истории, и хотя их научные интересы не связаны с историей рабочего движения, они внимательно следят за разработкой проблем, осуществляемых журналом, ощущают свою близость к его идеологической ориентации. В самом обращении итальянских исследователей к истории рабочего и крестьянского движения ученые видели результат движения по пути демократического развития страны, возрастания роли рабочего и крестьянского движения. Авторы письма подчеркнули важное значение распространения марксизма и идейно-теоретического наследия Грамши для политического и духовного обновления общества.

Советский историк В. С. Бондарчук, анализировавший работы Р. Де Феличе 50-х — начала 60-х гг. об

итальянском яacobизме, пришел к выводу, что в них концепция периода Рисорджименто опиралась на идеи Грамши²⁶⁸. Вместе с тем последующий сдвиг вправо теоретико-методологических позиций Р. Де Феличе и П. Мелограни не представляется столь уж неожиданным.

Авторы письма в редакцию «Мовименто операйо» обесценили свои предложения о проблематике исследований постановкой вопроса о преодолении марксистской методологии путем ее разбавления разновидностями буржуазного историзма. Под этим углом они рассматривали вопрос о научно-исследовательской школе. По их утверждению, роль школы ограничивается общим выбором темы исследования, методологический плюрализм в рамках одной школы они объявили важным условием эффективности ее научно-исследовательской деятельности²⁶⁹. Их поддержал Д. Кантимори, выступивший в этом же номере журнала в связи с критическими замечаниями относительно методологической направленности его исследований, которые прозвучали в статье А. Караччиоло, опубликованной в «Уните» 30 сентября 1965 г. Как исследователь Кантимори сформировался под влиянием идей Б. Кроче, А. Омодео и немецкого идеалистического историзма. В период фашистской диктатуры он перевел на итальянский язык «Капитал» К. Маркса, после падения режима начал сотрудничать в коммунистической печати. На конференции, посвященной памяти Кантимори, исследователь-коммунист Г. Манакорда вспоминал, что уже на третий день после освобождения Рима Кантимори подготовил список работ для прогрессивного издательства «Нуова Библиотека», в котором он возглавил отдел современной социальной мысли. Под его редакцией были изданы многие работы классиков марксизма-ленинизма. Одним из первых он начал читать в университете спецкурс о Манифесте Коммунистической партии. Манакорда напомнил, что среди ученых его возраста (44 года) Кантимори был единственным, кто вступил в компартию²⁷⁰.

Однако вступление Кантимори в ИКП не сопровождалось полным восприятием марксистского учения, писал историк-коммунист Э. Раджониери²⁷¹. Как ученый он не смог решительно отмежеваться от багажа идеалистических идей, не перешел целиком на позиции революционной идеологии, а свою методологию историчес-

ского исследования стремился основать на компромиссе между марксизмом и неогегельянским идеализмом и на использовании теоретических разработок М. Вебера, французской школы «Анналы». Представляется закономерным то, что в 1957 г. он не продлил свое членство в ИКП. Среди учеников Кантимори есть исследователи-марксисты (Э. Раджонери, Р. Дзангери, Ф. Делла Перута) и немарксисты (А. Саитта, М. Беренго, Р. Де Феличе).

Нападки на научный историзм со стороны исследователей прогрессивно-демократической ориентации не были изолированным явлением. Известный философ Н. Боббио на страницах «Контемпоранео» утверждал, будто итальянская культура, включая марксистскую, является замкнутой в себе, изолированной от ведущих современных немарксистских философских и социалистических течений²⁷². В ответе на эту статью философ-марксист В. Джерратана указывал на идеологическую опасность увлечения так называемой «новой» техникой исследования²⁷³. В ходе развернувшейся в середине 50-х гг. дискуссии по ключевым теоретико-методологическим проблемам происходило не только творческое развитие марксизма-ленинизма, некоторые исследователи марксистской ориентации предприняли атаку на целостность марксистско-ленинской теории²⁷⁴.

Пути итальянских исследователей, участвовавших в обновлении культуры, складывались по-разному. Одни из них — Э. Раджонери, П. Алатри, Р. Дзангери, Л. Виллари, Дж. Прокаччи, Э. Сантарелли, Г. Манакорда — достигли полного единства политических и марксистско-ленинских мировоззренческих позиций. Другие — Дж. Кароччи — остались на позициях марксистской ориентации, что накладывало сложный и противоречивый отпечаток на их идейно-политическую позицию и результаты научных исследований.

Применительно к итальянской историографии фашизма представляется возможным объединить в рамках понятия «прогрессивно-демократический» или «леводемократический блок» следующие историографические направления: марксистское, марксистской ориентации, левое буржуазно-демократическое, левое католическое. Общность их концептуальных и политических позиций связана с антифашистской, демократической, антиимпери-

алистической и антимонополистической ориентацией. Все они в большей или меньшей степени испытали на себе влияние марксистской методологии и марксистской концепции истории фашизма. Сотрудничество между ними осуществляется в разнообразных формах, но особенно следует отметить совместную научно-исследовательскую работу в Миланском институте истории освободительного движения в Италии, в институтах Грамши, Фельтринелли, Гобетти, Моранди и других, которых насчитывается несколько десятков, в университетских центрах, особенно в Милане, Флоренции, Болонье, Пизе, Падуе, в левых периодических изданиях.

Принципиальные проблемы развития итальянского капитализма с марксистских позиций исследованы в трудах видных ученых-коммунистов П. Грифоне, А. Пезенти и Э. Серени. По поручению компартии Грифоне работал экономистом в одном из центров фашистской государственно-капиталистической системы — в Исследовательском отделе ассоциации акционерных обществ. Передаваемые им в Заграничный центр Компартии ценные сведения об экономическом положении страны использовались в журнале «Ло Стато Операйо». После ареста в 1931 г. в ссылке он написал работу об экономических последствиях войны против Эфиопии, а 10 июня 1940 г., в день объявления о вступлении Италии в войну завершил фундаментальный труд «Финансовый капитал в Италии». Первое издание этой работы вышло в 1945 г.

Грифоне удалось доказать, что возникновение фашистского феномена связано с высоким уровнем организации итальянского капитализма, а не с его неразвитостью, как утверждают многие. Он проследил динамику отношений между группами банковского и промышленного капитала, указал на возрастание самостоятельности промышленных групп по отношению к банковским в годы первой мировой войны и усиление их влияния на политическую жизнь, установил связь между тенденцией к экспансии промышленного и банковского капитала и кризисом парламентской системы²⁷⁵.

А. Пезенти, получив в 1931 г. диплом юриста, продолжил образование за границей, где активно включился в антифашистскую борьбу. По возвращении в 1936 г. в Италию он был арестован и приговорен специальным

трибуналом к 24 годам тюрьмы. В тюрьме стал коммунистом. Как исследователь и профессор университетов в Парме, Пизе и Риме оказал огромное влияние на формирование марксистского направления в изучении политэкономии капитализма. Пезенти является автором ряда работ по этой теме²⁷⁶.

Итальянские марксисты отмечают огромное воздействие Э. Серени на формирование научного мировоззрения многих политических деятелей и ученых Италии в 30-е и последующие годы. Одна из его главных исследовательских тем — история крестьянского движения Италии, глубокое изучение которой нашло отражение в одной из основных его работ «Аграрный вопрос в Италии». Книга была завершена Э. Серени в начале 1943 г. в Ницце, где он вел подпольную работу в итальянских оккупационных войсках. В Италии она была издана в 1946 г., а в 1949 г. вышла в издательстве «Иностранная литература» на русском языке²⁷⁷. Серени не только проанализировал аграрные отношения, но и дал сжатый обзор эволюции социально-экономической структуры страны с конца XIX в. Итальянский капитализм, доказывал он, родился под знаком финансового капитала и развивался не в эпоху восходящего капитализма, а империализма, поэтому его внутренние и внешние противоречия были особенно остры. Фашисты пытались решить эти противоречия на внутреннем фронте с помощью политики уменьшения производственных затрат (снижая заработную плату), на внешнем фронте — ведя политику войн. Серени подчеркнул, что фашизм не решил проблемы рынка, не установил соответствие между экономической экспансией Италии и ее новым промышленным развитием. Попытки фашистов решить эти вопросы империалистическим путем привели к утрате Италией самостоятельной политики, национальной независимости²⁷⁸. Становление итальянского империализма и его особенности прослеживаются в книге З. П. Яхимовича «Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма» (М., 1986).

Большинство леводемократических авторов устанавливает тесную связь между фашистской властью и интересами крупного капитала. Такому подходу вполне отвечает книга «Хозяева пара и фашизм», написанная Э. Росси, одним из основателей организации «Справед-

ливость и Свобода». Он поставил целью своей работы «пролить свет на ответственность крупных промышленных и финансовых баронов за приход и консолидацию фашизма»²⁷⁹.

В. Фоа считает, что к вопросу о взаимоотношениях между капиталом и фашизмом необходим строго диалектический, а не механистический подход²⁸⁰. Не оспаривая этого суждения, исследователи вкладывают в него разный смысл. Ф. Вентури, например, утверждает, что экономическая политика фашизма отражала различные и подчас противоречивые идеологические постулаты и в конце концов привела к ослаблению экономики страны²⁸¹.

Тезис о задержке экономического развития Италии в период фашизма в связи с изоляцией страны от внешнего рынка выдвигает также Ф. Грассини²⁸². Ф. Каталано, напротив, утверждает, что экономические силы страны поддерживали Муссолини, поскольку были заинтересованы в сильном правительстве, активно использующем государственный механизм для решения экономических, финансовых и социальных проблем, создания благоприятных условий для обновления основных фондов и накопления капитала. Корпоративную систему он рассматривал в качестве механизма социального принуждения и защиты интересов предпринимателей²⁸³.

В первое послевоенное десятилетие прогрессивно-демократическая историография обращалась к изучению политической стратегии буржуазии в первой четверти XX в., причин установления фашистской диктатуры. Во многом это являлось реакцией на кроччанскую постановку вопроса о происхождении фашизма. Рассматривая фашизм как «моральную болезнь» общества, Кроче и его последователи противопоставляли как фашизму, так и послевоенному демократическому развитию страны идеалы либеральной Италии.

С марксистских позиций в идейно-политическом споре о происхождении фашизма выступил П. Алатри, который начиная с 1948 г. опубликовал на эту тему серию очерков, вышедших в 1956 г. отдельной книгой²⁸⁴. Алатри доказывал, что основными причинами политического кризиса явились несостоятельность государственной организации объединенной Италии и реакция старых правящих кругов, выразивших интересы буржуазии,

потесненной в результате изменения соотношения классовых сил. Оказавшись перед альтернативой — идти по пути удовлетворения требований пролетариата и других слоев трудящихся или вернуться к методам насилия и подавления, правящие буржуазные круги избрали второй путь. Их расчеты остаться хозяевами положения не оправдались. Они были вынуждены уступить руководство государственными делами новой группе, более динамичной, непосредственно выражающей устремления наиболее агрессивных кругов буржуазии²⁸⁵.

Именно правящий класс, называвший себя «либеральным» и «демократическим», содействовал развитию и распространению движения, которое при отсутствии такой поддержки представляло бы не большую опасность, чем любая послевоенная организация деклассированных элементов. «Какова бы ни была видимость, пресловутый «поход на Рим» в действительности был не насильственным государственным переворотом, а лишь простым переходом власти из рук прежних правителей в руки нового фашистского меньшинства, формально состоявшимся в рамках законности...»²⁸⁶ Основную причину, по которой аграрный, банковский и промышленный капитал решил изменить форму правления, Алатри видел в природе самой буржуазии (в основе своей консервативной, а иногда и открыто реакционной).

Либеральная форма государства в течение шестидесяти лет лучше всего способствовала развитию буржуазии. Но в связи с укреплением позиций пролетариата и социалистического движения итальянская буржуазия почувствовала, что не в состоянии сохранить свои привилегии и препятствовать изменению общественного строя, если она не откажется от прежней либеральной формы государства, при которой становилось все труднее проводить репрессии против рабочего класса.

О передаче власти фашизму и установлении реакционной диктатуры позаботился тот самый класс, заключил Алатри, который в течение стольких десятилетий управлял государством под флагом либерализма и конституционности²⁸⁷.

Левая католическая историография, несмотря на несовместимость религиозной и марксистской доктрин, имеет точки соприкосновения с марксистской историографией в оценке некоторых сторон истории фашизма.

В этой связи представляют интерес работы авторитетного католического исследователя Г. Де Роза, участника движения Сопротивления. В 1958 г. он опубликовал книгу «Джолитти и фашизм», затем «Антифашизм и Сопротивление», а также ряд работ по истории католического движения. Г. Де Роза рассматривает фашизм как реакционный антидемократический феномен. Он не связывал его происхождение со спецификой развития итальянского империализма. В этом проявляется слабость его методологических позиций. Характеризуя положительно буржуазно-парламентскую демократию, Г. Де Роза вместе с тем отмечает слабость политических институтов либерального государства в Италии. Корни фашизма он видит в распространении иррационалистических и националистических идей в буржуазном обществе и в авторитарно-волюнтаристских притязаниях мелкой и средней буржуазии. Сами по себе они не представляли существенной угрозы для либерального государства, пишет Де Роза. Итальянская буржуазия обратилась к фашизму в 1920 г. в связи с провалом политической стратегии Джолитти, которому не удалось обеспечить массовую поддержку либеральному режиму. Установление фашистской диктатуры, отметил Г. Де Роза, произошло благодаря той поддержке, которую оказали фашизму крупные буржуазные и аграрные силы, высшие военные и политические круги²⁸⁸.

После войны многие исследователи сосредоточили усилия на изучении идейных и политических предпосылок фашизма. Публикации антологий журналов «Леонардо», «Гермес», «Реньо», «Воче», «Лачерба» и других, выходивших в годы либерализма, вместе с изданием трудов Гобетти, Джованни Амендолы, Г. Сальвемини и биографических работ о них позволили создать широкую панораму духовного развития Италии на рубеже веков. Упомянутые журналы пропагандировали волюнтаризм, иррационализм, национализм и антидемократические идеи, которые стали ферментами фашистской идеологии. Огромный резонанс имели 4 цикла лекций по истории Италии, прочитанных в Риме, Милане, Турине и по Третьей программе государственной радиокomпании РАИ в 1959 — 1961 гг. Лекции были опубликованы отдельными изданиями²⁸⁹. В выступлениях приняли участие известные историки левodemократи-

ческой ориентации (Ф. Антоничелли, П. Алатри, Н. Боббио, Ф. Вентури, Р. Батталья, Л. Валиани, К. Бо, Э. Серени, А. Пезенти и др.), а также видные политические деятели (коммунисты П. Тольятти, П. Секкья, Дж. Пайетта, социалисты А. Пертини, Л. Бассо, республиканец У. Ла Мальфа и др.).

Л. Бассо прямо указал на ответственность Преццоллини, Папини, Кроче, Коррадини, редактировавших перечисленные выше журналы, за создание духовных предпосылок фашизма. Выступивший на дискуссии Преццоллини пытался снять с себя обвинения. Его, по существу, поддержал Н. Боббио. «Причина, по которой никогда не была создана фашистская философия, заключалась в том, что университетские философы искали ее там, где никогда бы и не смогли найти: фашизм своими идеологическими корнями не был связан с идеализмом, реализмом, неотомизмом, неогегельянством. В том, что касается его идеологии, он был обыкновенным иррационализмом в его самой вульгарной форме «разрушения» разума, ставя с ног на голову великую рационалистическую традицию европейской мысли начала века»²⁹⁰. «Истинными и бессознательными интерпретаторами фашистской идеологии были неистовые и фанатичные толпы», — заключил Н. Боббио²⁹¹.

На конференции, состоявшейся в 1983 г. в Ливорно на тему «Тенденции итальянской философии в фашистский период», Э. Гарин (Гарэн) выделил один из важных итогов обсуждений — отказ от схемы, согласно которой фашизм идентифицируется с идеализмом²⁹². Этим заявлением известный прогрессивный философ стремился подчеркнуть эклектичность фашистской идеологии, ее связь с различными буржуазными философскими системами. Его работы, так же как и исследования Н. Аббьяно, Р. Колапиетра, имеют важное значение для установления генетической связи фашизма с буржуазной духовной культурой. О становлении антифашистской культуры в период диктатуры Муссолини на конференции прочли лекционные циклы Ф. Вентури, К. Бо, У. Сегре, П. Грасси.

В левой демократической историографии была продолжена дискуссия относительно позиции рабочего класса и его партий в период наступления фашизма. В миланском цикле Л. Бассо упрекнул лидеров движения

в том, что они не смогли предложить средним слоям и крестьянам платформу глубокого и демократического обновления²⁹³. В книге ренегата коммунистического движения А. Таска «Возникновение и победа фашизма» (1951) приход Муссолини к власти отождествляется с поражением социалистического движения, вина за которое возлагается на коммунистов. Таска обвинил социалистов в том, что они не направили своих представителей в буржуазное правительство, открыв тем самым дорогу реакции²⁹⁴.

В связи с мнением Л. Бассо и А. Таска в центре внимания оказался вопрос об Учредительном собрании. Представляется резонным замечание историка-коммуниста П. Сприано, который указал на опасность отождествления ситуаций после первой и второй мировых войн. Верно, пишет он, что после первой мировой войны в итальянском социалистическом движении не были разработаны «переходные цели», которые могли бы пробить брешь в буржуазной системе. Однако нельзя забывать о том, что перспектива Учредительного собрания выдвигалась реформистами в качестве альтернативы диктатуре пролетариата, революционной классовой борьбе и как таковая была отвергнута большинством социалистической партии и рабочими массами²⁹⁵. Видный деятель ИКП Р. Гриеко опроверг мнение о том, что революционеры не проявили интереса к Учредительному собранию. Однако в отличие от реформистов, указал Гриеко, они рассматривали борьбу за него как составную часть борьбы за социализм²⁹⁶.

Проблемы внешней политики итальянского фашизма не привлекали в этот период значительного внимания историков прогрессивно-демократического направления. Исключение составил, пожалуй, лишь исследователь-коммунист Р. Батталья, посвятивший этой теме книгу «Вторая мировая война», опубликованную издательством «Эдитори Риунити» в 1960 г. Батталья решительно выступил против распространенного в буржуазной историографии, и особенно в мемуарах бывших политических и военных деятелей фашистского режима, тезиса о виновности «только одного человека» — Муссолини — за вступление Италии в войну и поражение в ней. Батталья отметил общность экономических, политических и идеологических позиций фашистских режимов, их

заинтересованность в пределе мира, что, естественно, не означало полного совпадения позиций фашистских союзников и вело к их острому военно-политическому и экономическому соперничеству²⁹⁷.

Большое значение для воспитания новых поколений в антифашистском духе имели мемуарно-публицистические работы Р. Дзангранди, К. Бо, П. Алатри, Э. Роджерса и др., в которых авторы, используя личный опыт, исследовали причины ослепления фашистской пропагандой многих представителей своего поколения и последующего перехода значительной их части на позиции активной антифашистской борьбы. «Я уверен,— писал Э. Роджерс,— что в основе наших ошибок лежала идейная путаница. Она складывалась на силлогической основе того, что вбивалось нам тогда: фашизм — это революция; современная архитектура — революционная. Фашизм никогда не был революцией»,— заключил он²⁹⁸.

Дискуссия, развернувшаяся в итальянской историографии в 60 — 80-х гг. по ключевым проблемам истории фашизма, особенно в связи с публикацией многотомной биографии Муссолини Р. Де Феличе, выявила некоторые слабые места в прогрессивно-демократических исследованиях. «Весь парадокс заключается в том,— писал в 1970 г. Э. Раджониери,— что силы, которые внесли наибольший вклад в поражение фашизма, в формирование основных направлений исследований, силы, которые сейчас преобладают, сконцентрировали все внимание на проблемах происхождения фашистского движения и на распаде режима, а не изучают фашизм как классовую диктатуру и как реакционный массовый режим»²⁹⁹. Единственным исключением он назвал исследования Э. Сантарелли.

С тех пор многое сделано прогрессивно-демократическими исследователями, чтобы наверстать упущенное. Вышли содержательные работы по проблемам развития государственно-монополистического капитализма и государственных политических институтов в фашистском государстве (В. Фоа, Д. Прети, Дж. Мори, В. Кастроново, Л. Виллари, М. Тронти, Ф. Де Феличе), об организации труда, положении рабочего класса и других социальных слоев при фашизме (Ф. Каталано, Ф. Пьерони Бортолотти, М. Аддис Саба), о положении и позиции интеллектуальных групп (Э. Гарин, Л. Мангони,

Ф. Рачинаро, М. Исненги, Г. Тури), о разных аспектах фашистской внешней политики (Дж. Кароччи, Дж. Руми, Э. Коллотти), об идеологии фашизма и антифашизма (Э. Ронкони, Дж. Сантомассимо).

По ряду вопросов истории фашизма марксисты и левые буржуазно-демократические исследователи ведут совместную полемику против либерально-буржуазных и реакционных концепций. Примером тому является сборник статей «Фашизм и капитализм», вышедший в издательстве «Фельтринелли» в 1976 г. В нем приняли участие исследователи различных политических убеждений. Сборник стал аргументированным критическим ответом на «новую» концепцию истории фашизма. В нем подвергнуты резкой и обоснованной критике суждения Р. Де Феличе и сторонников его концепции по таким принципиальным вопросам, как взаимоотношения между либерализмом и фашизмом (этот раздел писал П. Алатри), идеология фашизма и его массовая база (Г. Куацца), позиция различных социальных сил в отношении фашизма (В. Кастроново), институты фашистского режима (Н. Транфалья), фашистская внешняя и военная политика (Дж. Роша), об общих и специфических проявлениях в фашистских режимах (Э. Коллотти и Дж. Кароччи). Редактор сборника Н. Транфалья изложил авторское кредо его участников, заключающееся в том, чтобы «вновь и со всей ясностью подтвердить исторический приговор фашизму»³⁰⁰.

Накопленный материал по истории Италии и зарубежных стран (здесь особенно выделяются исследования Э. Коллотти по истории Германии и нацизма) предоставил возможность рассмотреть обстоятельства кризиса и последующей эволюции политической системы капиталистических стран. Важное усилие в этом направлении предпринял Н. Транфалья. В качестве «рабочей гипотезы» он предложил рассмотреть кризис политической системы в Англии, Франции, Италии и Германии с конца XIX в. В Великобритании попытки преодоления кризиса гегемонии буржуазии осуществлялись на путях либерального реформизма накануне первой мировой войны. В Италии, считает Транфалья, либерально-реформистская линия Джолитти не получила закрепления соответствующей трансформацией государственных институтов³⁰¹. Историк-социалист Р. Виварелли

полагает, что политика Джолитти привела к реорганизации государственного управления на практике, но не была закреплена в законодательном порядке. Таким образом, трансформация политических институтов шла в Италии в том же направлении, что и в Великобритании, однако в момент кризиса представляла из себя крупную и неразвитую систему³⁰².

В прогрессивно-демократической литературе отмечается, что наряду с либеральным реформизмом в итальянских буржуазных кругах имела место тенденция решения политического кризиса на путях авторитарной реакции (Л. Е. Кертман и П. Ю. Рахшмир называют это направление в буржуазной политике «экстремистским вариантом консерватизма») ³⁰³. Эта сторона политики буржуазных кругов не получила достаточно полного освещения в итальянской литературе. Констатируя это, Э. Сантарелли указывает на некоторые пути исследования этой темы. Он предлагает сопоставить проявление авторитарных тенденций в Италии и странах Центральной и Юго-Восточной Европы, попытаться установить их связь с реакцией буржуазии на революционный процесс, выяснить роль Антанты как штаба контрреволюции³⁰⁴.

В последние годы все большее значение приобретает исследование специфических проявлений фашистского феномена. С этим связано большое количество публикаций по так называемой «локальной» тематике, т. е. о зарождении и распространении фашизма, его политике и антифашистской борьбе в разных географических районах Италии. Большинство исследователей левой демократической ориентации исходят из признания как специфического, так и общего в фашистских движениях и режимах. В этой связи Э. Сантарелли подчеркивает жизненность марксистского определения сущности фашизма, которое увязывает оба его элемента — «реакционный массовый режим» и «реакционную форму организации капиталистического господства»³⁰⁵. Историк-марксист приводит слова Тольятти, который считал, что «речь идет не о какой-то новой системе, а о капиталистической системе на ее высшей ступени — на ступени империализма»³⁰⁶.

Объем публикаций по истории итальянского фашизма настолько велик, что даже одно их перечисление займет немало места.

Исследование проблем истории фашизма продолжается. Как справедливо пишет Сантарелли, «счеты с фашизмом, с его наследством, со всем тем, что он представлял или представляет, не сведены или не были сведены со всей необходимой суровостью и ясностью»³⁰⁷. Чем дальше продвигается изучение истории фашизма в Италии, тем яснее, что подлинно научное исследование фашистского феномена возможно только на основе марксистской методологии. Однако эта истина не достигается сама собой, ее необходимо доказывать в острой борьбе с буржуазной историографией на каждом участке фронтального столкновения по проблемам истории фашизма.

Глава II

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ФАШИЗМА

Итальянские марксисты рассматривают фашизм как цельное явление, порожденное империалистической стадией капитализма, который в условиях общего кризиса ищет новые формы сохранения своего господства. Одной из основных предпосылок фашизма является монополизация экономики и, вследствие этого, образование наиболее реакционных фракций финансовой олигархии. «Нельзя познать, что такое фашизм, не познав империализма», — указывал П. Тольятти. Особенности империализма, продолжал он, «порождают тенденцию к реакционному преобразованию политических институтов буржуазии»¹.

В эпоху империализма происходит дальнейшая поляризация классовых сил и обостряется борьба между ними. «В этих классовых битвах, — писал Р. Гриеко, — развивалось политическое сознание рабочих, батраков, беднейших крестьян; были созданы и в Италии современные профессиональные организации; усилилось и окрепло широкое социалистическое рабочее движение. Все это углубило внутренние противоречия итальянского капитализма и побудило империалистов искать разрешения противоречий в экспансионистских войнах»². Именно правящие круги, отмечал Р. Гриеко, сфабриковали «учение» итальянского империализма «о пролетарской нации», об «империализме оборванцев», стремясь внедрить его в массовое сознание и втянуть массовые слои в орбиту империалистической политики³.

Наиболее восприимчивыми к националистической и империалистической идеологии оказались слои мелкой и средней буржуазии, что во многом определялось их неустойчивым положением в системе империализма. Растущая монополизация и возрастание силы пролетарского движения породили неуверенность промежуточных

слоев в завтрашнем дне. В мобилизации этих слоев П. Тольятти видел источник усиления буржуазии, позволяющий ей отказаться от демократических методов управления⁴.

Исследователи-марксисты учитывают также психологические и духовные факторы, способствовавшие восприятию различными социальными слоями империалистической, реакционно-националистической идеологии, идей реакционной буржуазной культуры, появление которых было обусловлено переходом капитализма в высшую стадию.

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФАШИЗМА

Ограниченность прогрессивного потенциала итальянского либерального государства по мнению, утвердившемуся в марксистской литературе, стала в конечном итоге одной из основных причин последующей победы фашизма. Не война породила фашизм, она потрясла основы либерального государства, обострила до предела классовые противоречия.

Напротив, Р. Ромео утверждал (его мнение поддержал Р. Де Феличе), что либеральное государство было «здоровым организмом», обладало прогрессивным потенциалом, и лишь первая мировая война, потрясая еще неустойчивую структуру итальянского общества, смогла привести в 1922 г. к поражению либерализма. Процесс объединения, писал он, привел к руководству страной самые передовые социальные и политические силы⁵. Р. Ромео недооценивал роль антилиберальных настроений в интеллектуальной и политической элите довоенного государства. Он также считал, что авангарду рабочих не удалось, организовав непролетарские слои, составить оппозицию либеральному государству. Итогом борьбы с политической реакцией в конце XIX в. стал приток новых сил, поддерживавших либеральное государство; часть социалистического движения по существу растворилась в массовой базе либеральной системы.

Таким образом, сделал вывод Р. Ромео, несмотря на принятие частью пролетариата социалистических идей, главной тенденцией было все большее поглощение либе-

ральным режимом социальных сил вплоть до чуждых и даже враждебных ему ранее. Он не разделял мнения о том, что сам путь вступления Италии в войну был показателем крушения либеральных устоев ⁶.

На протяжении целого века, полагал Ромео, в центре итальянской духовной жизни стояла идея нации. С приходом к власти фашистов она стала господствующей. История Италии эпохи Рисорджименто, по мнению Р. Ромео, может быть восстановлена только с учетом политической инициативы национального движения. Отношения между национальным движением XIX в. и национализмом XX в. не могут рассматриваться упрощенно, как неизбежный переход от первого ко второму, но нельзя и полностью отрицать связь между ними. Авторитарный национализм, указывал он, возникает на политической платформе в результате кризиса, вызванного войной ⁷.

Проблему образования единого национального государства Р. Ромео не связывал с развитием производительных сил и с классовыми интересами. Нет оснований для утверждения, считал исследователь, что в эпоху Рисорджименто в национальном масштабе действовали экономические силы, вызвавшие необходимость в объединении страны. Новое единое итальянское государство стало результатом деятельности интеллектуальной и политической элиты, поставившей целью сделать Италию полноправной страной современной Европы и опиравшейся только на те социальные слои, которые поддерживали данную политику. Поэтому расширение рынка Р. Ромео считал следствием нововведений в общественной структуре и в политических учреждениях, связанных с политическим объединением. «Экономическая идеология, которая действительно сопутствовала Рисорджименто, являлась в большей степени предвосхищением в умах интеллигентов и политических деятелей, прежде всего Кавура, будущих реальных потребностей, чем результатом давления конкретных интересов, уже существовавших в деловом мире», — заключает Р. Ромео ⁸. Точку зрения о том, что кризис политической системы либерального государства возник лишь в связи с вступлением Италии в мировую войну, разделяют и такие немарксистские исследователи, как Ф. Шабо, Р. Де Феличе, Б. Виджецци, Р. Виварелли.

С критикой идеализированного представления о либеральном политическом строе выступают марксисты и некоторые исследователи-немарксисты. Дж. Канделоро отмечает, что в период борьбы за воссоединение Италии в позиции буржуазных сил по отношению к политическим институтам прослеживалось два подхода — революционно-демократический и умеренный⁹. Незавершенность буржуазно-демократической революции (Рисорджименто) свидетельствовала о слабости революционно-демократического крыла буржуазии. Констатируя классовую ограниченность либеральных сил, возглавивших революционное движение, исследователи-марксисты указывают на положительное в целом воздействие итогов Рисорджименто на последующее развитие страны. Итальянская буржуазия утрачивала свою прогрессивную роль. Конец XIX в. ознаменовался появлением авторитарных тенденций в политической жизни Италии, вызванных социально-экономическим и идейно-политическим развитием итальянского капитализма. Достижение компромисса между крупными землевладельцами и торгово-промышленной буржуазией, приход к власти умеренно либеральной «правой» буржуазии (в 1861 г.) снизили прогрессивный потенциал политического режима в Италии. Несмотря на бурное развитие капитализма в Италии, ее средневековая раздробленность не была преодолена, еще более обострились противоречия между капиталистически развитым севером и полуфеодальным, сельскохозяйственным югом.

Исследователь-марксист П. Грифоне связывает особенности развития итальянского капитализма со слабыми источниками первоначального накопления капитала, отсутствием широкого внутреннего рынка, что было вызвано своеобразием отношений между севером и югом и недостатком сырья. В 60-70-х гг., указывает Грифоне, рост «современной» буржуазии замедлился, еще не образовались мощные финансовые группы, способные координировать действия буржуазии как класса и создать стабильный политический порядок. Основной капитал в этот период вкладывался в строительство железных дорог, жилья и в земельную собственность. Своеобразие обстановки заключалось в достаточно заметной финансовой роли государства, которое посредством гибкой политики перераспределяло значительную сумму внутрен-

них и внешних займов между наиболее влиятельными группами в железнодорожном строительстве, занятыми общественными и военными работами. С самого начала, подчеркивает исследователь, итальянская капиталистическая экономика развивалась в условиях государственного вмешательства и зависела от иностранного капитала. Он отмечает заметную роль банков, в первую очередь «Банка национале» и «Кредито мобильяре», выступавших в роли посредников между вкладчиками, кредиторами, иностранными банками, государством и финансовыми обществами; в последних им зачастую принадлежали контрольные пакеты акций. Среди иностранных кредиторов ведущая роль с 1861 по 1887 гг. принадлежала Французскому банку, а после кризиса 1887-1894 гг. — Немецкому. В эти и последующие годы итальянский капитализм продемонстрировал свою полную неспособность к самофинансированию¹⁰.

Р. Ромео отметил, что вплоть до 1880 г. происходил значительный рост доходов в аграрном секторе. Однако эти накопления расходовались на приобретение предметов роскоши и по существу не использовались в целях промышленного развития. Примеры капиталистической концентрации пока были единичными. Р. Ромео указал на значение государственной политики общественных работ. Медленное образование государственных накоплений было связано с существенными расходами государства на развитие сети железных дорог и других коммуникаций, морских перевозок, добывающей промышленности. Направляя капиталы на развитие инфраструктуры, государство создавало необходимые условия для последующей промышленной революции¹¹.

Р. Ромео считал аграрный кризис 1880—1896 гг. переломным моментом экономического развития Италии, поскольку он способствовал притоку капитала в индустрию. Приведенные им цифры показывают, что в период между 1881 и 1887 гг. объем производства пищевой промышленности возрос на 6 %, текстильной — на 36, металлургической — на 314, машиностроительной — на 85, химической — на 167%. Вплоть до банковского кризиса 1894 г. кредит предоставлялся шестью эмиссионными банками. Ромео утверждал, что несмотря на возрастание роли банков в финансировании промышленности, они были еще далеки от установления контроля

над ней. Он отметил возрастание политического влияния металлургического сектора на государственную власть Италии. Оно сыграло решающую роль в том, что в 1884 г. государство приняло решение о строительстве в Терни крупного современного металлургического предприятия. В результате этого производство стали возросло с 4 тыс. т в 1885 г. до 158 тыс. т в 1890 г. Были построены два крупных предприятия: «Ф. Този» в Леньяно (1882 г.) и «Бреда» в Милане (1886 г.), специализировавшихся на производстве локомотивов для железных дорог и гидротурбин. Перевод торгового флота на паровые двигатели сопровождался созданием судоходных компаний, крупнейшей из которых была «Навигацоне дженерале итальяна». Быстрыми темпами шел процесс концентрации текстильного производства.

Однако в целом в итальянской экономике этого периода быстрее развивались предприятия, связанные с личным или семейным капиталом, акционерные общества были чрезвычайно редки. По мнению Ромео, в начале 90-х гг. стала сказываться слабость финансовой организации и технической структуры итальянской экономики. Либеральный исследователь указал на важное значение таможенного тарифа 1887 г. для последующего развития итальянской экономики. Решающую роль в его введении сыграли наиболее современные и динамичные отрасли, прежде всего металлургическая и хлопкоперерабатывающая, а также крупные землевладельцы. Установление сельскохозяйственного протекционизма способствовало спасению в Поданской долине наиболее передовых центров итальянского сельского хозяйства, а вместе с тем и закреплению на юге отсталых полуфеодалных отношений. Однако, утверждал Ромео, итальянское сельское хозяйство не могло развиваться иным путем. Введение тарифа 1887 г. способствовало реорганизации рынка в пользу более развитой промышленности севера страны. Началась «таможенная война» с Францией, которая привела к разрыву традиционных финансовых связей между Францией и Италией, повлекла за собой банковский кризис в Италии. В период 1886—1896 гг. итальянская экономика переживала острый кризис¹².

Исследователь-марксист Алатри уточнил социально-политические последствия таможенного тарифа, который

стал практическим результатом союза между промышленниками севера и латифундистами юга. Тариф усугубил кризисное положение на юге и стал серьезным препятствием на пути демократического и гармоничного развития страны¹³. «Южная» проблема обострила классовую борьбу в Италии. Роль чисто промышленных групп в этом аграрно-индустриальном блоке, по мнению Дж. Мори, была пока довольно умеренной¹⁴. Важной предпосылкой индустриализации Италии, пишет исследователь-марксист М. Росси, была реорганизация банковской системы в 1893—1894 гг. Центром финансовой реконструкции стал основанный в 1893 г. «Банка д'Италия», контролировавший банковскую систему страны. Государственное вмешательство в финансовую систему возросло, хотя еще уступало тем размерам, которых оно достигло после 1936 г. Появились банки смешанного типа, предоставляющие торговые кредиты и вкладывающие капиталы в промышленность. Система смешанных банков основывалась на двух крупных комплексах, учрежденных в 1894 и 1895 гг.: «Банка коммерциале итальяна» и «Кредито итальяно». Оба банка финансировались германскими группами. В категорию смешанных перешли также основанные в 1880 г. «Банко ди Рома» и «Сочьета банкариа итальяна». Последний незадолго до вступления Италии в первую мировую войну трансформировался в «Банка итальяна ди сконто»¹⁵.

В итальянской историографии пока недостаточно полно исследован вопрос о размещении германского капитала в Италии. Дж. Мори отмечает важность его изучения для понимания процесса индустриализации в Италии и особенностей развития итальянского империализма. Германские капиталы, направляемые через смешанные банки «Кредито итальяно» на развитие итальянской промышленности группы «А» (производства средств производства), а также ввозимые из Германии для этих же целей машины и оборудование способствовали формированию в Италии мощных акционерных групп молодой и агрессивной промышленной буржуазии. Дж. Мори подчеркивает, что благодаря банкам «Кредито итальяно» и «Банка коммерциале» (а не национальным судостроительным, металлургическим, машиностроительным и другим группам) в Италии создавалась современная коксовая металлургия, быстро росли крупные гидроэнер-

гетические общества, образовывались новые кредитно-финансовые институты¹⁶. Их учреждение, полагает Мори, подтверждало справедливость ленинского вывода: «Финансовый капитал создал эпоху монополий. А монополии всюду несут с собой монополитические начала»¹⁷. Одной из причин вложения германских капиталов в итальянскую экономику Дж. Мори считает ограниченность колониальных владений Германии. Опыт индустриализации Италии вполне подтвердил точность другого ленинского вывода: «Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его»¹⁸.

Новые группы банковского и промышленного капитала становились олицетворением новой фазы капиталистического развития Италии. Формирование финансовой олигархии способствовало быстрому обновлению правящего блока, что, по мнению Дж. Мори, вызвало переход части интеллигенции на позиции националистической и империалистической буржуазии¹⁹. В 1876 г. главой правительства стал А. Депретис, а в 1887 г. его сменил Ф. Криспи. Лидеры «левой» буржуазной политической группировки начали осуществлять политику «трансформизма», целью которой было формирование новой политической системы в Италии. Стремясь обеспечить консолидацию всех господствующих сил, «левая» группировка усваивала авторитарную идеологию наиболее консервативной части буржуазии. Дж. Прокаччи указывает на усиление авторитарных устремлений Ф. Криспи. Заняв одновременно посты главы правительства и министров внутренних и иностранных дел, Криспи пытался подняться в политической жизни страны до уровня своего кумира германского канцлера Бисмарка. В этой связи Прокаччи пишет о повороте в авторитарном и «прусском» варианте, который был осуществлен Криспи²⁰.

После падения Ф. Криспи в связи с поражением итальянских войск в Северо-Восточной Африке в 1896 г. правительство возглавил А. Ди Рудини, а затем Л. Пеллу. Оба деятеля прославились реакционной политикой. Оценивая политику репрессий, проводимую правительством по отношению к классовым выступлениям трудящихся в 1898 г., левокатолический историк Г. Де Роза пишет, что она выявила «заболевание» правящего либерального класса авторитаризмом²¹. Исследователь-марк-

сист Г. Манакорда так охарактеризовал этот исторический период: «Отныне в центре политической борьбы между правительственными партиями оказывается дилемма: какую позицию занять по отношению к организованному рабочему движению. Классовая борьба вошла в парламент как компонент борьбы за власть. Не потому, что возникла альтернатива перехода власти к небуржуазным силам (даже социалисты об этом и отдаленно не помышляли), а потому, что перед правительственными партиями возникло два возможных варианта отношения к классовой борьбе. Выбор шел между реакцией и узаконением социализма в рамках конституционной монархии, что повлекло за собой такое же решение по отношению к организованному католическому движению»²².

Сторонником первого варианта был видный политический деятель С. Соннино. Дж. Канделоро указывает на его статью «Вернемся к Статуту», опубликованную 1 января 1897 г., в которой утверждалось, что для защиты либерального государства необходимо отказаться от парламентской системы, поскольку она узурпировала власть, принадлежащую короне в соответствии с конституцией²³.

Приверженцем второго варианта являлся Дж. Джолитти, с именем которого связан важный период предвоенного развития Италии — «эпоха Джолитти». Канделоро отмечает, что джолиттизм не привел к образованию стабильного блока социальных сил. Классовые противоречия удалось смягчить путем заключения все новых компромиссов, в которых консервативные тенденции преобладали над прогрессивными. В стране укреплялись антилиберальные, антидемократические и антиреформистские силы. Рождался национализм, развивалось католическое движение, возглавляемое умеренными клерикалами. С другой стороны, в рабочем движении усиливались революционные тенденции. В системе Джолитти, заключает Дж. Канделоро, коренилось глубокое — сначала скрытое, а затем явное — противоречие, приведшее накануне мировой войны к социальному кризису и к консервативному повороту²⁴. М. Росси подчеркнул, что джолиттизм осуществлял свою политическую линию на платформе все тех же авторитарных институтов буржуазного государства²⁵.

На «эпоху» Джолитти пришлось решающие годы индустриализации Италии. Новые банки «Кредито итальяно» и «Банка коммерциале» энергично стимулировали развитие электропромышленности, которая вышла на ведущие позиции в итальянской экономике. В 1884 г. было учреждено акционерное общество «Эдисон», являющееся одной из самых мощных групп итальянского финансового капитала. После того как государство выкупило в 1906 г. концессию на железные дороги у «Общества южных железных дорог» («Бастоджи»), последнее перевело свои капиталы в электропромышленность. В 1905 г. было основано «Адриатическое общество электричества» (САДЭ) с целью строительства электрических сооружений, а также контроля над производством и распределением электроэнергии. Его основателем и руководителем был Джузеппе Вольпи, получивший от фашистского правительства титул графа ди Мизурата и игравший весьма значительную роль в определении финансовой, колониальной и международной политики фашизма.

Последовательно усиливало свои позиции на юге Италии неаполитанское «Южное общество электричества» (СМЭ), основанное в 1899 г. Расширение производства электроэнергии вызвало значительный импорт, прежде всего из Германии, электротехнического оборудования. Накануне войны начала развиваться итальянская электромашиностроительная промышленность²⁶. Дж. Мори, исследовавший развитие электроэнергетики Италии, отмечает огромную зависимость этой отрасли от иностранного капитала: германского, швейцарского, бельгийского, французского и английского²⁷.

В металлургической промышленности в 1899 г. была образована компания «Эльба» с капиталом бельгийской группы и банка «Кредито итальяно». С 1903 г. она сотрудничала с компанией «Терни», основанной при содействии правительства в 1864 г. В 1905 г. группой «Терни — Эльба» была учреждена компания «Ильва». В 1906 г. Г. Фальк основал общество «Чугонолитейные и сталелитейные ломбардские заводы» («Фальк»). За время своего существования оно превратилось в одну из крупнейших монополистических групп. Итальянская металлургическая промышленность производила чугуна в 1895 г. — 9213 т, в 1913 г. — 426 755 т, стали в 1895 г. — 50 314 т, в 1913 г. — 933 500 т. Металлургическая промышленность

опиралась на государственные заказы. Ее продукция имела высокую стоимость и была еще недостаточно конкурентоспособной на внутреннем рынке по сравнению с продукцией немецких, французских и бельгийских картелей²⁸.

Значительно возросла экономическая эффективность машиностроительной промышленности. Среди групп частного финансового капитала выделялся крупный машиностроительный и судостроительный комплекс «Ансальдо», контроль над которым с 1903 г. осуществляла семья Перроне. В годы первой мировой войны «Ансальдо» удалось захватить позиции в металлургической промышленности. В тяжелом машиностроении крупнейшими были акционерные общества «Бреда», «Този», «Оффичине мекканике», в автомобильной промышленности — компании «Ланча», «Изотта-Фраскини», «Альфа». Главенствующие позиции занимало общество ФИАТ, возникшее в 1899 г. с капиталом 9 млн. лир. ФИАТ последовательно расширял поле своей деятельности в машиностроительной промышленности.

Крупнейшим трестом по производству и распределению газа было «Итальянское газовое общество» («Италгаз»), образованное в 1856 г. Под его контролем находились акционерные общества «Италкокк», «Общество по обработке каменного угля», «Общество по снабжению питьевой водой» и др. В 1872 г. семейством Пирелли было основано акционерное общество по производству резинотехнической продукции. Оно контролировало значительное число акционерных обществ в электротехнической и химической промышленности, имело широкую сеть иностранных филиалов. В добывающей и химической промышленности возрастало влияние основанной в 1888 г. компании «Монтекатини».

Дж. Канделоро приводит данные, свидетельствующие о том, что в период 1896—1914 гг. индустриальный подъем охватил преимущественно электрическую и металлообрабатывающую промышленность. Капитал промышленных компаний разместился в следующем соотношении: 20,72% приходилось на электропромышленность, 14,75 — на текстильную промышленность, 14,16 — на машиностроение (включая автомобилестроение), 12,62 — на пищевую промышленность, 11,24 — на металлургию, 9,66 — на химию, 5,48 — на горнодобываю-

щую промышленность, 11,37% — на остальные отрасли²⁹.

В целом за период с 1901 по 1913 г. объем промышленной продукции вырос на 87% (при среднеевропейском показателе 56%). Рост внешнеторгового оборота составил за этот период 118%. Р. Ромео приводит данные об изменении пропорций в акционерном капитале. В 1872 г. на долю банков приходилось 57% акционерного капитала, в 1913 г. — 13,2%, соответственно на долю транспортных обществ — 15,7 и 20,3%, на долю промышленных обществ — 25,5 и 66,5%³⁰. При этом Ромео не учитывал сращивания банковского и промышленного капитала. Смешанные банки «Кредито итальяно» и «Банка коммерциале», являвшиеся орудием германского капитала в Италии, контролировали пакет акций таких обществ, как судоходного «Навигацоне дженерале итальяна», металлургического «Терни», электроэнергетических «Эдисон» и САДЭ, судостроительного «Кантьери навали риунити».

Итак, накануне первой мировой войны главенствующие позиции в итальянской экономике занимали акционерные общества в энергетике, машиностроении и текстильной промышленности, характеризовавшиеся высокой степенью концентрации капитала и производства. Перегруппировка монополистических сил отразилась на внешнеполитическом курсе Италии. В 1914 г. националистический орган — газета «Идея национале», финансируемая обществом «Ансальдо», начала пропагандистскую кампанию против «германского» «Банка коммерциале» и его «слуги» Джолитти. В 1912—1914 гг. общество «Ансальдо» установило тесные связи с французскими банковско-промышленными группами и содействовало слиянию в декабре 1914 г. двух банков — «Сочьета банкариа итальяна» и «Сочьета итальяна ди кредито провинциале» — в новый «Банка итальяна ди сконто». В этой операции принял участие парижский «Банк Дрейфуса». Вскоре «Банка итальяна ди сконто» выдвинулся на ведущие позиции среди банковских учреждений в Италии наряду с «Банка коммерциале», «Банко ди Рома», «Кредито итальяно».

Дж. Мори указывает, что в стране сложились две противоборствующие банковско-промышленные группировки: антигерманская — во главе с «Ансальдо», «Бан-

ка итаальяна ди сконто» и электрическими обществами («Эдисон» и др.) и прогерманская — во главе с «Ильва», «Банка коммерциале» и «Кредито итаальяно». Лозунг «экономической независимости» от Германии выдвигался для обоснования вступления Италии в войну на стороне Антанты. Его популяризатором наряду с газетой «Идеа национале» выступала, как уже отмечалось, газета Муссолини «Пополо д'Италия», приобретенная на деньги общества «Эдисон», «Ансальдо», оружейных заводов «Пароди», союза сахарозаводчиков³¹.

Исследователь Э. Галли делла Лоджиа считает, что ведущие акционеры постепенно отходили от прогерманского курса. В июле 1916 г. в электрической промышленности было учреждено новое акционерное общество «Сочьета анонима национала пер импрезе елеттрике», которое скупило акции нюрнбергского общества «Континенталь Гезельшафт». Операция была осуществлена под эгидой «Банка итаальяна ди сконто»³².

Дж. Мори не без оснований полагает, что за разрывом Италией Тройственного союза и ее переходом на сторону Антанты, за вступлением Италии в первую мировую войну и определением основных направлений экспансии стояли интересы тех групп банковско-промышленного капитала, которые вышли на ведущие позиции накануне и в годы первой мировой войны³³.

Одним из важнейших итогов первой мировой войны стала возросшая концентрация производства и капиталов. Произошли изменения в расстановке сил финансово-монополистических групп. В. Кастроново пишет, что ограничение экспорта, беспрецедентный рост цен на сырье и топливо вынуждали крупные предприятия изыскивать новые источники, создавать новые горизонтальные союзы, осуществлять прямые формы вертикальной концентрации. Государственная администрация поощряла и стимулировала эти тенденции³⁴.

В связи с ограничением ввоза каменного угля в годы первой мировой войны быстрыми темпами развивалась электроэнергетика, основанная на использовании водных ресурсов. В 1908 г. мощность электростанций составляла 506,5 млн кВт·ч, к 1918 г. она почти утроилась, а в 1925 г. составила 9 млрд 450 млн кВт·ч. В 1915 г. в электрических компаниях было сосредото-

чено 10% капитала всех акционерных обществ, в 1926 г. — 15%. В годы первой мировой войны акционерное общество «Ильва» продолжало укреплять свои позиции в металлургии, кроме того, поглотило или подчинило себе ряд обществ по производству оружия и боеприпасов. Финансовой опорой «Ильва» по-прежнему оставался «Банка коммерциале». Новая руководящая группа «Ильва», сформированная в 1917 г. в составе М. Бонди, А. Лудзатто, Ч. Фера, изменила структуру общества, основав консорциум «Ильва-Альтифорни е Аччьярие д'Италия», в который вошли также «Пьомбино», «Феррьеро италиане», «Лигуре металлурджика», «Сидерурджика ди Савона». Общество «Эльба» сохранило свою автономию. Новому консорциуму не удалось установить контроль над металлургическим обществом «Терни».

Общество «Ансальдо» превосходило любое другое по объему и номенклатуре производства военных материалов. За годы войны оно произвело 10 тыс. орудий, 3 тыс. самолетов, более 1,5 тыс. авиационных двигателей, 96 военных судов, среди них 1 броненосец, 42 подводные лодки, огромное количество военного снаряжения. Скупив ряд шахт, гидроэлектростанций, предприятий по выплавке чугуна и стали, «Ансальдо» превратилось в вертикальный трест.

ФИАТ за годы войны переместился с тридцатого на третье место в иерархии итальянской индустрии. Он произвел в годы войны 70 тыс. автотранспортных средств (из которых 63 тыс. — для итальянских и союзнических вооруженных сил), 80% всех моторов итальянской авиации и значительное количество пулеметов. Его глава — Дж. Аньелли опирался на финансовую поддержку «Ансальдо» и «Ильва», в производстве самолетов сотрудничал с обществами «Капрони», «Макки», «Бреда».

В 1918 г. крупные металлургические и машиностроительные группы приступили к «штурму банков» для того, чтобы выйти из-под контроля последних.

«Ансальдо», подчинив себе «Банка италяна ди сконто», замахнулось на «Банка коммерциале», скупкой акций которого рассчитывало установить контроль над «Ильва» и «Терни» и проникнуть в ФИАТ. В свою очередь Аньелли вел аналогичную политику в отношении «Банка ди credito италяно». Общество «Ильва» стремилось захватить «Терни» и акционерное общество «Ба-

стоджи». В июне 1918 г. Ф. Нитти, который в качестве министра казначейства руководил итальянской экономикой, решил положить конец конфликту посредством заключения соглашения между четырьмя основными банками: «Банка коммерциале», «Кредито итальяно», «Банка итальяна ди сконто» и «Банка ди Рома». Соглашение предусматривало, что эти учреждения будут действовать согласованно при ведении различных финансовых операций в сфере общественных работ и в отношении наиболее важных промышленных групп. Действие соглашения распространялось на военный период. Ожесточенная борьба между крупнейшими финансово-монополистическими группами продолжалась. Разразившийся в 1921 г. кризис нанес жестокий удар обеим группам: «Ансальдо — Сконто» и «Ильва — Коммерциале»³⁵.

Послевоенный кризис разразился в Италии с некоторым запозданием по сравнению с Англией и Францией. Он сопровождался ростом инфляции в 1919 г. и особенно в 1920 г. Средний курс лиры, составлявший в июле 1919 г. 61,2 центезимо по отношению к курсу 1914 г., упал в январе 1920 г. до 36,9 центезимо, в июле этого же года — до 28,4 и в январе 1921 г. до 18,2 центезимо. В 1919 г. один английский фунт соответствовал 40 лирам, в конце 1920 г. — 100 лирам; за тот же период курс доллара поднялся с 13 до 20 лир. Девальвация лиры отразилась на ценах и заработной плате, однако повысилась конкурентоспособность некоторых предприятий, прежде всего текстильных, и улучшились их экспортные возможности.

Промышленный кризис поразил Италию в конце 1920 — начале 1921 г. Чистые инвестиции в акционерные общества снизились уже во второй половине 1920 г. на 6%, в первой половине 1921 г. — на 19%, а во второй половине того же года — на 79%. Это сокращение, отмечает Канделоро, в немалой степени было вызвано угрозой принятия закона об упорядочении акционерных бумаг. В 1921 г. по сравнению с 1920 г. число банкротств выросло на 177%, безработных в январе 1922 г. было 600 тыс. (в 1920 — 102 тыс.). Кризис по-разному сказался на положении финансово-монополистических групп. Сильно пострадали некоторые металлургические общества. Даже такой промышленный колосс, как «Иль-

ва», связанный с «Банка коммерциале» и «Кредито итальяно», был, по существу, сметен. Его акционерные общества — судостроительные, оружейные, электрические, горнодобывающие — были ликвидированы, а сам концерн «Ильва» разукрупнен банками-кредиторами, которые в июне 1922 г. передали его вместе с капиталом в 100 млн. лир акционерному обществу «Сочьета езерчици сидеруржичи». Конкурирующая с «Ильва» группа «Ансальдо», которая еще в марте 1920 г. вновь приняла попытку «штурма» «Банка коммерциале», также оказалась в тяжелом положении в связи с крахом (в 1921 г.) связанного с ней «Банка итальяна ди сконто». Группа «Терни» при поддержке «Банка коммерциале» и навязанного ей этим банком нового руководителя А. Боччардо смогла преодолеть кризис без больших потерь. Концерн «Терни» расширился за счет электрических и электрохимических обществ.

Легко преодолел кризис ФИАТ. Этот концерн смог в короткие сроки осуществить послевоенную реконверсию производства, закрыл производство продукции, не пользующейся спросом, и переориентировался в первую очередь на экспорт автомобилей, спрос на которые в целом ряде стран был устойчив. В 1922 г. ФИАТ поглотил ряд предприятий своего бывшего конкурента «Ансальдо». Мало пострадали от кризиса химическая, электрическая и текстильная отрасли.

Под нажимом крупных промышленников 9 июля 1921 г. правительство Джолитти провело закон, который устанавливал новый высокий протекционистский таможенный тариф. Вместе с занижением курса лиры и оплаты труда он открывал благоприятные возможности для экспорта. В 1922 г. доля Италии в европейском экспорте составила 5,3%, в мировом — 2,3%³⁶.

В период кризиса возросло государственное вмешательство в финансовую систему и промышленность страны. Важная роль в этом принадлежала государственному «Консорциуму по субсидированию промышленности». Он был учрежден в конце 1914 г. с целью поддержки военной индустрии. Его первоначальный капитал составлял 25 млн лир и был обеспечен банками «Банка д'Италия», «Банко ди Наполи», «Банко ди Сицилия». «Консорциум» обладал правами авансировать предприятия промышленности ценными бумагами и ску-

пять их вексели с помощью «Банка д'Италия». В 1920—1921 гг. его капитал вырос до 200 млн лир, а с учетом капитала связанного с ним финансового института «Касса депозити и престити» — до 408 млн лир.

В конце 1921 г. в связи с ухудшением экономического положения страны правительство И. Бономи временно приостановило действие законов Джолитти о налоге на сверхприбыли и об упорядочении акционерных бумаг, издало декрет о новом таможенном тарифе, приняло решение об обеспечении национальной промышленности сырьем за счет государства. Была усилена роль «Консорциума» в финансировании промышленности и общественных работ. Эти мероприятия содействовали преодолению промышленного кризиса.

В связи с крахом «Банка итальяна ди сконто» 24 ноября 1921 г. был создан консорциум в составе эмиссионных банков, «Банка ди кредито итальяно», «Банка коммерциале» и «Банко ди Рома». Последний взял на себя обязательство предоставить кредит «Банка итальяна ди сконто» в пределах до 600 млн лир. Но вскоре выяснилось, что банк нуждается в значительно большей сумме — порядка 2 млрд лир. Правительство Бономи решило отказаться от спасения банка, полагая, что усилия в этом направлении могли отразиться на эмиссионных институтах и на финансовом положении государства в целом. Вместе с тем оно опасалось, что объявление о крахе ведущего банка потрясет деловой мир страны. 28 декабря правительство приостановило деятельность банка и начало его ликвидацию путем переговоров с кредиторами. Дж. Канделоро считает, что современное состояние источников не позволяет точно ответить на вопрос: имелась ли возможность для спасения банка? Необходимо учитывать, подчеркивает исследователь, что «Банка коммерциале» и «Банка ди кредито итальяно» относились традиционно враждебно к группе «Ансальдо — Сконто», что «Банко ди Рома» сам оказался в затруднительном положении, из которого был выведен в 1923 г. лишь благодаря помощи правительства Муссолини, что спасение «Банка итальяна ди сконто» могло воспрепятствовать оздоровлению финансовой системы. В целом, полагает Дж. Канделоро, банковский кризис 1921—1922 гг. был менее острым, чем в 1893—1894 гг., но он стал предвестником глубокого кризиса 1929—1932 гг.,

который привел к ликвидации прежней системы финансирования промышленности, основанной преимущественно на «смешанных» банках, и вызвал необходимость государственного вмешательства в эту область. Банковский кризис и постепенная ликвидация «Банка итальяна ди sconto» имели политические последствия³⁷. По мнению Ф. Каталано, эти события вызвали усиление филофашистских настроений в банковско-промышленных кругах, недовольных нерешительностью правительства Бономи³⁸.

В целом финансовый капитал за годы первой мировой войны значительно усилил свои позиции. К 1921—1922 гг. произошла консолидация монополистических сил, осенью 1920 г. они отразили классовое наступление пролетариата, отвергли налоговый закон Джолитти, добились от правительства введения протекционистских таможенных тарифов и помощи государства в преодолении кризиса. Послевоенный финансово-экономический кризис привел к дальнейшей рационализации производственной структуры в результате разорения неконкурентных частных групп. Система финансирования промышленности с 1894—1895 гг. оставалась неизменной³⁹. Когда в октябре 1922 г. Муссолини сформировал правительство, экономический кризис был преодолен как в Италии, так и в большинстве ведущих капиталистических стран.

Исследования итальянских историков различных направлений вносят вклад в восстановление общей картины социально-экономического и политического развития Италии в либеральный период. Однако лишь историки-марксисты смогли научно обоснованно выделить этапы эволюции и основные признаки итальянского империализма. Следует отметить, что марксистский анализ особенностей формирования банковско-промышленного капитала в Италии, монополистической собственности, ее структуры и форм, монополистических союзов, а также изменений в расстановке монополистических групп и взаимодействия финансовой олигархии с политическими силами далеко не завершен. Особенно ощущается недостаток в обобщающих исследованиях основных признаков итальянского империализма на заре его становления и в годы фашизма, которые учитывали бы современное состояние источниковой базы.

Исследователи немарксистских историографических направлений часто абсолютизируют отдельные признаки империализма либо противопоставляют ленинской теории империализма различные немарксистские концепции. Как справедливо пишет Э. Галли делла Лоджиа, опыт многолетних идейно-политических споров об империализме показывает, что буржуазные идеологи если и признают существование империализма, то в качестве «политического» феномена⁴⁰. Например, Р. Де Феличе использует понятие «империализм» при характеристике внешней политики фашистской Италии, полностью выходящая его содержание. Империализм не только и не обязательно «аристократический и военный», но также «демократический, пацифистский, экономический и духовный» — такое содержание вкладывает Де Феличе в это понятие, — был для Муссолини «вечным и неизменным законом жизни»⁴¹. Де Феличе рассматривает «фашистский империализм» вне связи с монополистическим капиталом и не пытается определить место итальянского империализма в мировой капиталистической системе. Понятие «фашистский империализм» он использует для характеристики политики Муссолини. В редактируемой им «Истории Италии» Де Феличе полемизирует с исследователями, уделяющими, по его мнению, слишком много внимания экономическим силам общества. Он противопоставляет им свою точку зрения, согласно которой политические, экономические и социальные силы «существуют сами по себе», имеют «собственную автономию»⁴².

Подвергая резкой критике агрессивный внешнеполитический курс итальянского фашизма, левокатолический исследователь Дж. Руми называет его «империалистическим». Однако он оценивает итальянский империализм как аномальный, выдвинутый личной диктатурой, фашистской партией и ее влиятельными деятелями⁴³. Дж. Руми входит в миланскую группу исследователей, созданную в 60-х гг. для работы над темой «Исследование внешней политики и общественного мнения». Возглавляет группу Б. Виджецци, автор ряда работ по истории Италии либерального периода. Из известных историков к этой группе принадлежит также Э. Деклева.

В 1980 г. в журнале «Стория контемпоранеа» Б. Виджецци опубликовал аналитический обзор «Импе-

риализм и его роль в итальянской истории начала XX в.» Историк выносит решительный приговор так называемой «историографии империализма», к которой он причисляет работы авторов, полагающих, что политическая и социальная жизнь определяется экономическими законами. Суть его аргументации сводится к тому, что сторонники этой «типично идеологической» историографии переоценивают уровень экономического развития Италии, которая в начале XX в. оставалась, по его мнению, аграрной и лишь вступила на путь промышленных преобразований.

Сам Б. Виджецци настаивает на признании тесной связи внутренней и внешней политики страны. Что он под этим подразумевает, становится ясно из его подхода к оценке обстоятельств вступления Италии в первую мировую войну. В трактовке Виджецци это был эпизод борьбы исключительно между политическими силами — либералами и консерваторами. Вместе с тем он считает ошибочным мнение о формировании после ливийской войны двух противостоящих блоков, полагая, что существовал «плюрализм альтернатив». Этот вывод он пытается обосновать ссылкой на «автономное» националистическое движение, которое ему представляется «смесью традиционных и обновленческих мотивов», не связанных с определенными экономическими и политическими силами.

Нет никаких оснований, считает Виджецци, для утверждения о кризисе итальянской политической системы накануне первой мировой войны. Вступление Италии в войну было обусловлено немотивированностью решений итальянского правительства. Он исключает возможность воздействия банковских и промышленных кругов на выбор правительством решения в пользу войны и мира. В такой аграрной стране, как Италия, правительство, по его мнению, имело значительно большую автономию действий, чем в индустриальной. Два политических руководителя — Саландра и Соццино — сами избрали путь войны, поскольку стремились укрепить позиции Италии, завершить объединение нации и обеспечить ей почетное место среди великих держав. Только с момента вступления Италии в войну начался распад институтов либерального режима⁴⁴

Весьма непоследователен подход к изучению итальянского империализма и Дж. Кароччи. Он неудовлетворен преобладанием социально-экономических исследований над политическими, поскольку, по его словам, это наносит ущерб политической историографии. Казалось бы, Кароччи поднимает вопрос лишь о путях изучения империализма. Он считает, что политический метод позволяет проследить более короткий отрезок эволюции империализма и выявить его индивидуальные особенности. Однако на деле такая постановка вопроса ведет к отказу от диалектического метода исследования империализма. Проследим, в чем конкретно это проявляется. На первый взгляд, Кароччи разделяет марксистскую оценку империализма. Однако связь политики и экономики он представляет в искаженном виде. Дж. Кароччи полагает, что решение о вступлении Италии в первую мировую войну было принято фактически без участия влиятельных экономических сил. «Двумя мотивами руководствовалась Италия в ведении войны: демократический мотив освобождения оккупированных земель, обеспечение справедливости в мире и экспансионистский мотив распространения влияния. В ходе самой войны преобладал первый мотив, а после ее завершения — второй»⁴⁵.

Рецидив так называемой концепции «политического империализма» особенно проявляется в подходе Дж. Кароччи к оценке итальянского империализма в фашистский период. При фашизме, пишет историк, «экономическая база буржуазного общества оказывается подчиненной и контролируемой со стороны надстройки в целях радикального преодоления присущего либерализму водораздела между гражданским обществом и государством... при этом формируется военно-государственный капитализм»⁴⁶. Из этого заявления можно сделать несколько выводов. Во-первых, автор по существу отрицает диалектическую связь между базисом и надстройкой. Этим объясняется его оценка экономических мероприятий фашистского режима. Кароччи приводит факты о том, что фашизм не выражал интересов всех монополистических групп, что его экономическая политика, преследующая долгосрочные цели, вступала в противоречие с сиюминутными интересами отдельных групп финансовой олигархии. Однако он абсолютизирует эти

факты и приходит к выводу о полной независимости фашистского режима от финансового капитала. Во-вторых, известно, что исследователи-марксисты в 20-е гг. использовали применительно к итальянскому феномену термин «военно-государственный капитализм». К моменту написания работы Кароччи научные споры относительно понятийного аппарата, используемого при анализе империализма, в основном были преодолены, и обращение исследователя к этому определению представляется не случайным. «Фашистский империализм,— пишет он,— являлся такой моделью, экономическое содержание которой не удовлетворяло господствующие экономические группы. Единственная важная сила, реально заинтересованная в фашистском империализме,— это государство»⁴⁷. В этом, по мнению Дж. Кароччи, заключались причины «разрыва» между внешней политикой либерального и фашистского режимов. Таким образом, фашистский режим, независимый от финансовой олигархии, становился у Дж. Кароччи единственным проводником политики империализма. Эта позиция вполне логично подвела исследователя к использованию понятия «империалистическая» в отношении внешней политики государств, принадлежащих к различным социально-экономическим системам.

Хотелось бы остановиться еще на одном тезисе, выдвинутом Дж. Кароччи. Он указывает на стремление империализма осуществить «социальную интеграцию» внутри страны⁴⁸. Примерно такой же позиции придерживается другой леводемократический исследователь А. А. Мола, когда пишет, что империализм служил прежде всего консолидации власти внутри страны⁴⁹. Эту особенность политики империализма подчеркивал В. И. Ленин: «Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему массу не только средних, но и мельчайших капиталистов и хозяйчиков... все это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма»⁵⁰. «Империалистическая идеология проникает и в рабочий класс»,— указывал В. И. Ленин⁵¹. В работах Дж. Кароччи и А. А. Мола приведены яркие примеры проникновения империалистической идеологии в самые разнообразные

слои итальянского общества. Однако для этих исследователей остается в тени главное действующее лицо империализма, источник империалистической идеологии и политики — финансовый капитал.

В 1975 г. внимание исследователя-марксиста Дж. Мори привлекла опубликованная годом ранее на итальянском языке книга американского историка Р. Уэбстера «Итальянский промышленный империализм, 1908—1915»⁵². Для объяснения основных причин империалистической агрессивности некоторых стран, лишенных значительных материальных ресурсов, Уэбстер выстроил следующую цепочку: промышленное развитие ведет к нарушению равновесия, нарушение равновесия — к империализму, империализм — к завоеванию «жизненного пространства», а стремление к завоеванию «жизненного пространства» — к фашизму. По его мнению, все это звенья одной цепи, которые связали «систему Джолитти» с фашизмом. Альтернативу империализму он видит в мировой экономической интеграции. Если возникновение империализма он связывает с созданием тяжелой промышленности, то его характерной чертой он считает экономическую экспансию, которая присуща всем промышленным странам, ограниченным в территориальном пространстве и в возможностях самофинансирования⁵³.

Дж. Мори обратил внимание на ту особенность концепции Уэбстера, которая проявляется в его представлении об империализме как «политических отношениях». Подвергнув детальному разбору книгу американского ученого, Мори в первую очередь указал на то, что автор игнорирует связь между банковским и промышленным капиталом. Даже там, где Уэбстер касается позиций банкиров, он приходит к заключению об их абсолютной автономии по отношению к промышленным кругам. Если это так, отмечает Мори, то откуда промышленность черпала источники своего финансирования? Полемизируя с Уэбстером, исследователь-марксист указал на роль банковского капитала в осуществлении процесса индустриализации Италии, на сращивание банковского и промышленного капитала, конечным итогом которого явилось формирование финансовой олигархии. Образованием противоборствующих банковско-промышленных групп Мори объясняет столкновения в итальянском обществе и особенно в его пра-

вающих кругах по вопросу выбора внутренней и внешней политики. Экономическая экспансия, возрастание агрессивности, вступление в 1915 г. в борьбу за новый раздел мира и рынков — таковы были общие черты, из которых складывался образ реального итальянского империализма, заключает Дж. Мори⁵⁴.

Исследования марксистов свидетельствуют о том, что Италия практически одновременно с ведущими капиталистическими странами вступила на путь империализма. Творчески подходя к ленинской концепции империализма, итальянские марксисты доказали, что становление крупной итальянской промышленности в конце XIX в. происходило при прямом участии банковского капитала. Итальянская индустрия, пишет Э. Серени, родилась уже под знаком финансового капитала⁵⁵. Переход Италии к империализму происходил на рубеже веков. В. И. Ленин писал: «Для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века»⁵⁶.

В начале века и особенно в годы первой мировой войны формируются финансово-монополистические комплексы, все более проявляются формы и институты военно-государственного и государственно-монополистического регулирования⁵⁷. Со вступлением итальянского капитализма в империалистическую фазу еще более увеличились диспропорции социально-экономического развития, вызванные незавершенностью буржуазно-демократической революции. Ф. Каталано заостряет внимание на внутривнутриполитических последствиях империалистического развития Италии. Агрессия против Ливии в 1911г., пишет он, фактически означала, что «трансформистский» курс Джолитти себя исчерпал. Эта война привела в движение политические и социальные силы, которые Джолитти не мог больше контролировать⁵⁸.

В результате первой мировой войны, отмечает Э. Сантарелли, в Италии сформировался сильный плутократический слой, который по своему происхождению и природе был слабо связан с либеральной буржуазией старой закваски и массами мелкой и средней буржуазии. Его возникновение историк-марксист связывает с развитием монополистического капитализма⁵⁹. Значительно изменилась в ходе войны расстановка сил в самой правящей олигархии: были существенно ослаблены по-

зиции аграриев, которые все еще оспаривали свое право на больший вес в национальной жизни, благодаря взаимному проникновению капиталов потерял острый и драматический характер конфликт групп металлургической и текстильной промышленности. Трудности на мировом рынке, угроза девальвации лиры и финансового кризиса, а главное — подъем революционного движения в стране также способствовали сплочению позиций промышленных, финансовых и аграрных ассоциаций.

Рождение Конфиндустрии на основе предвоенной «Ассочязционе делла сочъета пер ацьони» было связано со стремлением олигархических групп координировать действия промышленного и банковского капиталов, повысить их роль в решении политических вопросов в стране. Конфиндустрия стала организацией классового сопротивления революционному движению. Образование классовой организации промышленного и финансового капитала послужило примером для аграриев. В мае 1919 г. был учрежден национальный аграрный секретариат, а год спустя — Всеобщая Конфедерация аграриев. Результаты выборов 1919 г. разочаровали аграриев, традиционные политические силы, на которые они делали ставку, находились в кризисе или были слишком тесно связаны с промышленным и банковским капиталом. С этого времени начался новый период реорганизации сил аграриев, не принимающих чужеродный парламент, тяготеющих к использованию методов открытой борьбы и насилия против демократических сил и организаций. Сантарелли приводит свидетельство одного крупного фашистского организатора о том, что в годы кризиса «крепкой, хорошо спланированной и эффективной» была экономическая Федерация аграрных консорциумов, созданная еще в 1892 г. В 1912 г. она включала 643 ассоциации с капиталом и фондами в 246 тыс. лир, расположенные преимущественно в северных и центральных районах, а в 1920 г. их насчитывалось уже 907 с капиталом в 1 млн 844 тыс. лир⁶⁰.

«Быстрая концентрация капитала, ускоренная картелизация, вмешательство государства в экономические процессы, вызванное стремлением привести их в соответствие с задачами и замыслами политики экспансии и агрессии, нарушили уже хрупкое равновесие итальянского общества», — писал историк-марксист Э. Рад-

жониери⁶¹. «Слабый империализм почти всегда бывает на деле претенциозным; однако это вовсе не означает, что слабый империализм является менее опасным. Напротив!» — подчеркнул он⁶².

Кризис либерального режима, считают итальянские марксисты, возник не только потому, что «низы не хотели жить по-старому». П. Алатри обоснованно указывает на изменение позиции «верхов» по отношению к либеральному режиму. «Либеральная форма государства — это та форма, которая более выгодна буржуазии с точки зрения ее классовых интересов, но последняя склонна отказаться от нее, когда эта форма становится неудобной или опасной, сплотившись под знаменем реакции и вручив свою судьбу фашизму»⁶³. Кризис либеральной политики «верхов» являлся следствием развития итальянского капитализма, глубоких изменений, произошедших в его базисе и политической системе в связи с переходом его к высшей стадии — империализму.

§ 2. ГЕНЕЗИС ФАШИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Возникновение и развитие итальянского империализма способствовали распространению доктрин националистического, расистского характера как сформировавшихся на итальянской почве, так и заимствованных из арсенала буржуазной духовной культуры других империалистических стран. «Указанные доктрины, — считает Дж. Канделоро, — обычно представляющие собой смесь традиционалистских, позднеромантических, позитивистских, иррационалистических и неоидеалистических элементов, нашли тогда благоприятную почву для своего развития в довольно обширных кругах мелкой буржуазии...»⁶⁴. Среди авторов таких разработок выделялись Г. Моска и В. Парето. Теория «политического класса» Моски и теория «циркулирующих элит» Парето были основаны на весьма разном практическом опыте и теоретических установках и приводили к различным выводам. Однако они носили одинаково антидемократический и антисоциалистический характер, ибо, согласно этим теориям, меньшинство является движущей силой истории, а идеология играет роль чисто политического орудия, т. е. в этих теориях идеология рас-

считалась исключительно как находящееся в руках господствующего меньшинства средство убеждения и мобилизации управляемых масс, пишет Дж. Канделоро⁶⁵.

На рубеже 1908 — 1911 гг., считает Ф. Каталано, в итальянском буржуазном обществе на смену механистическим и фаталистическим представлениям о медленной и постепенной эволюции человечества приходят иррационалистические, мистические и волюнтаристские идеи. В первом манифесте футуристов, опубликованном в 1909 г., утверждалось, что основными ценностями нового движения являются «любовь к опасности, привычка к силе и безрассудству... неутомимое, форсированное и агрессивное движение, рывок, бросок и удар»⁶⁶. По мнению исследователя, в 1908 г. итальянский национализм перешел от чисто идеологической к конкретной практической деятельности.

Итальянский национализм как политическая идеология возник на рубеже XIX и XX вв. «В основе национализма как идеологии,— отмечает П. Алатри,— лежит абстрактная концепция нации, рассматриваемой как некий абсолют, а не как единый диалектический организм...»⁶⁷ Национализм, продолжает Алатри, является «выразителем вполне определенных классовых интересов и литературно-политическим выражением не только экономических, но и психологических потребностей буржуазии». Речь идет о «полукультуре самых разношерстных направлений, которая приводит в восторг мелкую буржуазию, поддерживая в ней ее предрассудки о нравственном и политическом превосходстве, а также ее склонность к риторической трескотне»⁶⁸. Национализм можно рассматривать как движение мелкой и средней буржуазии, указывает Алатри. Однако он считает важным подчеркнуть его связь с крупным аграрным и особенно с крупным промышленным капиталом. Концепция национализма логически ведет к непримиримому противопоставлению национализма либерализму, демократии и социализму. Она включает в себя как следствие тезис о борьбе наций вместо тезиса о борьбе классов, тезис о различии между нациями богатыми и бедными, нациями капиталистическими и «пролетарскими» вместо социалистического тезиса о различии между классами и подводит теоретическую базу для оправдания самого непримиримого империализма⁶⁹.

Своим происхождением итальянский национализм обязан прежде всего Э. Коррадини, а также Л. Федерцони, Ф. Коппола, Р. Форджес-Давандзати, М. Маравилья. Разработка и распространение националистической идеологии осуществлялись через печатные органы «Конвито» (1895), «Марцокко» (1896), в котором сотрудничал Г. Д'Аннунцио, «Леонардо» (1903), «Реньо» (1903), «Идеа национале» (1911), а также массовые печатные органы «Коррьере делла сера», «Джорнале д'Италия», «Ресто дель Карлино», поскольку идейная позиция их сотрудников была близка направленности журнала «Воце». В 1910 г. была образована Итальянская националистическая ассоциация (ИНА), которая получала финансовую поддержку от монополистической группы Перроне и имела своих представителей в парламенте. Националистические идеи, пропагандируемые перечисленными выше печатными органами и ассоциацией, нашли отклик в кругах буржуазной интеллигенции, симпатии которой Джолитти так и не удалось завоевать, а также в довольно широких слоях мелкой и средней буржуазии⁷⁰.

В 1911 г. Э. Коррадини определил принципы национализма как «попытку переключить проблемы внутренней и национальной жизни на внешнюю политику»⁷¹. В документе, принятом ИНА в декабре 1912 г., указано, что целью любой политики является «укрепление позиций итальянской нации в мире»⁷². В связи с этим необходимо организовать и упорядочить внутреннюю жизнь страны. Формула «примата внешней политики» служила итальянским националистам в период, предшествовавший мировой войне. Идеолог националистов А. Рокко утверждал, что для внешней экспансии итальянской расы необходимо «национальное сознание и железная национальная дисциплина»⁷³.

Э. Сантарелли полагает, что главной причиной влияния национализма на итальянское общественное мнение, которое, впрочем, никогда не было им полностью завоевано, стала негативная реакция итальянцев как «левых», так и «правых» политических взглядов на либеральную политическую систему. Без этого, утверждает исследователь, националистическая программа никогда не смогла бы сделать первые шаги. Однако национализм, продолжает Э. Сантарелли, был не только фено-

меном общественного мнения, но и выражением импульса определенных экономических и социальных групп, стремившихся встать во главе итальянского общества. После первой «романтической» фазы времен «Конвито» Адольфо Де Бозис и «Реньо» Коррадини, национализм достаточно быстро достиг политической зрелости. Националисты по-новому определили политические задачи, стоящие перед итальянским государством и его правящими классами. Они призвали к осуществлению внешней политики престижных целей и экспансии, идеологическим обоснованием которой являлись мифы «четвертого Рима», о «перенаселении» страны и др. Эти устремления националистов находили поддержку в банковско-промышленных сферах⁷⁴.

Некоторые экономические требования националистов, указывает Дж. Кароччи, например о рационализации промышленного аппарата на основе интенсивного развития, разделяли леворадикальные круги буржуазии. Национализм стремился противопоставить эмпиризму в политике Джолитти органическую, глобальную концепцию промышленного развития, основанную на рационализации, концентрации и планировании производства, регулировании (сдерживании роста) заработной платы. Совершенно открыто национализм заявлял о своем стремлении расширить функции государства как инструмента принуждения для осуществления внутренней и внешней политики, обеспечить поддержку политического режима промежуточными классами⁷⁵. Доктрина «сильного государства», которая выдвигалась националистами, не была полностью оформлена. Однако некоторые ее черты просматривались, среди них — концепция «общности в нации», основанной на моральной солидарности и чувствах социального единства. В резолюции первого послевоенного съезда ИНА, состоявшегося в марте 1913 г., указывалось, что «принцип национальной солидарности включает в себе организацию нации; в нации, современном и передовом социальном организме, основными институтами социальной жизни являются не индивидуумы, а организованный коллектив; внутренняя дисциплина есть необходимое условие для существования и развития национального общества...»⁷⁶

Движущей силой националистической идеи объявлялась буржуазия, прежде всего промышленная; предпо-

лагалось обеспечить ее поддержку со стороны «анонимных, молчаливых и работающих масс, которые будут увеличивать богатства страны, не погружаясь в софистику и политические дискуссии»⁷⁷. Программные установки националистов можно представить в следующем виде: прославление продуктивной буржуазии, элитарность, апология автократии, войн, ненависть к социализму, экспансионизм, империализм, культ динамической силы, корпоративизм. Основные социально-экономические взгляды будущего «архитектора» фашистских законов националиста А. Рокко на корпоративизм проявились накануне первой мировой войны⁷⁸.

С целью привлечения на свою сторону рабочего класса и промежуточных слоев националисты использовали корпоративные мифы, которые были распространены в районах сельского хозяйства, в некоторых районах Северной Италии, а также в Венето, Пьемонте, Ломбардии, в Винченце, Биелле, Бергамо, на некоторых текстильных предприятиях. На учредительном съезде ИНА в декабре 1910 г. была разработана тактика националистов: действовать как авангард сильной и широкой группы давления на все правое крыло правящего либерального класса и даже на Джолитти. В этом сложном процессе, отмечает Э. Сантарелли, национализм выполнял свою функцию подготовки идейной и политической альтернативы. После войны ее переняли фашисты, которым национализм расчистил дорогу. Уже во взглядах Коррадини и в пропагандистской кампании органа националистов «Идеа национале» содержались те идеологические элементы, которые позже проявились в фашистской идеологии⁷⁹.

В годы первой мировой войны в общем хоре интервенционизма слились авторитаризм, экспансионизм, национализм, элитаризм, футуризм, д'аннунционизм, муссолинизм. «Это была матрица авторитарной, антидемократической власти, которую Муссолини использовал при организации собственной фашистской партии», — пишет Алатри⁸⁰. Сторонники «новой» концепции, акцентируя внимание на прошлых связях Муссолини с социалистическим движением, стремятся доказать, что генезис фашистской идеологии связан с «левыми, революционными» идеями. Первый том биографии Муссолини Р. Де Феличе назвал «Муссолини — революционер».

В той или иной форме этот вывод присутствует в работах Э. Джентиле, Н. Заппоне, М. Бернабеи, Дж. Бокка. В трудах П. Тольятти по существу содержится аргументированный ответ на подобную постановку вопроса о генезисе фашизма и его идеологии. «Что мы обнаруживаем, анализируя фашистскую идеологию? Всего понемногу. Эта идеология эклектична. Но крайний национализм — повсюду составная часть идеологии всех фашистских движений... Наряду с национализмом в этой идеологии есть и многочисленные заимствования из других идеологий. В частности, из социал-демократической сферы»⁸¹. Кроме того, Тольятти отметил наличие в фашистской идеологии «романтических» элементов раннего капитализма, а также некоторых элементов коммунистической идеологии — планирование и т. д. Отметив эклектичность фашистской идеологии, Тольятти считал необходимым подчеркнуть, что ее отдельные элементы несут различную функцию. Одна часть этой идеологии (национализм) служит непосредственно буржуазии, а другая выполняет роль связующего звена между буржуазией и массами. Тольятти предостерегал против искушения рассматривать фашистскую идеологию в качестве устоявшейся, законченной и однородной. Он указывал на зависимость определенных идеологических проявлений от целей, которые фашизм намеревался достичь в тот или иной момент⁸².

Обращение к «социалистическому прошлому» Муссолини позволяет лучше понять не только его личное движение к фашизму, но и проследить важные моменты генезиса фашистской идеологии и самого движения. В марксистской литературе факт влияния Муссолини на группу молодых революционно настроенных социалистов в период между 1912 — 1914 гг. не оспаривается. Однако вызывает возражения суждение о якобы «революционных» и «социалистических» убеждениях Муссолини, о его влиянии на формирование революционного течения в итальянском социалистическом движении накануне первой мировой войны. Прогрессивно-демократические исследователи категорически оспаривают вывод Де Феличе о том, что благодаря усилиям Муссолини в Италии выросло движение за обновление социализма. Р. Виварелли считает, что этим выводом Де Феличе стремится перечеркнуть существующую концепцию исто-

рии социалистического движения в Италии⁸³. Г. Манакорда отмечает, что, обладая политическим чутьем, способностью улавливать ход событий, Муссолини увлек своей демагогией часть социалистов, стремившихся к обновлению ИСП, выступавших против социал-реформизма, буржуазного демократизма и парламентаризма⁸⁴. Внутренняя слабость революционного течения, по словам Дж. Канделоро, обуславливалась различием составляющих его групп и отсутствием теоретических установок, учитывающих социально-политические сдвиги, которые произошли в предвоенные годы как в Италии, так и во всем капиталистическом мире⁸⁵.

В этой обстановке Муссолини полностью реализовал свои способности «ловить рыбу в мутной воде». На съезде ИСП в 1912 г., учитывая подавляющие антиреформистские настроения, он с беспощадной критикой обрушился на уже повергнутых вождей реформизма Бонони и Биссолати и добился их исключения из партии. Избранное на съезде руководство партии состояло из тех, кто примыкал к революционной фракции «непримиримых», включая Муссолини. Мало кто обращал внимание в тот период на то, что борьбу против реформистов в социалистической партии Муссолини вел с сорелевских позиций. Изменения произошли также в редакции газеты «Аванти!». После ряда попыток найти нового редактора руководство партии назначило на это место Муссолини, который придал газете резко революционный тон, дав полную волю своим наклонностям трибуна и агитатора⁸⁶. Его статьи были рассчитаны на то, чтобы сыграть на сильном недовольстве масс, разочарованных многолетней осторожностью реформистов. Эти статьи подняли популярность газеты, позволили Муссолини проявить себя в качестве нового руководителя социалистического и революционного движения, которого до этого времени, казалось, не хватало итальянскому социализму⁸⁷. Обладая несомненными задатками журналиста и организатора, он сделал газету местом встречи представителей социалистических течений, объединенных общей неприязнью к реформизму, буржуазному демократизму и парламентаризму. Однако революционная фракция была не в состоянии предложить партии конкретную (а не носящую чисто словесный и агитационный характер) альтернативу ре-

формистским установкам. В итальянской историографии существует мнение о том, что экстремистская линия Муссолини на посту редактора «Аванти!» сузила рамки маневра социалистов, снизила эффективность их сотрудничества с другими демократическими силами при решении вопросов войны⁸⁸.

Понять причины выдвижения Муссолини на руководящий пост во многом помогает оценка А. Грамши обстановки, сложившейся в итальянском социалистическом движении в этот период, «благоприятствующей бонапартизму, при которой люди более или менее идейно убежденные могли добиться высших руководящих постов в результате внезапных маневров, личных эфемерных успехов, достигнутых на каком-либо съезде партии или в разгар рабочих выступлений. Никакой иной формы отбора не существовало именно потому, что не существовало устойчивых группировок, тесно связанных с городским пролетариатом, т. е. наиболее революционным отрядом трудящихся масс»⁸⁹.

Выдвижение Муссолини произошло в условиях нарастания революционных настроений и общей идейной слабости ИСП. В начале марта 1913 г. он добился поддержки руководством ИСП политической линии «Аванти!», несмотря на резкую оппозицию Серрати, занимавшего ведущее положение в революционном течении ИСП. И даже после забастовки в Милане в мае 1913 г., организованной революционными синдикалистами при участии Муссолини, вопреки позиции Всеобщей конфедерации трудящихся руководство ИСП по-прежнему поддерживало Муссолини на посту редактора. Р. Виварелли пишет, что Муссолини имел достаточно прочные позиции для того, чтобы выразить свое «политическое призвание не в местном, а в национальном масштабе, использовать высокий пост в партийной иерархии для формирования нового левого революционного течения»⁹⁰. В таком случае, чем объяснить внезапный переход Муссолини на позиции революционного, а Дж. Амендола считает псевдореволюционного, интервенционизма?

Ответ на этот вопрос дает обращение к особенностям формирования мировоззрения Муссолини. Э. Сантарелли установил, что на взгляды Муссолини влияли Маркс и Бакунин в 1903 г., Сорель, Парето, Каутский — в 1904, Ницше и Штирнер — в 1908, Бланки, Бергсон, Ориани —

в 1909, Коррадини — в 1913 г. На этом основании исследователь-марксист сделал вывод о том, что идейно-политические убеждения Муссолини были весьма далеки от марксистской философии как таковой, от теории организованного рабочего движения⁹¹. В работах Муссолини того периода, когда он участвовал в социалистическом движении, проявлялись теоретические положения, которые позже нашли отражение в «доктрине» фашизма. Это — идея масс, подчиненных воле вождей или элиты, «философия силы», миф о «решительном исцеляющем насилии», демагогия. В отношении демагогии Муссолини Б. Р. Лопухов заметил, что это явление очень сложное и многостороннее. «Демагогия, конечно, была. Но был и принцип, проистекавший из того толкования, которое получила у фашистов и прежде всего у самого Муссолини философия Уильяма Джемса»⁹². Отмечая это, советский историк предостерегал против смешивания философии одного из основателей прагматизма с той интерпретацией, которую она получила в фашистской программе. Фашисты воспользовались ее методологическими принципами, согласно которым истинно все, что отвечает практическому, успеху действия.

Взгляды на государство формировались у Муссолини под влиянием идеи Ницше «государство — это армия и бюрократия». Отсюда вытекала установка на захват государства, особенно проявившаяся в период «похода на Рим». Муссолини презирал массы, считал их «орудием для осуществления высочайших подвигов сверхчеловека»⁹³. Мотив классовой борьбы звучал в его работе, написанной в 1908 г., как «вопрос силы». Влияние иррациональных идей ощущалось все сильнее. Он ставил знак равенства между экономическим детерминизмом и историческим материализмом. В 1909 г. была опубликована статья Муссолини «Социальная эволюция и классовая борьба», в которой он подошел к идеям Маркса с прудонистских позиций⁹⁴.

Каталано категорически оспаривает утверждение Р. Де Феличе о том, что в критике итальянского реформизма Муссолини двигался в направлении «наиболее динамичного революционного социализма». Он пишет, что Муссолини никогда бы не пришел к социализму, поскольку отрицал все аспекты научного социализма, социализм представлялся ему смутным и туманным

мистицизмом, как антидемократическая доктрина силы ⁹⁵. Некоторые элементы марксистской идеологии повлияли на мировоззрение Муссолини, но он никогда не сформировался бы как марксист, пишет Манакорда, революционером он никогда не был ⁹⁶.

Беспощадную характеристику Муссолини дал в 1924 г. А. Грамши: «Он был тогда, — как и теперь, — концентрированным воплощением итальянского мелкого буржуа, полного ярости, жестокости, смесью всех отбросов, оставленных на национальной почве несколькими веками иноземного владычества и засилия попов; он не мог быть вождем пролетариата и стал диктатором буржуазии...» ⁹⁷ К этим чертам характера Муссолини Мегаро, Валиани, Сантарелли, Борджезе добавляют властный индивидуализм, неумеренное тщеславие, нетерпимость к другому авторитету, необузданное нетерпение, волю к власти, вызванную не социальными мотивами, а острым стремлением к немедленной власти над людьми, к которым он испытывал презрение, отсутствие твердых моральных принципов ⁹⁸. Муссолини стал проводником «идеологии отрицания: пособником иррационалистического активизма, творцом насилия и мифов, что было естественным средством каждой современной реакционной политики», — пишет авторитетный философ-социалист Н. Боббио ⁹⁹. До измены Муссолини делу ИСП в идейно-философской матрице его мировоззрения проявились неоидеалистический волюнтаризм, бланкизм, неоспиритуализм, неопозитивизм, прагматизм, релятивизм, идеи Ницше, основателя анархистского индивидуализма Штирнера, реакционного философа, пропагандировавшего «культ героев», Карлейля, Бергсона, Парето, Ренана, Ле Бона, Моска ¹⁰⁰. Влияние Ницше на Муссолини было настолько велико, что даже вызвало у него подражание музыкальным вкусам немецкого философа. Кроме концепции Ницше о функции личности и ее созидательной силе на Муссолини оказал влияние подход немецкого философа к вопросу о цивилизации, особенно его утверждение о том, что цивилизация создает прежде всего «стиль жизни» ¹⁰¹.

Перечень имен известных представителей буржуазной мысли, работы которых повлияли на формирование взглядов Муссолини, может создать впечатление о высоком уровне философской культуры Муссолини, которым

он, по оценкам современников, никогда не отличался. Дело заключается в том, что в период перехода Италии к империализму и кризиса либерального порядка идеи упомянутых буржуазных идеологов стали достоянием не только интеллектуальной элиты, они буквально витали в итальянском обществе, проникая в самые широкие его слои благодаря средствам массовой информации, публицистике, литературе, искусству, формируя новые нравы, интересы и психологию¹⁰².

Представляется вполне убедительным утверждение Г. Манакорда о том, что нельзя говорить об измене Муссолини своим идеалам в 1914 г., поскольку он никогда не был подлинным социалистом, глубоких изменений его убеждения не претерпевали из-за отсутствия таковых. Муссолини мог на время увлечь за собой социалистов-революционеров и стать знаменем борьбы против реформистов, однако в силу его личных качеств и мировоззренческих позиций его стремление возглавить социалистическое движение было обречено на неудачу. Будучи не в состоянии «удовлетворить свою бунтарскую и иррационалистическую настойчивость» в рамках ИСП, пишет Ф. Ливорси, Муссолини использовал благоприятный момент в связи с началом войны и переметнулся на сторону классового противника¹⁰³.

С переходом Муссолини на позиции интервенционизма началось формирование политического явления, которое итальянские исследователи называют «муссолинизмом». Это — «...идея политики, субъективно понимаемой как искусство, т. е. как личная интуиция, позволяющая угадывать подходящие обстоятельства, которые можно моделировать по воле политика, а объективно являющаяся простым применением силы или столкновением интересов и амбиций; сведение идей к мифам... т. е. к инструментам, пригодным для того, чтобы возбуждать страсти толпы, завоевывать ее доверие и толкать ее к действиям; презрение к массам; представление об истории как о цикле иерархий, аристократий, элит — энергичных и волевых меньшинств; возможность социальных революций, осуществляемых великими вождями, которые предстают как новые люди, не подвластные общим моральным нормам; пессимизм и скептическое отношение к гуманитарным, моральным и социальным ценностям...»¹⁰⁴

15 ноября 1914 г. вышел первый номер газеты «Пополо д'Италия», основанной Муссолини. В редакционной статье, которая была озаглавлена «Дерзаты!» и открыто призывала Италию к вступлению в войну на стороне Антанты, Муссолини изложил свое политическое кредо: «Скала — это масса, динамит — это воля. Динамит взрывает скалу. Вы применяете стальную и непреклонную волю против массы и вы ее раскалываете. Физические законы являются универсальными. Вы можете применить «рычаг» в отношении людей так же, как в отношении инертной неорганической материи. «Дайте мне точку опоры и я переверну мир», — это является верным и в отношении духовного мира. Надо найти точку опоры. В древних религиях эта точка опоры была найдена»¹⁰⁵. Сантарелли справедливо пишет, что публикация свидетельствовала о переходе Муссолини под знамена реакции¹⁰⁶.

24 ноября 1914 г. на собрании миланской секции социалистической партии Муссолини был исключен из ее рядов. Де Феличе утверждает, что и после исключения из ИСП Муссолини продолжал олицетворять «передовое революционное крыло итальянского социализма» вплоть до ноября 1920 г. Переход на интервенционистские позиции он связывает со стремлением Муссолини «обновить социализм»¹⁰⁷. Исследователи левого крыла итальянской историографии доказывают, что единственный и окончательный разрыв с социалистическим движением произошел у Муссолини в 1914 г. В революционном социализме, утверждает Л. Валиани, были авантюристы, но они хотели революции ради революции, а Муссолини стремился к революции ради захвата власти. Он был слишком нетерпелив, чтобы не сделать ставку на войну¹⁰⁸. Война, пишет Г. Манакорда, сильно повлияла на развитие итальянского социалистического движения. Многие социалисты, прежде поддерживавшие Муссолини, нашли себя в истинно революционном движении, безоговорочно приняли Великую Октябрьскую социалистическую революцию, вступили в Коммунистическую партию Италии, в то время как Муссолини остался за бортом революционного движения; возглавив «белую» (или «черную») гвардию реакционеров¹⁰⁹. Газета «Пополо д'Италия», финансируемая крупными промышленниками, стала местом встречи интервенционистов.

23 января 1915 г. в Милане состоялось собрание представителей различных автономных групп «революционного» интервенционизма. Был избран руководящий комитет движения, которое официально стало именоваться «Фаши революционного действия». В опубликованном заявлении о классовом «перемирии», которое было подписано Муссолини, синдикалистами А. Де Амбрисом, М. Рокка, М. Бьянки, республиканцем У. Командини, утверждалось, что для «дальнейшего утверждения наших («революционных». — В. М.) принципов, мы признали необходимыми объявление войны угнетающему милитаризму, который свил гнездо в центре Европы, и одновременно решение национальных вопросов на основе справедливости»¹¹⁰. Движение поставило целью достижение «национальных прав в наиболее справедливом европейском порядке» и др. В отличие от «революционных» интервенционистов, действительно веривших в «революционную войну», для Муссолини, пишет Сантарелли, этот термин был лишь удобным прикрытием перехода в нужный момент в противоположный лагерь¹¹¹.

Обнаруживается преемственность во взглядах Муссолини и националистов. Де Феличе отрицает связь между ними. По его мнению, Муссолини и фашисты находились в левом крыле итальянской политической жизни, в то время как национализм — в правом¹¹². Одни и те же финансовые и промышленные группы (например «Ансальдо») поддерживали националистов и фашистов. В Италии национализм стал идеологией авторитарно настроенной буржуазии. В недрах правящего класса выросло такое антилиберальное и антидемократическое движение, как фашизм. В этой связи Каталано указывает на сильные антидемократические, антилиберальные и антипарламентские тенденции, проявившиеся на страницах «Пополо д'Италия» уже в мае 1915 г.¹¹³ Сантарелли пишет, что категорию нации Муссолини рассматривал в империалистическом контексте. Еще до перехода на интервенционистские позиции он глумился над интернационалистическими традициями. В годы войны Муссолини порвал с «демократическим» интервенционизмом по вопросу о Далмации, встал на позиции «национального социализма» и получил поддержку генерального штаба и военной индустрии.

Особенно активно Муссолини разрабатывал концепцию империализма в 1919 г. в период работы Парижской мирной конференции. Сантарелли полагает, что формирование империалистических убеждений Муссолини завершилось в 1920 г. Выступая в Пола 24 сентября 1920 г., Муссолини поддержал претензии империалистических сил на итальянское господство в Адриатике, призывал к разрыву «несправедливых» версальских соглашений. Его речь была пронизана ненавистью к «варварским и низшим» славянским народам. Итальянскую экспансию на востоке и в бассейне Средиземного моря он обосновывал «перенаселением»¹¹⁴.

Линия преемственности между фашизмом и национализмом прослеживается также в их одинаково враждебном отношении к социалистической революции и пролетариату. «Национализм — антисоциалистичен, он отвергает теорию классовой борьбы, заменяя ее теорией борьбы между нациями за место под солнцем», — пишет советский исследователь Б. Р. Лопухов¹¹⁵. На социалистическую революцию в России Муссолини откликнулся интервенционистской статьей «Вперед, микадо!», содержащей нападки на революцию и ее вождей, а также призыв к Японии начать интервенцию против молодой республики.

Сантарелли рассматривает «национальный синдикализм» Муссолини как переходную, эмбриональную форму, предшествовавшую послевоенному фашистскому движению¹¹⁶. «Национальный синдикализм» Муссолини включал следующие исходные позиции: защита общей исторической функции промышленной, империалистической буржуазии, преодоление классовой борьбы и последующее примирение капитала и труда ради «наивысших интересов нации», установление «иерархии» в рамках производительных сил: «рабочий производитель» всегда подчиняется «буржуазному производителю». В сентябре 1916 г. Муссолини писал: «Я решил с нового года добавить к подзаголовку газеты слово «национальная», чтобы возвысить в глобальном смысле слова класс в нации, чтобы возвысить в гражданском смысле слова нацию в мире. Я не стремлюсь выстроить пилястры системы, но хочу обозначить направления наших завтрашних действий»¹¹⁷. Ко времени окончания мировой войны он установил прочные связи с крупным

капиталом, выдвинул идею «военного продуктивизма», начал пропагандировать идею «качественной войны», преобразовал газету «Пополо д'Италиа» в орган «фронтовиков и производителей».

В фашистской доктрине основополагающее место занимает постулат «нация», заимствованный у националистов. Вопрос о государственном устройстве в документах интервенционистских течений почти целиком подчинен проблеме «нации». Примечательной в этом отношении является политическая резолюция, одобренная конгрессом Итальянского синдикалистского союза в мае 1918 г. «Возвышение нации,— говорится в документе,— требует дисциплины и национальной сплоченности, в рамках которых должен быть установлен предел развитию классовой борьбы»¹¹⁸. Между идейно-политическими течениями, составлявшими интервенционистское движение, не было полного единства. Б. Р. Лопухов подчеркивает, что «объективная логика интервенционизма неотвратимо увлекала от утопических построений «социалистической войны» к реальности националистической идеи «Великой Италии»¹¹⁹.

На формирование фашистской идеологии повлияли и программные установки итальянского футуризма. Организованное футуристическое движение возникло в Италии в 1909 г. Идеология футуризма основывалась на политической концепции «будущего», которая была нацелена на модернизацию или слом надстроечных элементов, препятствующих развитию капитализма. В связи с этим, подчеркивает Э. Сантарелли, политические требования футуристов вписывались в русло борьбы за республику и против клерикализма, чем в немалой степени объяснялись симпатии молодежи к этому течению¹²⁰. Опубликованный в сентябре 1918 г. манифест-программа футуристической политической партии во имя «революционного национализма» нацеливал на реорганизацию государственных институтов с тем, чтобы очистить их от разбухшей бюрократической прослойки. Предусматривались возможность ликвидации представительных и законодательных буржуазных политических институтов, сосредоточение всей власти в руках технократической прослойки. Социальный раздел манифеста-программы содержал следующие прогрессивные требования: установление всеобщего и полного избиратель-

ного права, социализация земель, введение прогрессивного налога, свобода забастовок, собраний, организаций и печати, установление минимума зарплаты, восьмичасового рабочего дня, пенсии рабочим, секвестр двух третей военных прибылей, предоставление фронтовикам выкупленных земель.

В целом позиция футуристов в отношении институтов государства и в экономической области отвечала интересам той части буржуазии, которая стремилась к рационализации политической системы, ее подчинению интересам развивающейся итальянской промышленной буржуазии. Футуристы выдвигали требования индустриализации и модернизации городов, ослабления влияния конкурирующей иностранной промышленности, развития морского и речного торгового флота, ограничения эмиграции, национализации водных и сырьевых ресурсов, одним словом, «приведения в действие всех сил и богатств страны»¹²¹. Отдельные компоненты футуристической программы были поглощены фашистской идеологией и особенно проявились в фашистском искусстве, пропаганде, насаждаемом режимом образе жизни. В ноябре 1918 г. футуристы создали военизированную ассоциацию ардитов (смельчаков) Италии, с помощью которой рассчитывали установить связь с фронтовиками. Дж. Канделоро описывает первую агрессивную вылазку футуристов в миланском театре «Ла Скала» в январе 1919 г., которая привела к срыву выступления Биссолати по вопросам внешней политики. В политических выступлениях футуристического движения в 1919 г., отмечает Сантарелли, уже в полной мере проявились такие черты, как «динамизм», антидемократизм¹²².

Среди фронтовиков значительным влиянием пользовалась Националистическая ассоциация инвалидов войны, созданная в 1917 г. К концу войны она насчитывала около 50 тыс. человек. В опубликованном 4 ноября 1918 г. обращении ассоциации к народу содержался призыв к социально-экономическому и моральному обновлению Италии на основе общедемократической программы, основными требованиями которой были улучшение положения сельских трудящихся, мелкой и средней буржуазии (поскольку представители этих слоев воевали на фронте), преодоление разрыва в экономическом развитии севера и юга страны¹²³. Секции Националь-

ной ассоциации были созданы по всей стране, в июне 1919 г. в Риме состоялся ее первый съезд. Попытки фашистских делегатов, входивших в ассоциацию, склонить ее на путь насильственной борьбы против правительства, потерпели неудачу. Съезд расширил общедемократическую программу ассоциации следующими требованиями: пропорциональное избирательное право, упразднение сената, административная региональная децентрализация, раздробление латифундий, формирование сельскохозяйственных кооперативов. Вместе с тем съезд отклонил предложение о конституировании политической организации, ставящей целью национальное обновление. Раздираемая внутренними противоречиями Национальная ассоциация инвалидов войны стала добычей для политических сил, которые начали охоту за ее массовой базой; среди них наибольшую активность проявляли фашисты.

С целью организации собственной политической партии Муссолини предпринял ряд маневров. Летом 1918 г. издаваемая им на деньги группы Перроне газета «Пополо д'Италия» изменила подзаголовок «социалистический орган» на «орган фронтовиков и производителей». Дж. Канделоро отмечает, что идейная ориентация «Пополо д'Италия» была чрезвычайно близка направленности органа националистов «Идеа национале». В связи с окончанием войны группа Перроне прекратила финансирование газеты «Пополо д'Италия», которая вскоре стала издаваться на средства концернов Макса Бонди и «Ильва». Муссолини пытался провести учредительный съезд итальянских интервенционистов, но безуспешно. В январе — марте 1919 г. Муссолини рассчитывал на ослабление социалистического движения в результате обострения борьбы между реформистами и максималистами, однако и этим его планам не суждено было осуществиться¹²⁴.

§ 3. ФОРМИРОВАНИЕ ФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Происхождение фашизма в Италии сторонники «новой» концепции объясняют потрясением основных политических институтов, усилением социально-политической борьбы, сильнейшей политизацией масс, вызванных

первой мировой войной. «Восставшие» средние слои, составлявшие основу массовой базы фашистского движения, использовали благоприятный момент для прихода к власти. Бездеятельность господствующих политических и экономических сил, допустивших фашистов к власти, сторонники «новой» концепции связывали с их непониманием истинной природы фашизма¹²⁵. Такая точка зрения полностью игнорирует генетическую связь фашизма с монополистическим капиталом.

23 марта 1919 г. в маленьком зале на площади Сан-Сеполькро в присутствии примерно 300 собравшихся, включая зевак и журналистов, было объявлено о создании политической организации «Фаши ди комбаттименто» («Союзы борьбы»). Среди основателей движения были бывшие «революционные» интервенционисты, функционеры Итальянского союза труда, ардиты, фронтовики, республиканцы и социал-реформисты. Вплоть до 1921 г., когда было объявлено о преобразовании «Союзов» в политическую партию, в них входили представители самых различных движений и ассоциаций.

Желая доказать существование противоречий между фашизмом и национализмом, Де Феличе утверждает, что националисты враждебно отнеслись к образованию фашистской партии. Резонно ему возражая, Р. Виварелли отмечает, что разногласия касались лишь некоторых аспектов (экономических и политических пунктов) программы фашистов, оглашенной 23 марта 1919 г. Отдельные положения программы были опубликованы 13 апреля того же года в «Пополо д'Италия»¹²⁶, а полностью существенно переработанная программа фашистов была обнародована 6 июня 1919 г. В целом националисты дали положительную оценку программе «Сан-Сеполькро», приветствовали образование фашистской партии. Уже в 1919 г. националисты и фашисты выступили бок о бок против рабочего и демократического движения в Италии. В программе «Сан-Сеполькро» отмечалось, что она является «революционной», так как нацелена против «догматизма и демагогии», а также «новаторской», поскольку не является «предвзятой». Социально-политическими требованиями программы были установление всеобщего избирательного права, упразднение сената, созыв Национальной ассамб-

леи с целью выработки новой конституции, формирование специальных профсоюзных отраслевых советов с законодательными правами, установление минимума заработной платы и восьмичасового рабочего дня, снижение пенсионного возраста, национализация военного производства, введение прогрессивного налога на капитал, секвестр ценностей религиозных учреждений.

Важно отметить, что при первоначальном обсуждении документа он содержал требования о передаче необрабатываемых земель крестьянским кооперативам, введении протекционистских государственных мероприятий в судостроительной промышленности, торговом и рыболовном флоте. В окончательный текст они не были включены¹²⁷. Программа фашистских союзов перекликалась с некоторыми политическими требованиями прикнувших к ним течений и организаций. В связи с этим Дж. Канделоро отмечает, что она была «намного левее» намерений Муссолини¹²⁸. Сопоставление положений фашистской программы с требованиями анархо-синдикалистов и «революционных» интервенционистов показывает, что позиция фашистов находилась «правее», значительно ближе к позиции националистов. Поэтому представляется безосновательным заявление Муссолини о «революционном» характере выдвигаемых фашистами требований. Фашистская печать и сам Муссолини открыто выступали против подлинно революционного движения и его авангарда — Советской республики в России. Усилия Де Феличе и его последователей представить Муссолини как «революционера», находящегося на левом фланге итальянской политической жизни вплоть до 1920 г., когда Муссолини якобы «неожиданно» изменил свои взгляды, несостоятельны. Следует помнить, что при оценке деятелей социально-политических движений или партий необходимо исходить из классовой обусловленности их стремлений.

Первый съезд фашистских союзов состоялся в октябре 1919 г. накануне парламентских выборов, на нем были разработаны главным образом предвыборные программа и тактика. Предвыборная тактика была построена с таким расчетом, чтобы добиться выдвижения единых списков с участием кандидатов от ардитов, футуристов, фронтовиков, различных течений интервенцио-

нистов. Основные положения предвыборной программы включали требования о развертывании движения за экономическое освобождение и автономию рабочего класса, об упразднении цензуры, о солидарности с Д'Аннунцио. Тактика фашистов потерпела полный крах. На политических выборах, состоявшихся в ноябре 1919 г., фашисты не смогли пробиться в парламент. К концу года фашистские союзы насчитывали 31 организацию численностью 870 человек. Фашистское движение было одним из многих политических объединений, имевших близкую направленность.

С 24 по 25 мая 1920 г. в Милане состоялся второй съезд фашистских союзов, на котором почти наполовину обновился их руководящий состав. Новые члены руководства придерживались в основном правых политических позиций. Перед съездом фашистские союзы насчитывали в своих рядах 27,4 тыс. человек и 3,7 тысячи — в «студенческом авангарде» (к декабрю 1920 г. численность фашистской организации сократилась до 20,6 тыс. человек). Выступивший на съезде Муссолини в общих чертах определил ориентиры фашистского движения: «Мы не стоим на позициях реакции. Мы говорим массам, что не идем слишком далеко и не претендуем на такое преобразование общества в соответствии с модой, что оно станет неузнаваемым. Преобразования должны осуществляться с учетом исторических и психологических элементов нашей цивилизации. Мы не намерены противодействовать движению трудящихся масс, но стремимся разоблачать подлое надувательство, в результате которого в ущерб трудящимся массам в одну кучу сваливаются буржуазные, полубуржуазные и псевдобуржуазные слои, и все это делается под предлогом того, что трудящиеся являются строителями человечества. Мы не против пролетариата, но против социалистической партии до тех пор, пока она будет оставаться антиитальянской партией... Однако мы не можем идти против народа, поскольку именно он делал войну. Мы не можем относиться с антипатией к крестьянам, которые сегодня добиваются решения земельной проблемы. Они допускают крайности в своих действиях, но прошу вас считаться с тем, что основным нервом пехоты были крестьяне. Среди тех, кто делал войну, были крестьяне»¹²⁹.

Съезд снял лозунг об установлении республики. В отношении к буржуазным классам съезд исходил из того, что они еще содержат в себе «технические и моральные ценности», а «паразитических черт у них не более, чем у пролетариата». Основной целью фашизма объявлялось сближение «достоинств буржуазии и пролетариата». «Только сотрудничество между производительным пролетариатом и производительной буржуазией сможет вывести нашу цивилизацию на новые рубежи. Мы должны стремиться не к тому, чтобы потопить корабль буржуазии, а к тому, чтобы устранить с него паразитические элементы. Поэтому главной является организация борьбы против всех паразитических элементов: против социалистической партии, которая переполнена мерзкими попами, против бюрократической и чиновничьей буржуазии. Главная проблема сегодня — это реставрация»¹³⁰. Муссолини признал политическое и религиозное влияние Ватикана и призвал к сдержанности в отношении центра католицизма. Фашистский лидер Ч. Росси определил основные принципы программных документов фашистов таким образом: никаких сложных программ, никаких определенных критериев, только проблемные установки. «Для решения экономических, профсоюзных и политических проблем, которые интересуют национальную жизнь, мы должны использовать различные методы сообразно установке, вести борьбу на различных платформах, отмежеваться сегодня или объединиться завтра с самыми различными силами»¹³¹.

При разработке новой программы фашистского движения, принятой в мае 1920 г., в полной мере был использован принцип Джемса. Программа была рассчитана на незрелые в политическом отношении слои, не определившие точно своей позиции в противостоянии классовых сил послевоенной Италии. Основными задачами фашистского движения были защита завоеваний последней войны, борьба против социалистической идеологии и политики. Программа выдвинула обвинение «трудящейся буржуазии», являющейся «ценным и независимым элементом прогресса и величия нации», в политической пассивности. В отношении классовых боев трудящихся в ней было сказано, что фашистское движение находится в решительной оппозиции к тем из них, в которых демагогические спекуляции преоблада-

ют над экономической борьбой. В столь же неопределенной форме ставился вопрос о политическом режиме: «никаких предварительных условий — за или против современных институтов»¹³². Из социально-экономического раздела новой программы были изъяты положения об установлении минимальной зарплаты, о социальном обеспечении трудящихся и пенсионеров. Вопрос о повышении эффективности производства ставился таким образом: фашисты «объявляют о своем благоприятном отношении к любой из форм индивидуальной, коллективной или к любой иной деятельности, способной обеспечить эффективность производства и максимальное благосостояние»¹³³.

После высадки в Фиуме в сентябре 1919 г. Д'Аннунцио стал идиологом националистов. В конце сентября или в начале октября 1920 г. Муссолини получил от него предложение осуществить в Италии вооруженный переворот. Однако Муссолини, информированный К. Сфорца о предстоящем подписании Раппальского договора с Югославией об урегулировании территориальных проблем, в том числе проблемы Фиуме, отклонил предложение о перевороте. Дж. Канделоро объясняет это тем, что ближайшие планы фашистов имели иную направленность. Они были нацелены на внедрение фашистского движения в антисоциалистический блок правых и центристских политических сил и, при их прямой или косвенной поддержке, на развертывание активной борьбы против социалистов. В рамках этого плана предусматривалось поглощение фашистскими силами массовой базы движения Д'Аннунцио¹³⁴.

В этой связи небезынтересна переписка между Муссолини и Д'Аннунцио, опубликованная Р. Де Феличе, в которой даны оценка политической обстановки в Италии, некоторые аспекты стратегии и тактики фашистского движения, его отношение к институтам либерального государства. Муссолини исходил из того, что «старый порядок» в Италии полностью исчерпал свой ресурс. Он не верил в возможность революционных изменений и подтвердил свое враждебное отношение к ним. Муссолини был согласен с Д'Аннунцио в том, что для «оздоровления» Италии необходимы решительные меры, которые в принципе могли быть осуществлены на основе проекта, предложенного «команданте». Вместе с тем

переворот не должен *выглядеть* (выделено мной.— В. М.) реакционным (сравним с записью в проекте Д'Аннунцио: «...не может быть феноменом белой реакции»), для этого Муссолини предлагал выдвинуть республиканские требования. С целью нейтрализации народной партии Муссолини предложил гарантировать, что переворот не будет иметь антиклерикальной направленности и что интересы Ватикана как религиозного центра будут уважаться. «Я думаю,— писал далее Муссолини,— что католицизм может оказаться одной из наших наиболее значительных национальных сил в случае итальянской экспансии»¹³⁵. Муссолини считал, что для успеха переворота необходимо избежать всеобщей забастовки или других подобного рода массовых действий, попытаться разобщить лидеров массовых движений, чтобы дезорганизовать массы.

На поддержку каких социальных сил рассчитывал Муссолини? На университетскую и школьную молодежь, демобилизованных из армии, действующий офицерский корпус, младший командный состав и в целом на поддержку армии, фронтовиков и ардитов. По планам заговорщиков они должны были составить костяк гвардии новой республики. Переворот планировалось осуществить весной 1921 г. при благоприятном стечении обстоятельств внутривластного и международного характера. В проекте переворота Д'Аннунцио ощущалось его стремление сыграть на демократическом подъеме для того, чтобы придать «новому» государству видимость демократии. Проект Муссолини учитывал наметившийся в сентябре 1920 г. спад революционной волны в Италии.

При прямой и косвенной поддержке правительства правых и центристских партий осенью 1920 г. фашизм стал ударной силой в борьбе против социалистического движения, левых рабочих и крестьянских организаций. В период между осенью 1920 г. и весной 1921 г. фашистское насилие захлестнуло сельскохозяйственные районы Италии. Анализируя положение в фашистском движении этого периода, А. Грамши выделил в нем два течения: городское и сельское. Более открыто выступала «белая гвардия капитализма» — фашистские отряды в сельской местности¹³⁶. Выступление фашистов в едином блоке с либералами и демократами на парламентских выборах в мае 1921 г. обеспечило им в парламенте 35

мест. К 31 марта 1921 г. численность фашистской организации составляла 80,4 тыс. человек, к 31 мая — 187 тыс.¹³⁷

В дальнейшем идеологические установки фашизма находились в огромной зависимости от сложной маневренной линии фашистского руководства в парламенте, от острой политической борьбы в самом фашистском движении по стратегическим и тактическим вопросам. Однако это маневрирование ни в малейшей степени не давало основания для причисления фашистского движения к «левым». Это целиком относится и к аграрной программе 1921 г., пожалуй, наиболее «левому» документу фашистского движения, разработанному фашистами еще до прихода к власти. Формально аграрная программа соответствовала лозунгу «Землю тем, кто ее обрабатывает». Но она содержала и ряд оговорок: прежде «необходимо провести дороги, питьевую воду, построить оросительные системы, жилье, обеспечить безопасность сельскохозяйственных работ, выделить капиталы на освоение земель» и т. д. Если говорить о существовании дела, то программа ратовала за крупное частное земельное владение, переведенное на современную промышленную основу. Что касается наделения земель фронтовиков, безземельных крестьян, то программа ориентировала на решение этой проблемы преимущественно на путях колонизации. В целом она была нацелена на решительную борьбу против аграрной политики социалистов и коммунистов¹³⁸.

В центре политических дискуссий в фашистском движении стояли вопросы о пакте «умиротворения», о государственном устройстве (монархия или республика), о преобразовании «Союзов борьбы» в политическую партию. Муссолини использовал пакт «умиротворения» с социалистами исключительно с целью облегчения политических маневров в парламенте и включения фашизма в сферу правительственной политики. Пакт вызвал несогласие с позицией Муссолини в ряде местных фашистских организаций, возникли разногласия и в руководстве. В связи с этим 18 августа 1921 г. Муссолини объявил о своем выходе из Исполнительной комиссии фашистских «Союзов борьбы». Спустя 9 дней Национальный совет отклонил отставку Муссолини. Заключение пакта «умиротворения» не внесло существенных изменений в по-

ложение на местах, где фашисты продолжали нападки на левые силы и организации. Споры о государственном устройстве Италии были ослаблены после заявления фашистского руководства о том, что вопрос будет решаться в соответствии с «интересами нации».

Итог эволюции идейно-политической программы фашизма был подведен Третьим съездом фашистских союзов в ноябре 1921 г., на котором было решено конституировать Национальную фашистскую партию (НФП) и принять ее программу. Численность фашистской организации достигла к этому времени 310 тыс. человек. По мнению Дж. Канделоро, программа вполне доказала, что НФП является «правой» силой¹³⁹. С этим выводом нельзя не согласиться. Впервые в программном документе в развернутом виде декларировались основные положения фашистской концепции политического режима. В ее основу была положена националистическая версия этико-политических подходов к государству. Государство и его институты, отдельная личность и группы — все подчинено интересам нации. Государство является органом осуществления и реализации высших интересов нации. Нация — высший синтез всех материальных и нематериальных ценностей человеческого рода. В настоящий исторический момент, утверждалось в программе, «формой социальной организации, господствующей в мире, является национальная общность, а главным законом ее жизни... плодотворная конкуренция между различными национальными общностями»¹⁴⁰.

Неоднозначно ставился вопрос о государственном регулировании экономики. С одной стороны, фашистская партия объявляла о намерении ослабить регулируемую роль государства, довести ее до осуществления государством функции политического и юридического порядка. Однако, как отмечалось в программе, основные усилия государства должны быть направлены на избавление государственного баланса от непроизводительных затрат, связанных с разбухшим административным аппаратом, социальными расходами (мероприятия охватывали промышленность, сельское хозяйство, сухопутные и морские коммуникации, электроэнергетику, финансовую систему). Предполагалось передать в частный сектор убыточные для государства железные дороги,

почту, телеграф, телефон. В целом создавалось впечатление, что на данном этапе фашистская партия придерживалась либералистских рецептов экономического регулирования. В программе отвергались дорогостоящие, неэкономичные механизмы огосударствления, социализации, муниципализации, подчеркивалось, что «фашизм признает социальную функцию частной собственности, которая имеет свои права и свой долг»¹⁴¹.

Фашистская партия заявляла о готовности взять на себя обязанность по наведению общественного порядка: «упорядочить необузданную борьбу интересов различных слоев и классов», «закрепить забастовки в общественных службах», учредить арбитражные трибуналы. Роль регулятора отношений в рамках «национальной общности» отводилась корпорациям. Б. Р. Лопухов отмечает, что эта идея буквально витала в воздухе. Но если социалисты-реформисты видели в корпорациях возможность ограничения власти буржуазии, то фашисты вкладывали в это понятие иной смысл¹⁴². В программе были определены функции фашистских корпораций: выражение национальной солидарности и развитие производства. В целом в области социально-экономической политики фашистская партия предлагала курс, который в основном отвечал интересам господствующих классов, в первую очередь финансовой олигархии и латифундистов. Интересам массовой базы фашизма должны были отвечать ограниченные по своему содержанию мероприятия, включенные и в предшествующие программные документы. И среди них следующее положение: «Распространение мелкой собственности в тех зонах, где она себя оправдывает». На мероприятия антимонополистического и антилатифундистского содержания в программе не было даже намека¹⁴³.

Фашистская программа 1921 г. ясно свидетельствовала о том, что о переходе власти от одного класса к другому — по ленинской концепции это является «первым, главным, основным признаком революции» — не могло быть и речи. Фашистская программа была нацелена на изменение политического режима капиталистического государства. Конечно, было бы ошибочно утверждать, что в этих установках зеркально отразились институты будущего фашистского политического режима.

Глава III

ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА В ИТАЛИИ

Приход фашистов к власти не сопровождался изменением совокупности господствующих производственных отношений (базиса) и сменой политического господства крупного капитала. Фашистская Италия сохранила свое место в рамках политической системы капитализма, не изменились ни формы ее правления (монархия), ни формы государственного устройства (унитарная). Основные перемены коснулись функционального аспекта государства — политического режима, который определяет реальные позиции государственных институтов и нередко перестраивает государственные структуры. В этом смысле можно говорить о строительстве «нового» государства — фашистского. «Нового» в кавычках, поскольку речь идет о важных, но не типобразующих аспектах государства. Эту сторону необходимо выделить, поскольку в немарксистской историографии «новое» фашистское государство зачастую противопоставляется буржуазному государству как таковому. Наряду с этим вопросом идейно-политические споры в историографии фашизма касаются проблем классовой сущности фашистского режима, его массовой базы, экономической, социально-политической организации, а также отношений между монополиями и политической властью и особенностей эволюции итальянского империализма в годы фашизма.

§ 1. ФАШИСТСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ» ИЛИ БУРЖУАЗНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ?

Вопрос о составе массовой базы фашистского движения не вызывает особых дискуссий. Ее основой являлись городские и сельские средние слои, люмпен-проле-

тариат и другие деклассированные элементы, некоторая часть городского и сельского пролетариата¹. Острые споры возникают при определении роли средних слоев в установлении фашистской диктатуры, их места в фашистском режиме, а также классовой сущности фашистской власти.

Р. Де Феличе объясняет причины прихода фашистов к власти «усталостью духа итальянского народа»². Он указывает на существование в послевоенной Италии тенденции к решению кризисных проблем на пути тоталитаризма, упоминая при этом некие «правые» и «левые» модели. Исследователь относит итальянский фашизм к тоталитаризму «левого, якобинского толка», тесно связанному с левыми европейскими традициями и уходящему своими корнями во французскую буржуазно-демократическую революцию. «Правый» тоталитаризм он оставляет в тени, так и не прояснив его классовую сущность и социально-политическую функцию. Де Феличе как бы ненароком подводит читателя к выводу, что ответственность за послевоенное решение проблем в стране несли две ветви «левого тоталитаризма» — фашистская и социалистическая. Это позволяет ему обойти молчанием вопрос о роли правящих сил, промышленного и банковского капитала, аграриев в послевоенном кризисе³.

Вывод о «левом» характере итальянского фашизма всецело базируется на ошибочном представлении о самостоятельной роли мелкобуржуазных слоев в фашистском движении. Де Феличе утверждает, что в годы войны мелкобуржуазные слои стали «самостоятельной силой, классом, вклинившимся между пролетариатом и буржуазией», который намеревался «утвердить свою собственную роль, собственную культуру и собственную политическую власть против и буржуазии, и пролетариата»⁴. Из этого он делает вывод о том, что произошла «революция средних слоев», почувствовавших свою «самостоятельную» роль в период первой мировой войны.

Создается впечатление, что Де Феличе использует факт массового вовлечения в фашистское движение мелкобуржуазных слоев для оправдания собственного тезиса о его «революционном» характере.

Вопреки фактам Де Феличе отрицает решающую роль крупного капитала и аграриев, либерально-демократи-

ческой верхушки в передаче власти фашистам. Он допускает, что фашизм поддерживали в аграрных районах крупные землевладельцы, в городах — некоторая часть крупного капитала, однако это, якобы, не имело решающего значения. «В любом случае,— пишет он,— исключено, что крупные экономические силы намеревались привести фашизм к власти»⁵. Причины установления фашистской диктатуры он видит не в позиции крупной буржуазии и аграриев, а в массовой базе фашизма, сохранявшей свою «автономию». Этот же тезис использует П. Мелограни в своей книге «Промышленники и Муссолини», когда пишет, что накануне «похода на Рим» Конфиндустрія не была заинтересована в том, чтобы Муссолини возглавил правительство. После захвата власти фашистами промышленники «приспособились» к режиму⁶. Исследования прогрессивно-демократических историков опровергают эти выводы. Алатри отмечает неясное лицо «восставших средних слоев» в работах Де Феличе. Его не удовлетворяет уклончивый ответ Де Феличе о том, что речь идет «большей частью о мелких собственниках, лицах, которые во времена их отцов и дедов ничего не представляли в социальном плане, а в момент записи в фашистские отряды кое-что из себя представляли»⁷. Трудно дать более путаное и туманное объяснение, справедливо подчеркивает Алатри⁸. Уязвимость концептуальных установок Де Феличе проявляется прежде всего в том, что он не в состоянии дать ответ на вопрос, почему фашистское движение, ничем не проявившее себя в первые послевоенные годы, неожиданно вышло на первый план.

В недавних работах прогрессивных итальянских исследователей отмечается, что в ходе войны в Италии сформировался сильный плутократический слой, слабо связанный с либеральными политическими силами. Наблюдался процесс реорганизации сил аграриев, которые в связи с обнаружившимся в результате выборов 1919 г. кризисом традиционных политических сил стали проявлять враждебность к институтам либерального режима, начали тяготеть к использованию насильственных методов борьбы против демократических сил и организаций. Трудности на мировом рынке, угроза девальвации лиры и финансового кризиса, а главное — подъем революционного движения в стране способствовали

сближению позиций промышленных, финансовых и аграрных ассоциаций, созданию их классовых организаций.

Р. Гриеко указывает на огромное воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на выбор итальянской правящей буржуазией путей развития страны. Революция внушала ужас и страх господствующим классам. Р. Гриеко подчеркивает, что период с 1918 по 1922 гг. характеризовался столкновениями в буржуазно-консервативном блоке, политических партиях и группировках крупной и мелкой буржуазии⁹.

Заслуживает внимания попытка исследователя Дж. Майоне связать внутривластную ситуацию в Италии с международной обстановкой, особенно с местом страны в мировой капиталистической системе. Майоне утверждает, что в обострении экономического кризиса 1920 г. виноват национальный и международный крупный капитал, напуганный активизацией рабочего движения. Он указывает на несомненное взаимодействие итальянского и международного капитала в борьбе против трудящихся Италии. Внедрение в Италии новых форм организации труда по «системе Тейлора» повысило производительность труда. Это позволило более рационально использовать трудовые ресурсы. После ослабления экономического кризиса потребность в рабочей силе резко упала, что привело к увеличению числа свободных рабочих рук на рынке труда, снизило боевитость рабочих организаций. Число забастовок сократилось, они стали принимать преимущественно оборонительный и экономический характер. Лишь 27,77% всех забастовок достигали своей цели¹⁰.

В плане общего соотношения сил в стране особенно большое значение имела классовая борьба в сельскохозяйственных районах, главным образом в капиталистически развитых районах долины По и некоторых других областях. Именно в этих районах фашистское движение имело первоначально широкое распространение. Р. Де Феличе считает возникновение фашистских организаций в сельской местности стихийной реакцией на действия социалистов и коммунистов¹¹. Если это так, то почему «аграрный» фашизм наиболее широко распространялся в тех районах, где позиции революционных организаций были слабее? И почему это произо-

шло осенью 1920 г., в период снижения революционной активности масс?

Леводемократический исследователь Г. Куацца так отвечает на этот вопрос. В центре и на юге страны действия неимущих крестьян против старых аграрных контрактов, против роста цен были ослаблены правительственным декретом Визокки от 2 сентября 1919 г. Декрет предусматривал передачу земли крестьянским кооперативам сроком на четыре года. В некоторых случаях участки необрабатываемых или плохо обрабатываемых земель передавались им в постоянное пользование при условии выплаты прежним владельцам денежной компенсации. В октябре король Италии отказался от большей части своих земельных владений в пользу государства. В аграрных районах юга Италии рост безработицы был незначительным, поэтому политическая обстановка в них была более спокойной. В сельских районах промышленного севера, напротив, в связи с возвращением демобилизованных солдат и безработных из городов произошло обострение борьбы за новые рабочие места, за распространение коллективной аренды.

Ф. Каталано и Г. Куацца отмечают, что против пролетарских организаций в деревне («Красных лиг»), входивших во Всеобщую конфедерацию труда, выступали, с одной стороны, безработный люмпен-пролетариат, с другой — аграрии¹². Фашисты и поддерживавшие их крупные землевладельцы спекулировали на противоречиях между сельскохозяйственными рабочими и мелкими арендаторами и выигравшими от инфляции исполщиками. Они использовали эти слои против «Красных лиг», которые делали ставку на социализацию земель и кооперирование фондов, бойкотировали колонистов и арендаторов, не являвшихся членами социалистических лиг. Э. Сантарелли приводит данные о том, что с целью защиты своих интересов ассоциации крупных землевладельцев стали вынашивать планы создания национальной аграрной партии, которая могла бы защитить их политические интересы. Сначала работу по координации действий местных аграрных ассоциаций взяла на себя Конфедерация аграриев, которая уже в первый год своего существования получила поддержку 245 местных ассоциаций (их распределение по областям дает пред-

ставление о степени организованности аграрной олигархии: 87 ассоциаций находились в области Эмилия, 59 — в Тоскане, 14 — в Пьемонте, 11 — в Лацио, 7 — в Пулье, 6 — в Сицилии, по 4 — в Умбрии и Лигурии, 3 — в Калабрии и т. д.). Конфедерация стремилась организовать противодействие борьбе трудящихся, особенно в тех районах, где классовая борьба была наиболее жестокой (число ассоциаций в северных и центральных районах Италии было наибольшим). Однако политические организации крупных аграриев не имели массовой базы. Их попытки создать аграрную партию оказались несостоятельными. Неудивительно, что фашистское движение, возникшее в крупных городах Италии, получило поддержку крупных аграриев и стало быстро распространяться в сельской местности, поглощая те слои населения, улучшить положение которых итальянская буржуазная демократия была неспособна. Возникла благоприятная обстановка для распространения «аграрного» фашизма. Но «аграрный» фашизм, справедливо указывает Куацца, не стал бы национальной силой без поддержки со стороны союза крупных аграриев и банковско-промышленного капитала. Куацца отмечает, что в годы первой мировой войны новый промышленный капитал воздействовал на старые центры административно-политической власти, в результате чего уже в 1917 г. усилились авторитарные тенденции в государственной политике¹³. Однако этот процесс не исключал обострения противоречий в правящем лагере. Полумеры Джолитти (вновь пришедшего к власти в конце июня 1919 г.) по ограничению инициативы финансового капитала лишили его поддержки со стороны последнего, но и не привели к политической поддержке правительства левыми силами. В этой ситуации фашистское движение представлялось крупному капиталу действенной и организованной силой, способной обуздать классового противника.

Сахарозаводчики и перекупщики сельскохозяйственной продукции, владельцы текстильных, электрических и военных предприятий, собственники шахт и карьеров оказывали огромную финансовую помощь местным и национальным организациям Муссолини для разгрома левых профессиональных и партийных организаций, кооперативов и культурных учреждений в городах и сельской местности. Г. Куацца полагает, что если после по-

ражения на парламентских выборах в ноябре 1919 г. Муссолини не отказался от политической карьеры, то это произошло только потому, что за ним стояли куда более влиятельные силы, чем избиратели. В этом Куацца серьезно расходится с Де Феличе, который полагает, что в 1919 и 1920 гг. фашизм не принимали в расчет никакие политические и экономические силы¹⁴. Фашизм дал крупному капиталу то, что не смог предложить национализм — организованную по-военному массовую партию, способную вести классовую борьбу. На парламентских выборах в мае 1921 г. фашистская партия завоевала 35 депутатских мест. Куацца отмечает, что некоторые историки не придают большого значения координации действий крупного капитала и фашистской партии в период между административными выборами в ноябре 1920 г. и политическими в мае 1921 г.

К апрелю — июню 1922 г., по мнению Каталано, экономический кризис в Италии в основном был преодолен, начался рост промышленного производства. Однако в связи с рационализацией капиталистического производства, его дальнейшей концентрацией и технологическим обновлением число безработных продолжало оставаться на высоком уровне. Восстановление боевого духа организаций трудящихся шло медленно, однако вызывало растущее беспокойство крупной буржуазии и аграриев. Предпосылки прихода фашистов к власти, считает Каталано, созрели в конце 1920 — середине 1922 г. и были вызваны неспособностью старого либерального политического блока найти эффективные пути решения экономических и социальных проблем, а также стремлением капиталистической верхушки пресечь профсоюзную и политическую деятельность трудящихся.

Новая обстановка требовала от делового мира выработки новой экономической и социально-политической стратегии. Каталано упоминает о выдвинутых журналом французских деловых кругов «Ревью экономик интернасьональ» предложениях, выдержанных в духе будущего буржуазно-реформистского курса Ф. Рузвельта. Однако они далеко опередили время. Кроме того, итальянский крупный капитал с недоверием относился к либеральным методам регулирования экономики, банкротство которых проявилось в предшествующий период. Обращение к фашизму, считает итальянский исследователь,

явилось итогом поиска международной и национальной буржуазией новых форм осуществления классового господства. Итальянскому капитализму импонировала сильная власть, с помощью которой можно было осуществлять политику репрессий и дефляций¹⁵.

История фашизма дает нам столь же противоречивый опыт, сколь противоречивы были силы, составлявшие фашистское движение, пишет Куацца. Однако главным было то, что фашизм явился инструментом, позволившим крупной буржуазии преодолеть «исторический» кризис, нанести решающее поражение пролетариату, заручиться поддержкой средних слоев¹⁶. В тех случаях, когда между интересами средних слоев и крупного капитала возникали противоречия, фашистское правительство в конечном итоге защищало интересы последнего. Классическим доказательством неспособности средних слоев действовать в качестве подлинно независимой силы Куацца считает их социальное поведение в период подъема и победы фашистского движения в 1919—1925 гг. Только пролетариат действительно автономен. Лишь полное игнорирование роли и места других социальных сил в экономической и общественно-политической структуре общества, пишет Куацца, позволило Де Феличе выдвинуть тезис о «революции средних слоев»¹⁷.

Сама по себе мобилизация средних слоев, принявших фашистскую идеологию, недостаточна для прихода фашистов к власти. В «Лекциях о фашизме» П. Тольятти отметил, что разрозненные выступления мелкой буржуазии приобрели характер единого, целостного движения в конце 1920 г. «Такое превращение наступает тогда, когда появился новый фактор, когда в качестве организующего начала выступили самые реакционные силы буржуазии. До этого момента фашизм развивался, но не стал еще основным фактором», — подчеркнул П. Тольятти¹⁸. Влияние фашизма на средние слои было использовано для подчинения их интересам крупного капитала.

Алатри не разделяет мнения Де Феличе о якобы «неосознанной» поддержке фашистов либерально-демократическими силами. Он напоминает, что либералы не только открыли фашистам дверь в парламент, но и склоняли высшую бюрократию, военную касту, полицию, магист-

ратуру к их поддержке. Они сделали все возможное, чтобы захват власти фашистами протекал мирно, без вооруженной борьбы. «Я не утверждаю,— пишет Алатри,— что накануне «похода на Рим» Орландо и Джолитти помогали Муссолини привести в действие его планы захвата власти, но они сделали все возможное, чтобы он мог осуществить свой разбойничий план захвата»¹⁹. Алатри справедливо отмечает, что левые партии допускали ошибки в оценке фашизма. Однако в отличие от либерал-демократов они никогда не поддерживали фашизм. Во время голосования по вотуму доверия в парламенте почти все депутаты буржуазных партий отдали свои голоса Муссолини. Против голосовали коммунисты, социалисты и часть республиканцев. Голосование в парламенте юридически закрепило ту поддержку, которую оказывали представители господствующего класса Муссолини на пути к власти²⁰.

Новые работы прогрессивных итальянских исследователей подтверждают вывод П. Тольятти о стремлении либерального руководства опереться на вооруженное фашистское движение, чтобы раздавить пролетариат, разгромить его политическую партию и ввести в правительство реформистов. На рубеже столетий блок буржуазных сил формировался путем компромиссов в парламенте и вне его. Итальянская буржуазия не имела сильной единой партии, централизованной, связанной с массами, имеющей программу и проводящей четкую политическую линию. П. Тольятти отметил, что до войны итальянская буржуазия имела одну объединенную политическую организацию в лице масонства, сыгравшего важную роль в усилении влияния крупной буржуазии на слои мелкой и средней буржуазии, но не обладавшего массовой базой²¹. В условиях острого послевоенного кризиса перед буржуазией встала задача создания собственной политической организации.

Итальянский исследователь Дж. Ваннони опубликовал в 1980 г. книгу, в которой вскрыл взаимоотношения масонов, фашистов и клерикалов. Автор приводит факты активного участия масонских организаций в финансировании фашистского движения еще до «похода на Рим». В частности, Ваннони доказывает, что весь квадрумвират, возглавивший «поход на Рим», входил в масонскую ложу. Позже масоны заняли многие клю-

чевые посты в правительстве Муссолини²². Тем не менее после прихода к власти Муссолини обрушился на ма- сонские, буржуазные партии и организации. Этот факт буржуазные историографы используют для оправдания тезиса о фашистской «революции», «разрыве» фашистского правительства с политикой предшествующих буржуазных правительств.

Почему фашисты обрушились прежде всего на буржуазные партии, массовая база которых сходна с фашистской? П. Тольятти убедительно доказал, что фашисты развернули наступление на эти партии с целью отвоения средних слоев, пополнения своей массовой базы. В фашистскую партию в той или иной форме влились парламентские группировки «Итальянская демократия», «Либеральная демократия», «Социальная демократия», автономная социалистическая группа «Жиронда» во главе с Алессанри, центр народной партии, правые либералы. Ликвидация ряда буржуазных политических организаций, поглощение их массовой базы способствовали превращению фашистской партии в единую централизованную политическую организацию крупной итальянской буржуазии. Сущность фашистской партии четко определил П. Тольятти: «Фашистская партия является по своему составу преимущественно буржуазной партией, оказывающей сильное влияние на служащих и проникающей в отдельные слои рабочего класса и труженников деревни»²³.

Р. Де Феличе использует тезис о «разрыве» между фашистским движением и режимом, о «предательстве» фашистским правительством «идеалов» движения. П. Алатри вполне допускает наличие различий между фашистским движением и режимом, отмечает в движении сложные и противоречивые элементы, не все из которых проявились в политике фашистского правительства. Но, по его мнению, Де Феличе использует эти различия для обоснования жизненности, оригинальности, позитивности фашистского движения. Если бы оно было таким, заключает Алатри, то его возможности были бы переведены в реальность, но этого не произошло. Он справедливо критикует представление некоторых историков о Муссолини как о «простом и рабском последователе директив итальянских промышленников и аграриев». Алатри соглашается с тем, что политике фашистского

правительства была свойственна определенная независимость от финансового капитала. Однако все это не противоречит тому факту, что фашизм был порожден капитализмом и глубоко связан с ним²⁴. Куацца также отмечает некоторую автономию политики фашистского правительства в отношении крупного капитала, но уточняет, что она носила тактический, а не стратегический характер. Он подчеркивает отказ Муссолини от такой реорганизации структуры экономики и общества, которая бы подорвала господство эксплуататорских классов²⁵. Представители средних слоев не играли решающей роли в государственном аппарате, его социально-политическая направленность не изменилась. Фашизм обеспечил преемственность власти господствующих классов²⁶.

В работах Де Феличе не упоминается о политических последствиях экономической политики правительства Муссолини. А. Грамши подчеркивал, что монополия кредита, налоговый режим, арендное законодательство разрушили мелкую торговлю, мелкое промышленное производство. «Произошло настоящее перемещение богатства от мелкой и средней к крупной буржуазии, не сопровождавшееся, однако, развитием производственного аппарата... При фашистском режиме условия существования итальянского народа ухудшились»²⁷. Приход фашистов к власти не имел ничего общего с революционным переустройством общества. «О революции можно говорить тогда,— подчеркивает Алатри,— когда общество претерпевает глубокие базисные структурные изменения»²⁸. Он определяет политику фашизма как особую форму «антипролетарской, антисоциалистической, антидемократической реакции». При формировании фашистского политического руководства, подчеркивает Каталано, предпочтение отдавалось наиболее могущественным промышленным и аграрным слоям в ущерб остальным²⁹. Приход фашистов к власти не сопровождался революционным изменением основ существующего строя. Напротив, это была буржуазная контрреволюция.

§ 2. ФАШИЗМ И МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

30 октября 1922 г. король Виктор Эммануил III поручил Муссолини формирование правительства. Э. Сантарелли отмечает, что при назначении 13 министров

Муссолини всецело руководствовался логикой правого урегулирования. Связь с военными кругами предстояло обеспечивать маршалу А. Диацу и адмиралу П. Таонди Ревелю, министром сельского хозяйства был назначен Дж. Де Капитани — ставленник латифундистов, министром промышленности — Т. Росси, рекомендованный Конфиндустрией. Националисты Л. Федерцони и Дж. Джуриати получили соответственно посты министра колоний и министра «незанятых земель», пост министра образования достался правому либералу, в дальнейшем одному из идеологов фашизма Дж. Джентиле, остальные министерские портфели были распределены между фашистами и представителями правых течений либеральной и народной партий. Министр труда С. Кавациони спустя год был исключен из народной партии. 31 октября Конфиндустрия опубликовала воззвание, в котором выразила удовлетворение по поводу образования «правительства реконструкции» и обещала пойти на «максимальные жертвы», чтобы его поддержать.

Экономическая политика фашизма, проводившаяся в интересах финансового капитала, принимала различные формы, изменялась в зависимости от объективных условий, в которых действовал фашистский режим. Марксисты Дж. Канделоро и Б. Манцокки приводят доказательства того, что первоначально фашизм не внес существенных изменений в методы руководства экономикой. В основном использовались либералистские методы ограниченного вмешательства государства в экономику. В некоторых случаях государство прибегало к активным формам регулирования. Комбинирование форм экономической политики было направлено на сплочение различных буржуазных сил³⁰.

Одним из дискуссионных вопросов в историографии является оценка фашистской политики так называемой «квоты 90». Разразившийся в Италии в 1925—1926 гг. валютно-финансовый кризис повлек за собой изменение институтов фашистского режима и оказал существенное влияние на его политику. П. Мелограни и Р. Де Феличе объясняют введение «квоты 90» главным образом стремлением правительства Муссолини к достижению «престижных» целей, его чрезмерным оптимизмом³¹. Исследования Дж. Мори, Дж. Канделоро, Д. Прети, Б. Ман-

цокки позволяют установить многие более существенные обстоятельства внутреннего и международного характера, повлиявшие на изменение валютной политики фашистского правительства.

Б. Манцокки указывает на опасные последствия инфляции для фашистского режима. «Дело в том,— пишет исследователь-марксист,— что открытый инфляционный процесс влечет за собой серьезные последствия в области политики, вызывая беспорядки в экономической и социальной областях и связанный с ними подъем политической борьбы. Поэтому делом первостепенной важности было приостановление инфляции и скорейшее проведение дефляционистской политики»³². Другое обстоятельство, вынуждавшее фашистское правительство к проведению политики дефляции, было связано с тем, что контролируемый инфляционный процесс, являющийся инструментом принудительного накопления, а следовательно, процесса капиталовложений в монополистические предприятия, в определенный момент выходит из-под контроля, и выгоды этого принудительного накопления исчезают. Таким образом, подчеркивает Манцокки, возникла необходимость стимулировать сбережения, т. е. накопление денег с помощью различных форм добровольного вклада, как, например, займы. Но для этого нужна была устойчивая валюта.

С помощью дефляционной политики можно было привлечь в страну иностранные капиталы, сократить расходы на импорт, уменьшить дефицит платежного баланса. Наряду с этим Манцокки подчеркивает еще два важных обстоятельства. Во-первых, это стремление господствующих кругов переложить все тяготы инфляции на трудящиеся массы. Введение «квоты 90» сопровождалось мерами по ограничению роста заработной платы. Во-вторых, правительство осуществило ряд политических мероприятий, направленных на ликвидацию классовых профсоюзов и заключение профессионального движения в жесткие рамки созданных в октябре 1925 г. фашистских профсоюзов. Итогом этой деятельности стало провозглашение в апреле 1926 г. Хартии труда, которая явилась теоретико-практической основой фашистской корпоративной системы³³. Д. Прети высказывает предположение, что введение «квоты 90» было связано со стремлением фашистского режима изменить направле-

ние экономического развития, а именно: ограничить рост экспортной легкой промышленности и способствовать развитию тяжелой индустрии³⁴. Американский исследователь Р. Сартти подтверждает этот вывод, указывая, что требование ревальвации лиры исходило от магнатов тяжелой промышленности³⁵.

Необходимость проведения новой валютно-финансовой и экономической политики была вызвана также международной обстановкой. В соответствии с рекомендациями Генуэзской конференции 1922 г. происходило приведение национальных европейских валют в соответствие «золотому» стандарту. Рекомендуемая международная система предусматривала формирование резервов эмиссионных банков и валют. Основные международные расчеты осуществлялись золотом, американскими долларами, английскими фунтами стерлингов. Франция, Бельгия и Италия входили в Латинский валютный союз и до первой мировой войны проводили согласованную валютную политику. Их присоединение к системе «золотого» стандарта задерживалось. Это вызывало обеспокоенность финансовых кругов США и Великобритании, поскольку существенное повышение курса доллара и фунта стерлингов повышало конкурентоспособность государств с «плавающим» курсом валюты. Кроме того, стабилизация европейской валюты и приведение ее к единому курсу рассматривались кредиторами (в основном американскими и английскими) как неперемное условие для размещения их вкладов в европейских странах. Стабилизация европейских валют должна была открыть путь экспансии американского доллара на «старый» континент. Основной политической целью этих мероприятий являлось укрепление буржуазных режимов, их способности противостоять революционному движению.

Итальянские исследователи Дж. Фалько и М. Сторачи отмечают, что США и Великобритания оказывали сильный нажим на Францию, Бельгию и Италию с целью добиться их присоединения к «золотому» стандарту. Италии было отказано в размещении займов в США и Великобритании. Правительства этих стран поставили вопрос об уплате долгов по военным займам³⁶. Дж. Канделоро отмечает, что нажим США на фашистское правительство осуществлялся одновременно с требованием итальянской Конфиндустрии о смещении с поста мини-

стра финансов Де Стефани и назначении на его место Дж. Вольпи. Д. Прети полагает, что «смена караула», состоявшаяся 10 июля, 1925 г., свидетельствовала об отказе фашистского режима от «либералистских иллюзий» и была началом прямого и активного государственного вмешательства в экономическую жизнь страны³⁷. В США итальянской делегации в составе Дж. Вольпи, Д. Гранди и А. Пирелли удалось подписать соглашение о возмещении Италией военных долгов и предоставлении ей американских кредитов. К моменту объявления президентом Гувером моратория Италия получила репарации от Германии на сумму 1 млрд 300 млн марок и от Австрии — около 500 млн золотых лир, выплатила США и Великобритании примерно 660 млн золотых марок.

Дж. Канделоро считает, что в целом соглашения по военным долгам устраивали итальянский капитализм не только потому, что решили вопрос, связанный с огромным долгом, который рано или поздно нужно было выплачивать, но прежде всего потому, что они открыли путь американским займам, необходимым для финансирования государства и частной промышленности в трудный момент. Вольпи заключил с Морганом соглашение о займе в 100 млн долларов, которое стало первым в серии займов, предоставленных американскими банками правительству Италии и крупному бизнесу. С 1925 по 1928 гг. США предоставили Италии 22 займа на общую сумму 316,5 млн долларов. Сроки их возмещения составляли от 10 до 30 лет³⁸.

Недавние исследования Дж. Мори и особенно профессора Туринского университета Дж. Мигоне позволили раскрыть еще одну причину, по которой правительство Муссолини пошло на решительную ревальвацию итальянской лиры. «Квота 90» была навязана Италии условиями соглашения с США о военных долгах и займах. В 1926—1927 гг. в результате целого ряда мероприятий, осуществленных правительством Муссолини, была стабилизирована итальянская лира. Декретом от 21 декабря 1927 г. она была приведена к золотому паритету: 100 лир за 7,919 г золота. Курс лиры установился в пропорциях: 19 к доллару и 92,46 к фунту стерлингов. Фашистский режим развернул вокруг этого мероприятия шумную пропагандистскую кампанию³⁹.

Дж. Канделоро, Дж. Мигоне, Дж. Мори отмечают важную роль, которую сыграли США в стабилизации фашистского режима. Укрепив американскими займами лиру, Италия вернулась к «золотому стандарту», а ее центральный банк вступил в международную валютную систему. Американские инвестиции закладывали основы гегемонии США в Италии. Дж. Мори отмечает, что исследователи пока не располагают точными сведениями о роли американского капитала в послевоенном кризисе в Италии. США обусловили предоставление новых займов Италии возмещением военных долгов, что поставило либеральный режим в очень трудное положение. Сейчас, подчеркивает Дж. Мори, трудно установить точную связь событий. Однако спустя всего несколько месяцев после заявления Муссолини о намерении силой разрешить кризис Маттеотти, американская комиссия по военным долгам получила директиву пойти навстречу итальянским пожеланиям. Таким образом, Дж. Мори связывает факт соглашения о военных долгах и займах с мероприятиями по укреплению фашистской диктатуры, осуществляемыми режимом Муссолини с января 1925 г. Ужесточение фашистской диктатуры повысило доверие в правящих политических и монополистических кругах США к режиму Муссолини. В свою очередь, соглашения о военных долгах и предоставлении займов содействовали стабилизации фашистского режима⁴⁰.

Дж. Мигоне в своей книге «США и фашизм: к происхождению американской гегемонии в Италии» указывает на то, что американский империализм рассматривал установление фашистского режима в Италии как фактор социально-политической, экономической и внешнеполитической стабилизации капиталистической системы. В апреле 1922 г. посол США в Риме сообщил в госдепартамент о том, что видные политические лидеры — Ф. Нитти и Л. Стурцо — информировали его о готовности деятелей либерально-демократического толка взять власть в свои руки, в связи с чем они обратились к США за финансовой помощью. Дж. Мигоне отмечает, что тогда это обращение осталось без ответа. Однако после прихода фашистов к власти ситуация резко изменилась. В 1924 г. объем американских инвестиций в Италию составил 40,6 млн долларов, в 1929—364,6 млн

долларов, в 1935—271,4 млн долларов. Италия вышла на четвертое место в Европе после Великобритании, Германии и Франции по прямым американским инвестициям⁴¹. Вслед за американскими значительные вклады в Италию имели английские и швейцарские банки. Д. Прети указывает, что между 1925 и 1939 гг. Италии было предоставлено примерно 8 млрд лир иностранных займов⁴².

ФИАТ получил заем в 10 млн долларов. Львиная доля (около 30 %) займов пришлось на электрические общества. Только «Унионе эзерчици элеттричи» получил в октябре 1926 г. 90 млн долларов. В 1927 г. в г. Делавере был создан итало-американский холдинг «Итэ-лиэн суперпауэ корпорейшн». С итальянской стороны в его руководство вошли представители обществ «Эдисон», «Саде», «Сип е Стипел», «Монтекатини» и «Банка коммерциале». Дж. Мори пишет, что история этого холдинга все еще является «закрытой книгой», приоткрыть ее означало бы не только представить значительно шире историю развития электроэнергетики в Италии, итало-американские экономические и финансовые отношения, но и выяснить многие скрытые стороны движения иностранного капитала⁴³. Но даже имеющегося в распоряжении исследователей материала достаточно для того, чтобы сделать вывод о важной роли американского капитала во внешней поддержке фашистского режима и в развитии итальянской экономики (на этой оценке настаивает Дж. Канделоро)⁴⁴.

Д. Прети указывает на значительные последствия девальвации лиры, которая, по его мнению, означала глубокое изменение экономической и финансовой основы итальянской производственной системы и вызвала необходимость в самом активном государственном вмешательстве в экономику. Дефляционистская политика правительства требовала проведения реформы института кредита, усиления в нем государственной власти, а также ослабления позиций «смешанных» банков. Ревальвация лиры, полагает Д. Прети, привела к изменению расстановки сил между монополистическими группами. В результате реорганизации валютно-финансовой системы «Банка д'Италия» превратился в центральный банковский институт, имеющий право на эмиссионное обращение. Кроме того, он был уполномочен

осуществлять надзор за другими банками и их филиалами, создавать новые и объединять существующие институты кредита⁴⁵. Вследствие этой политики были ограничены экономические и политические претензии аграрного блока, созданы предпосылки для ликвидации крупных «смешанных» банков, воздвигнуты искусственные препятствия для развития слабых секторов промышленности, упорядочено инвестирование.

Политика «квоты 90» благоприятствовала утверждению электрических, машиностроительных, автомобилестроительных, химических и металлургических монополий, ускорила процесс концентрации производства и капитала. Этим же целям служила государственная политика цен на сырье, полуфабрикаты и готовую продукцию.

С 1926 по 1932 г. число акционерных обществ в Италии сократилось с 217 до 175 при росте акционерного капитала с 5,6 до 9,9 млрд лир. Мощность электростанций за эти годы возросла с 3,04 до 5,3 млн кВт. Нарращивание потенциала электроэнергетики дало импульс развитию других отраслей промышленности, особенно машиностроению, электротехнике, металлургии. Четыре крупных электрических холдинга — «Эдисон», «Бастоджи», «Чентрале», «Адриатика ди элеттричита» — стали сердцевиной нового монополистического блока, пришедшего на смену группе «смешанные банки — металлургические компании». Несбалансированное развитие электрических обществ отрицательно сказалось на финансовом равновесии в Италии, было причиной глубоких искривлений в производственной системе. В частности, в период глубокого кризиса капиталы вкладывались в гидроэлектростанции, производственные мощности которых превосходили потребности рынка. Тем не менее цены на электроэнергию поддерживались на стабильно высоком уровне. Создание электроэнергетической империи, подчеркивает Д. Прети, было оплачено жестокой эксплуатацией трудящихся⁴⁶. За многими государственно-монополистическими мероприятиями просматривались интересы электрических компаний.

Экономический кризис 1929—1932 гг. подверг серьезному испытанию мировую капиталистическую систему. «Кризис привел к расстройству международной торговли, вызвал резкое падение товарного вывоза и еще более обострил проблему рынка»⁴⁷. В тяжелом положе-

нии оказалась валютно-финансовая система капиталистических государств, в сентябре 1931 г. отказались от «золотого» стандарта ведущие банки США, Великобритании и Франции. Крупнейшие капиталистические страны воздвигли высокие таможенные барьеры в надежде оградить экономику от кризиса.

В июне 1931 г. правительство США объявило о годичном моратории на выплату Германией репараций и военных долгов иностранным государствам. Спустя год Лозаннская конференция, в работе которой США не участвовали, не отменяя репарационных платежей, почти свела их на нет⁴⁸. США заявили о готовности временно предоставить льготы странам-должникам на период переживаемой ими депрессии, однако отказались отменить военные долги. Великобритания предложила созвать конференцию всех заинтересованных государств. Правительство США, опасаясь единого фронта должников, отклонило эту идею. Тогда в 1933 г. Великобритания и большинство других должников США прекратили выплату военных долгов и тем самым фактически аннулировали свою задолженность⁴⁹.

Если в 20-х гг. основной поток американского капитала направлялся в капиталистическую Европу, то после экономического кризиса 1929—1932 гг. основная его масса стала поступать в неевропейские страны, где американские монополии рассчитывали получить наивысшие прибыли⁵⁰. Под воздействием мирового экономического кризиса начал разрушаться валютно-финансовый и торгово-экономический механизм капиталистической системы, созданной во второй половине 20-х гг.

Мировой экономический кризис существенно ухудшил международное и внутреннее положение Италии. Э. Раджониери отмечает, что Италия лишилась главного: финансово-экономического покровительства США и дипломатической поддержки Великобритании⁵¹. После девальвации фунта стерлингов сократились поступления внешних кредитов в итальянские банки; началось изъятие вкладов, что ухудшило положение банков. Правительство в целях сохранения доверия мелких и средних вкладчиков, создания благоприятных условий для осуществления финансовых операций по спасению банков стремилось сохранить «квоту 90», что было достаточно дорогостоящим мероприятием. В период между 31 де-

кабря 1927 г. и 31 декабря 1934 г. валютные резервы Италии сократились с 12,1 до 4,9 млрд лир⁵².

Валютная политика правительства, основанная на поддержании золотого паритета лиры, продержалась вплоть до первой девальвации в 1936 г. Дж. Канделоро отмечает ее противоречивое воздействие на экономику. Она наносила ущерб производству товаров, идущих на экспорт, однако открывала лучшие возможности для закупок сырья и полуфабрикатов в условиях краха оптовых цен и падения курса доллара и английского фунта⁵³. Возможности валютных накоплений за счет внешнеторговых операций были минимальными. В 1929—1934 гг. хронический дефицит внешнеторгового баланса колебался в пределах от 1,4 до 6,5 млрд лир. В 1934 г., когда Италия выходила из кризиса, внешнеторговый оборот составлял чуть выше 1/3 уровня 1929 г.

Фашистское правительство ввело протекционистский таможенный тариф. В целях сокращения производственных затрат оно снизило зарплату трудящихся. Первое общее снижение зарплаты (на 10%) было осуществлено в мае 1927 г., второе (также на 10%) — в октябре того же года. Однодневная зарплата (по курсу 1938 г.) составляла: в 1924 г. — 17,02 лиры; в 1925 г. — 16,23; в 1926 г. — 15,84; в 1927 г. — 16,08; в 1928 г. — 14,39; в 1929 г. — 14,14 лиры. Значительно сильнее, чем при либеральном режиме, на потребителей давил пресс прямых и косвенных налогов. В связи с экономическим кризисом по согласованию между Конфиндустрией и Конфедерацией фашистских профсоюзов было принято решение о сокращении, начиная с 1 декабря 1930 г., зарплаты трудящихся, занятых в промышленности, на 8%. Данные, приведенные Дж. Канделоро, показывают, что после наиболее существенного сокращения зарплаты трудящихся в промышленности в 1928 г. ее уровень ни разу не достигал уровня 1927 г. и превышал индекс 1913 г. всего на 10—19%. В октябре 1929 г. число безработных Италии составляло около 300 тыс., в декабре 1930 г. — 740 тыс., в декабре 1931 г. — 1 млн 70 тыс., в феврале 1932 г. — 1 млн 230 тыс., в феврале 1933 г. — 1 млн 300 тыс. и продержалось на этом уровне вплоть до зимы 1934 г., затем стало сокращаться, однако еще в 1935 г. составляло около 765 тыс. человек. Безработица была особенно распространена среди рабо-

чих и служащих, занятых в промышленности. Социальное законодательство обеспечивало выплату пособия по безработице только в течение 90 дней. В 1934 г. для ослабления проблемы была введена 40-часовая рабочая неделя⁵⁴.

Дж. Канделоро отмечает, что безработица, снижение заработной платы, уровня потребления трудящихся свидетельствуют об общем ухудшении условий их жизни в годы фашистского режима. Некоторые их завоевания, достигнутые в первые послевоенные годы, были утрачены в результате ревальвации лиры и в годы кризиса. Несмотря на жестокий и изощренный полицейский контроль, в стране происходили народные волнения⁵⁵. Правительственная политика перекладывания бремени экономического кризиса на трудящихся достигла предела.

Между октябрём 1931 г. и мартом 1934 г. италофашистское правительство осуществило ряд политических и экономических мероприятий, сущностью которых было развитие государственно-монополистических комплексов. Их вынесение на повестку дня в 30-х гг. было обусловлено состоянием дел в системе мирового капиталистического хозяйства, требованиями национальных монополистических групп, изменившимся соотношением сил между ними. В свою очередь их реализация требовала соответствующего подкрепления внешнеполитическими, внешнеэкономическими и военными мерами. Целью этих мероприятий была защита экономических и политических интересов финансовой олигархии.

Ускорение государственно-монополистических процессов повлекло за собой перестановки в высшем эшелоне политической власти. 20 июля 1932 г. произошла смена министров на некоторых ключевых постах. Д. Гранди уступил пост министра юстиции П. Де Франчиши, Муссолини стал министром корпораций, сменив Дж. Боттаи, А. Маскони — министром финансов вместо Г. Юнга. В период между 1930 и 1933 г. перестановки произошли также в руководстве фашистской партии, потеряли свои прежние позиции Турати, Боттаи, Рокко, Бальбо, Арпинати и др.

Д. Прети отмечает, что избранная в соответствии с законом 1929 г. палата корпораций отвечала новой расстановке экономических сил в Италии: произошло ослабление политических позиций аграрного сектора.

По данным 1932 г. 120 сенаторов, 125 депутатов и многие члены Большого фашистского совета и руководства фашистской партии занимали посты в административных советах крупных акционерных обществ. Четыре крупных частных электрических холдинга имели в своих административных советах около 40 сенаторов и депутатов, группа страховых обществ около 30, группы химических, текстильных, машиностроительных компаний — от 25 до 30 сенаторов и депутатов⁵⁶. Неудивительно, что при решении принципиальных экономических вопросов в период мирового кризиса фашистское правительство считалось в первую очередь с интересами именно этих монополистических групп.

Около четырех десятилетий финансирование важнейших промышленных предприятий осуществлялось посредством кредитов, предоставляемых «смешанными» банками, в основном «Банка коммерциале», «Кредито итальяно», «Банко ди Рома». По данным органа коммунистов «Ло Стато операйо», треть крупных и средних промышленных предприятий оказалась под контролем банков. В условиях экономического кризиса такая связь губительно сказывалась на положении тех и других⁵⁷. В течение 1931 г. правительство предоставило банку «Кредито итальяно» по его просьбе два займа — в 330 млн лир и в 300 млн лир. Однако и этого оказалось недостаточно для оздоровления банка. 11 сентября 1931 г. представитель «Банка коммерциале» Дж. Теплиц вынес на рассмотрение главы правительства проект оздоровления банковской системы, который оставлял за банками функцию основных финансистов промышленности. Было очевидно, что последовавшие вскоре после этого резкие выпады центральной печати в адрес Теплица санкционировались свыше.

Важную роль в выработке нового финансово-экономического курса фашистского режима сыграл ставленник частных электрических компаний А. Бенедуче. Он выступал против системы «смешанные банки — промышленность». Бенедуче считал, что кредитные операции должны быть ограничены предоставлением торговых и краткосрочных займов. Его рекомендации имели решающее значение для учреждения государственных институтов — «Иституту мобильяре итальяно» (ИМИ) и «Иституту пер ла риконструционе индустриале» (ИРИ),

которые получили инвестиционный кредит, значительную часть акций металлургических, электротехнических, телефонных, газовых обществ, судоверфей. Государство-банкир контролировало 98% инвестиционного капитала, а государство-предприниматель — 21,5% всего акционерного капитала. Частные банки передали ИРИ свои акции в промышленных обществах на сумму 7 млрд 736 млн лир, к концу 1933 г. он владел акциями на сумму 10 млрд 277 млн лир из 47 млрд 782 млн лир, находившихся в распоряжении акционерных обществ. ИРИ контролировал также предприятия, производящие 77% выплавляемого в стране чугуна, 45% стали, 75% труб, 67% железной руды, 22% самолетов, 50% оружия и военного снаряжения, более 23% продукции машиностроения⁵⁸. Крупными государственно-монополистическими комплексами стали известные общества «Терни», «Ильва», «Альфа Ромео», больше половины пароходных компаний.

Финансово-экономическое переустройство, начатое фашистским режимом в 1931 г., завершилось принятием в 1938 г. закона о банках. В соответствии с новым законом ИРИ стал постоянно действующим институтом. Со стороны государственной инспекции и «Банка д'Италия» был установлен контроль над кредитованием и сбережениями. Этот банк превратился в общественный институт, лишенный частных акционеров. Банки «Кредито итальяно», «Банка коммерциале», «Банко ди Рома» были отнесены к категории учреждений «национальных интересов» и, несмотря на то, что принадлежали частным финансовым группам, были уравнены в правах на кредитование с привилегированными пятью «общественными» банками⁵⁹.

Мероприятия фашистского правительства были направлены на максимальную концентрацию капитала в руках государства, на установление государственного контроля над рынком, внешней торговлей и обращением капиталов, что было необходимо для осуществления инвестиционной политики в интересах ведущих монополистических групп, для финансирования перевооружения и военных авантур фашистского режима.

Одним из источников накопления капитала, осуществляемого ИРИ, были облигации, обращаемые в акции. Первая серия облигаций на сумму 400 млн лир была

выпущена в 1935 г. для финансирования телефонного общества СТЕТ. В конце 1936 г. последовал выпуск облигаций на сумму 900 млн лир для финансирования общества торгового флота «Финмаре». В июне 1937 г. было создано металлургическое общество «Финсидер», под контроль которого перешли «Терни», «Ильва», «Далмине», СИАК. Для их финансирования было выпущено облигаций на сумму 900 млн лир. Согласно официальным данным ИРИ, государственные затраты на «спасательные операции» составили в 1921—1931 гг. 5 млрд 706 млн лир, а в 1933—1934 гг. — 5 млрд 797 млн лир⁶⁰. По расчетам экономиста Э. Чиани истинные государственные расходы были значительно выше. Только через ИРИ с 1933 по 1939 г. было инвестировано свыше 5 млрд лир. Самая большая часть этой суммы — 1 млрд 419 млн лир — была вложена в электроэнергетику⁶¹.

На совещании министров, состоявшемся 28 августа 1935 г. незадолго до начала агрессии против Эфиопии, было принято решение, обязывающее акционерные общества инвестировать прибыль, превышающую 6%, в государственные бумаги. Самой широкой властью в целях сбора валюты было наделено Высшее управление обмена и валюты, созданное в мае 1935 г. и преобразованное в министерство в ноябре 1937 г. Его бессменным руководителем являлся Ф. Гуарнери, доверенное лицо Конфиндустрии. Важная роль в сборе средств отводилась внутренним займам. В 1935—1936 гг. таким образом было собрано 6 млрд 836 млн лир⁶². Д. Прети указывает, что этим целям служила также фашистская политика «низкой зарплаты», в жертву промышленности были принесены интересы сельского хозяйства в целом и сельскохозяйственных трудящихся в особенности⁶³.

За четыре финансовых года (с 1931/32 по 1934/35 гг.) государственные доходы выросли с 74 млрд 384 млн лир до 100 млрд 800 млн лир. Это произошло главным образом за счет роста налогов — чрезвычайных (с 6 млрд 384 млн лир до 16 млрд 800 млн лир) и обычных (с 66 до 84 млрд лир). Важно отметить, что в процентном отношении доля налогов на прибыль за эти годы не возросла, а уменьшилась⁶⁴. В этой связи Дж. Мори метко указал, что целью государственно-

монополистических мероприятий являлись социализация убытков и приватизация прибылей⁶⁵.

Тем же целям отвечала провозглашенная Муссолини 23 марта 1936 г. политика автаркии. Она предусматривала: ограничение импорта товаров, которые либо не представляли первостепенной важности для промышленности, либо могли быть заменены суррогатами, выделение средств на разведку и разработку собственных источников сырья и энергии, на производство искусственных заменителей дефицитных товаров. Государство и узкий круг частных обществ имели исключительные права на импорт сырья. На введение политики автаркии повлияло ухудшение итальянских позиций на мировом рынке. Под воздействием мирового экономического кризиса США, Великобритания и Франция установили в 1930—1932 гг. высокие таможенные тарифы, была произведена девальвация английского фунта стерлингов в 1931 г. и американского доллара в 1933 г. Эти дискриминационные мероприятия нарушили сложившийся в 20-е гг. механизм международного торгового обмена и кредитования торговых операций. М. Парадизи приводит данные, указывающие на постоянное сокращение экспорта итальянских товаров, особенно традиционных, в США, Францию и Великобританию. Если в 1930 г. значительная часть итальянского экспорта (35,3%) была ориентирована на эти страны, то в 1934 г. произошло его снижение до 28,9%.

В связи с сокращением доступа итальянской продукции на традиционные рынки сбыта и ограниченными валютными возможностями для финансирования торговли произошло возрастание роли государственных органов в регулировании внешнеторговых операций. Все большее значение приобретали торговые соглашения, заключенные на межправительственном уровне. В 1931—1932 гг. Италия добилась заключения двусторонних торговых соглашений на основе клиринга (безвалютного торгового обмена) с Австрией, Венгрией, Болгарией, Югославией, Румынией и Аргентиной. В 1934—1935 гг. — с Чехословакией, Грецией, Норвегией, Голландией, Швецией и Турцией. Возросло значение Германии во внешней торговле Италии. В 1932 г. германские поставки машинного оборудования составили в итальянском импорте 53,2%, в 1938 г. — 65,4% (французские —

5,5 и 1,6%, английские — 15,1 и 7,9% соответственно)⁶⁶. Доля Германии в итальянском импорте возросла с 13,87% в 1926 г. до 27,20% в 1938 г., а в экспорте в те же годы составляла 15 и 24,9%. Большая часть итало-германского торгового оборота осуществлялась на основе клиринга.

Положение Италии на мировом рынке усугублялось тем, что за исключением «Сниа-вискоза» и «Монтекатини» итальянские монополии не участвовали в международных картелях. Дж. Кароччи отмечает, что франко-германский металлургический картель наводил ужас на владельцев итальянской металлургической промышленности. Министр экономики Дж. Белуццио был вынужден подвергнуть критике монополистические группы, чья продукция не выдерживала конкуренции на мировом рынке. Он требовал активнее осуществлять рационализацию производства и включаться в производственно-сбытовые международные картели⁶⁷. Данные, приводимые М. Парадизи, показывают, что не произошло повышения конкурентоспособности итальянской продукции на мировом рынке⁶⁸. Несмотря на это, дефицит внешнеторгового оборота сократился в 30-е гг. по сравнению с 20-ми гг. В 1928 г. он составил 7,4 млрд лир, в 1929 г.— 6,4, в 1930 г.— 5,3, в 1931 г.— не более 1,6, в 1936 г.— 0,5, в 1937 г.— 3,5, в 1938 г.— 0,78, в 1939 г. впервые с 1871 г. сведен с положительным сальдо в 0,5 млн лир⁶⁹.

Выравнивание внешнеторгового баланса происходило главным образом за счет сокращения объема внешней торговли и интенсивного увеличения в ней экспорта в колонии. М. Парадизи считает, что захват колоний, т. е. расширение таким образом внутреннего рынка, отвечало классической концепции империи. Товары итальянских колоний составляли незначительную часть импорта: в 1936 г.— 2,6%, в 1938 г.— 1,9%. Зато в экспорте Италии колонии приобретали все возрастающее значение. Вывоз итальянской продукции в колонии составил в 1936 г. 31%, в 1938 г.— 23,3% всего экспорта. Доля отдельных товаров, вывозимых в колонии, в общем итальянском экспорте представлена ниже⁷⁰.

Более половины таких товаров, как удобрения, оконные стекла, мебель, обувь, электрические лампы, провода и кабели направлялось в 30-е гг. в колонии⁷¹.

Товары	1929	1936	1938
Макаронные изделия	14,6	85,4	84,0
Изделия из хлопка	3,3	35,5	22,6
Хлопковая пряжа	2,3	22,6	26,3
Ткани из искусственного волокна .	—	14,1	26,8
Различные механизмы	7,6	58,1	50,7
Автомобили	4,1	80,0	41,2
Мотоциклы и велосипеды	9,1	84,2	36,7
Сельскохозяйственный инвентарь	8,6	90,0	79,4
Телефонные и телеграфные аппара- ты	10,3	61,3	81,2

Перевод страны на военные рельсы предоставил возможность фашистскому правительству осуществлять перераспределение общественных средств в пользу крупного капитала. Летом 1935 г. был учрежден государственный Комиссариат военного производства. В его задачи входили координация всех программ военного производства, мобилизация промышленности для их финансового, сырьевого и другого необходимого обеспечения. Работа над такими программами была начата генеральными штабами трех родов войск в 1935 г. С ноября 1937 г. были проведены заседания Комиссариата военного производства с участием представителей родов войск, на которых были обсуждены объемы заказов, их размещение и обеспечение сырьем. До начала второй мировой войны программы перевооружения были разработаны. Их реализацией занимались монополистические и государственно-монополистические комплексы «Ансальдо», ОТО, «Терни», СИАК, ФИАТ, «Този-Фальк», «Бреда», «Инночента», «Ильва», «Изотта-Фраскини», «Альфа Ромео», «Нарди» и др.⁷²

По расчетам Ф. Миннити доля военных расходов в государственном бюджете составляла в 1935—1936 гг. 18,44%, в 1936—1937 гг.— 30,42%, в 1937—1938 гг.— 30,5%, в 1938—1939 гг.— 32,54%, в 1939—1940 гг.— 40,5%, 1940—1941 гг.— 61,24%, в 1941—1942 гг.— 56,9%, в 1942—1943 гг.— 40,5%⁷³. Расходы на фашистские войны с 1935 по 1939 гг. были оплачены инфляцией, огромной мобилизацией народных сбережений,

ростом общественного долга, что в конечном счете легло тяжелым бременем на трудящихся. Фашистскому режиму удалось поднять традиционно низкие темпы капиталистического накопления, достичь оживления производственной активности. Уровни валового и чистого национального продукта, достигнутые в 1939 г., были превзойдены только в 1950 г.⁷⁴.

Вопрос о содержании фашистского варианта государственно-монополистического регулирования вызывает острые дискуссии в итальянской историографии. Далеко не все исследователи связывают политику фашистского правительства с интересами монополистического капитала. Типичной в этом отношении является позиция «новой» историографии, которая в общем виде может быть представлена следующим образом: все этапы экономической политики фашистского руководства были обусловлены политическими решениями Муссолини, приматом политики над экономикой.

Итальянские исследователи-марксисты внесли существенный вклад в исследование итальянского империализма в годы фашистского режима. Б. Манцокки обратил внимание на особенности формирования государственно-монополистического капитализма (ГМК), который в фашистский период стал органической частью экономической структуры Италии и служил цели постоянной защиты интересов финансовой олигархии. Б. Манцокки указывает также на экономическую сторону корпоративной системы. Экономический аспект корпоративной системы, наряду с принудительным картелированием и дисциплиной для промышленных предприятий, проявлялся в передаче государственных функций частным органам (предоставление лицензий на импорт, распределение сырья и заказов, установление режима строительства, распределение рынков сбыта, установление цен и т. д.). Другая характерная черта корпоративной системы проявлялась в установлении обязательной производственной дисциплины, что проводилось с помощью юридических и экономических мер. Наряду с основными чертами, считает Б. Манцокки, корпоративная система характеризовалась своеобразной формой «бюрократического» капитализма. Исследователь-марксист подразумевает под этим то, что политические деятели становились во главе государственных экономических ор-

ганов и действовали как частные капиталисты, используя, однако, государственный капитал. Многие политические деятели были связаны экономическими интересами, и наоборот. Такие воротилы финансового капитала, как Дж. Вольпи, становились политическими руководителями⁷⁵.

В последние годы в прогрессивно-демократической историографии возрос интерес к изучению механизма государственного регулирования в фашистской Италии. В 1978 г. институт Грамши организовал научный семинар на тему «Государство и эволюция капитализма в 30-х гг.»⁷⁶ В своем выступлении В. Кастроново отметил, что в осуществлении государственного вмешательства фашистское правительство Италии ориентировалось на действия правящих кругов других капиталистических стран. Однако в отличие от «нового курса», проводимого в США, где в центре внимания находились проблемы регулирования трудовых отношений, организации экономики и рынка, итало-фашистское руководство сосредоточило внимание на посредничестве между монополистическими группами, на поисках новых рынков сбыта.

Р. Де Феличе считает наиболее важным элементом государственной политики фашистской Италии «общественную функцию накопления капитала и распределение доходов между частными капиталистическими группами»⁷⁷. Реальная функция фашистских корпораций заключалась в том, пишет исследователь, чтобы придать общественное звучание частным экономическим органам.

В результате осуществленных фашистским правительством мероприятий отдельные отрасли развивались достаточно динамично. Однако постоянным тормозом экономического развития, считает Д. Прети, являлась архаичная социальная инфраструктура⁷⁸. В связи с этим, полагает П. Чиокка, экономическое оживление в Италии достигалось благодаря росту общественных расходов, которые в процентном отношении были близки к уровню общественных расходов нацистской Германии. В то время как в большинстве развитых капиталистических стран для восстановления экономической активности запускался механизм «рост потребления — увеличение частных инвестиций», в Италии, напротив,

урезалась заработная плата рабочих и служащих, что препятствовало стабильному росту личного потребления и накопления капитала, а также частного инвестирования. П. Чиокка делает вывод о том, что поскольку трудящиеся не требовали повышения зарплаты (по причине беспощадного подавления их социального протеста), основные частномонополистические группы не проявляли большой заинтересованности во введении передовой техники. Следствием этого стало отставание Италии от других капиталистических стран по темпам роста производительности труда и по рационализации производственной структуры⁷⁹.

Обращаясь к теме капиталистической рационализации в условиях фашистского режима, Л. Виллари развенчал культивируемый некоторыми буржуазными исследователями миф о том, что капиталистическая организация в Италии была чуть ли не самой передовой. На повестку дня в Италии выдвигались задачи капиталистического планирования и программирования. В 1932 г. в кругах фашистских экономистов обсуждалась программа соединения капиталистической рационализации и программирования, однако она была отвергнута правящими политическими и экономическими силами. Осуществляемое в Италии в эти годы государственное вмешательство имело краткосрочный характер и не затрагивало производственный процесс. А самое главное — фашистское правительство не смогло навязать авторитет политической власти монополистической буржуазии, которая считала себя «фашистской» только в тех пределах, которые позволяли ей использовать государственный аппарат и общественные ресурсы в своих интересах.

В марте 1936 г. был принят фашистский «План регулирования итальянской экономики». Виллари отмечает полный его провал. Вместе с тем он указывает, что фашистский режим смог выполнить 6-летний план общественных работ в итальянской Восточной Африке, принятый в июле 1931 г. (на его осуществление государство затратило 2 млрд лир). Однако это было исключением в истории фашистской экономики. Неосуществленными остались фашистские планы «битвы за хлеб» и «интегральной мелиорации». Государственное вмешательство в сельское хозяйство, пишет Виллари, могло

привести к глубокому изменению социальных отношений, к ликвидации полуфеодального наследства в деревне, однако на деле все ограничилось включением непродуктивной земельной собственности в капиталистический рынок ⁸⁰.

Касаясь положения в сельском хозяйстве Италии, исследователь-марксист Э. Серени указывал, что «на теперешней стадии (книга была написана в годы фашистской диктатуры.— В. М.)... капитализм проявил и проявляет свою полную неспособность обеспечить развитие производительных сил в итальянском сельском хозяйстве» ⁸¹. Проникновение капитала в деревню не привело к созданию крупных современных капиталистических сельскохозяйственных поместий, которые так или иначе обеспечили бы мощное развитие производительных сил, а, напротив, оно осуществлялось через «сращивание паразитарных форм финансового капитала с наиболее реакционными докапиталистическими формами феодальной эксплуатации и гнета» ⁸². Э. Серени неоднократно подчеркивал, что осуществляемая фашистским режимом экономическая политика являлась основным препятствием для развития производительных сил в итальянской деревне, для повышения благосостояния крестьянских масс в Италии. Господствующие группы финансового капитала стремились сохранить или восстановить наиболее отсталые формы производственных отношений, чтобы на их основе поддерживать свое господство в итальянском сельском хозяйстве, писал Серени ⁸³. Из 10 млрд лир, выделяемых фашистским правительством для развития сельского хозяйства, около половины не достигли цели, отмечает Л. Виллари ⁸⁴. Д. Прети указывает, что ни одна из трех основных задач, поставленных фашистским режимом перед сельским хозяйством,— поглощение городской и сельской безработицы, создание значительного числа рабочих мест в деревне, рост сельскохозяйственной продукции — не была выполнена ⁸⁵.

Монополистический капитал Италии, как утверждает Л. Виллари, намеревался осуществить рационализацию и внедрение «системы Тейлора», не затрагивая сути отношений между трудом и капиталом. Р. Де Феличе считает справедливым мнение Л. Паджи о характерном для итальянской монополистической буржуазии стрем-

лении осуществлять свою гегемонию, не прибегая к буржуазно-реформистским решениям⁸⁶. В целях модернизации и рационализации производственного аппарата фашистский режим ликвидировал классовые профсоюзы и ввел корпоративную систему. Благодаря уменьшению зарплаты трудящихся себестоимость продукции была снижена примерно на 3 млрд лир (средняя зарплата итальянских рабочих составляла 47% уровня зарплаты рабочих западноевропейских стран и 30% уровня зарплаты рабочих США. При этом более высокие цены на товары первой необходимости были в Италии)⁸⁷.

Как итальянские историки оценивают итоги экономического развития Италии в фашистский период? Л. Либертини считает закономерным итогом фашистской экономической политики то, что в конце войны Италия оказалась на обочине индустриально развитого мира. Только к 1940 г. доля промышленной продукции в валовом национальном продукте превзошла долю сельскохозяйственной. Технологический уровень производства в Италии был одним из самых низких в капиталистическом мире. Производительность труда в промышленности страны была в 2—3 раза ниже, чем в промышленно развитых странах. Государственный протекционизм и политика автаркии создали «парниковые» условия для ведущих финансовых групп, что привело к технологическому отставанию даже электрической и химической отраслей промышленности, машиностроения⁸⁸. Либертини и Грифоне придерживаются мнения, что фашизм смог обеспечить крупному капиталу социальную стабилизацию ценой экономической стагнации⁸⁹.

Иной позиции придерживается Э. Фано Дамашелли. Он выражает несогласие с концепцией Грифоне «экономического застоя» Италии в период фашистской диктатуры. Э. Фано Дамашелли отмечает, что экономический спад после 1929 г. наблюдался во всех капиталистических странах, и предлагает сопоставить экономическое развитие фашистской Италии и других капиталистических стран в одни и те же годы, учитывая не только количественные, но и качественные показатели итальянской экономики, прежде всего связанные с монополистической концентрацией и государственным регулированием⁹⁰.

Прогрессивно-демократические исследователи в целом сходятся во мнении, что созданный в фашистский период механизм государственного регулирования не являлся наиболее коротким и эффективным путем ускорения капиталистического развития Италии. Незрелость социально-экономической инфраструктуры, обострение всего комплекса социальных проблем, углубление диспропорций в развитии производства и размещении производительных сил, непродуктивность военно-автаркического хозяйства, экономическая и политическая зависимость от нацистской Германии, поражение в войне — таков итог социально-экономической деятельности фашистского режима в Италии.

Вместе с тем в прогрессивно-демократической историографии имеются расхождения в оценке фашистского периода эволюции итальянского империализма. Для его характеристики используются следующие определения: «государственно-монополистический капитализм», «государственный капитализм», «военный государственно-монополистический капитализм», «зрелый капитализм», «организованный государственный капитализм». Л. Виллари полагает, что применительно к этому периоду итальянского капитализма определение «государственно-монополистический» не является точным. На самом деле в фашистской Италии существовала система, которая в определенной степени была монополистической и технократической, но развивалась она не как государственная, а под видом государственной⁹¹. Э. Серени и Дж. Сантомассимо считают необходимым использование для данного случая понятия «государственно-монополистический капитализм»⁹². В связи с дискуссией по этому вопросу современный исследователь-марксист Л. Барка пишет: «Если в каждом отдельном случае не представляется возможным определить с точностью государственно-монополистический капитализм как прямой союз и сращивание государственного аппарата с монополиями, то было бы куда более опасной ошибкой, исходя из этого, выдвигать концепцию о государстве как нейтральном, надклассовом и объективном посреднике...»⁹³

Исследователи прогрессивно-демократической ориентации, несмотря на расхождения в оценке содержания этапа, пройденного итальянским капитализмом в годы

фашистской диктатуры, указывают на неразрывную связь происхождения и сущности фашистского режима в Италии с интересами монополистического капитала.

§ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА

Важное место в эволюции фашистского режима занимали Национальная фашистская партия (НФП) и корпоративная система.

Националист Р. Федерцони утверждал, что фашистская партия «есть отрицание концепции партии»⁹⁴. Называя НФП «революционным авангардом», он вместе с тем указывал, что она не принимает на себя ответственность за суверенное государство, поскольку эти функции выполняет фашистское правительство⁹⁵.

Еще более определенно относительно разграничения обязанностей между правительством и партией высказывался Р. Форджес Даванцати. «Режим подчиняет все», — категорично заявлял он. «После похода на Рим фашизм — это правительство, ДМНБ, корпорации, партия»⁹⁶. Напротив, Р. Фариначчи, федеральный секретарь НФП, настаивал на том, что партия должна стоять над государственными органами, и на ее съезде должны рассматриваться основные вопросы строительства фашистского режима»⁹⁷.

Муссолини поддержал позицию Федерцони и 30 марта 1927 г. последовало смещение Фариначчи с поста секретаря НФП. Необходимо отметить, что за Фариначчи стояли те силы в НФП, которые видели в гегемонии фашистской партии условие реализации их устремлений. Вопрос о приоритете был решен в пользу правительства, т. е. в духе националистических разработок. Это закрепило устав НФП, утвержденный в ноябре 1932 г.: «Национальная фашистская партия является гражданской боевой организацией, действующей по приказу дуче и находящейся на службе фашистского государства»⁹⁸. Последующие изменения в Уставе не коснулись этого параграфа.

Этот факт явился итогом сложного процесса эволюции фашистского движения. П. Тольятти считал, что новая концепция партии решительно отличается от первоначальной, которая исходила из того, что «партия

должна быть доминирующим фактором, должна быть всеобъемлющей»⁹⁹. Принятие новой концепции партии сопровождалось массовым обновлением руководящего состава НФП, завершившимся в основном лишь к 1927 г.

Место партии в фашистском режиме не устраивало определенную часть массовой базы. С этой точки зрения разрыв между представлениями части массовой базы о фашистском «порядке», которые сложились под воздействием собственных иллюзий или фашистских социальных мифов, и реальностью фашистского режима действительно произошел. Могла ли фашистская партия занять иное место в политической структуре? Формы взаимоотношений между НФП и фашистским правительством могли варьироваться, однако осталась бы неизменной их сущность, впрочем, как и основная функция фашистской партии быть боевой организацией на службе данного государства, обеспечивать идеологическое и организационное подчинение масс правящим классам. Фашистская партия прошла логичный и закономерный путь к тому, чтобы стать для монополистической буржуазии «политической организацией нового типа, приспособленной к условиям открытой диктатуры над трудящимися классами»¹⁰⁰.

Фашистские «архитекторы» «нового» государства считали либеральный режим архаичным и неэффективным инструментом, неспособным к управлению обществом. Они противопоставили ему авторитарное государство, реализованное с помощью ряда конституционных и государственно-юридических преобразований, которые положили конец формальному разделению власти на законодательную и исполнительную, ликвидировали буржуазно-демократические свободы. Одной из центральных задач при этом стало «приручение» фашистских профсоюзов, которые прошли путь от фашистского синдикализма к корпоративизму. Корпоративизм определял специфические особенности фашистского режима в Италии. Корпоративная система представляла собой сложный организм, выполнявший социальные, политические, экономические и идеологические функции.

Муссолини утверждал, что «фашистское государство или корпоративное или нефашистское»¹⁰¹. Историк-марксист Э. Сантарелли считает корпоративизм «наиболее значительным и симптоматичным проявлением

кризиса итальянского общества в цикле фашизма»¹⁰². Он рассматривает корпоративную систему как один из «элементов защиты и поддержки монополистического капитализма в новых условиях в фашистском государстве»¹⁰³. Дж. Сантомассимо отмечает, что выделение социального аспекта корпоративизма продолжалось вплоть до 1934 г. В 1934 г. фашистские идеологи обратились к имперским и геополитическим мифам, заявив об их преобладании над социальными. В дальнейшем обращение к теме корпораций носило скорее ритуальный характер. Что касается функционирования корпоративной системы, то оно определялось все теми же законами А. Рокко¹⁰⁴.

Корпоративное строительство отмечено следующими важнейшими вехами: основание национальных синдикалистских корпораций (1922 г.), принятие Хартии труда (1927 г.), утверждение закона о корпорациях (1934 г.), учреждение палаты фаши и корпораций (1939 г.). Идейная матрица фашистского корпоративизма формировалась под воздействием как традиционных идеологий, претерпевших существенную деформацию, пройдя через горнило мировой войны, так и новых идеологических построений, порожденных общим кризисом капитализма.

Множественность интерпретаций фашистскими идеологами концепции корпоративизма, указывал П. Тольятти, является одним из факторов, затрудняющих его изучение, ибо она таит в себе опасность, что высказывания того или иного теоретика корпоративизма могут быть приняты за чистую монету, слова перепутаны с делами, декларативные обещания фашизма — с тем, что на деле представляет собой итальянская действительность¹⁰⁵. Например, сорелевский синдикализм в Италии оказался зараженным национализмом мировой войны, утратил часть присущих ему традиционных черт и проявился в корпоративистских построениях. Корпоративизм как концепция классового сотрудничества имел также истоки в правых мелкобуржуазных, антимарксистских социалистических течениях, которые возникли в рамках II Интернационала. Источником корпоративизма была также социальная «межклассовая» идеология католицизма, проявившаяся в папских энцикликах 1891 и 1931 гг.

А. Грамши писал в декабре 1917 г.: «Итальянская буржуазия в своем развитии подошла к корпоративной стадии. Националисты являются поборниками «прав» нации...»¹⁰⁶. Корпоративистские идеи распространяли националистические интеллектуальные группы. Заметную роль в них играл националист Ф. Карли. Его книги «Богатство и война» (1915), «Другая война» (1916), «Буржуазия между двумя революциями» (1922) содержали идеи об «интегральной экономике Италии», в которой профессиональные организации, охватывающие все силы труда и государственное вмешательство в национальную экономику, будут определять ее лицо¹⁰⁷. «Юридическим органом нации» и «высшим представителем экономической организации» будет «новое» государство, установленное в результате «фашистской революции». Отправным пунктом корпоративизма Карли был опыт средневековых коммун и корпораций. По словам Э. Сантарелли, обращение к корпоративистской концепции было вызвано разнообразными явлениями в общественно-политической и экономической жизни страны, вставшей на путь империализма,— задачами интеграции экономически разобщенных районов страны, поисками правящими кругами альтернативных решений в ответ на возрастающую политическую и профессиональную организованность трудящихся, политическим и институциональным кризисом либерального режима, устремлениями самого падроната к политической организованности. Эти тенденции принимали разнообразные формы. Э. Сантарелли пишет, что в 1920 г. «хозяева пара» Аньелли и Синигалья склонялись к установлению новых корпоративных отношений между трудом и капиталом. Этим же цели отвечали «патерналистские» и иные направления социальной политики определенных промышленных и аграрных групп¹⁰⁸.

Сквадризм и корпоративизм явились реакцией фашистов на разрыв классовых организаций трудящихся. 29 октября 1922 г. был принят декрет о регистрации профессиональных организаций, 27 апреля 1923 г. последовало упразднение министерства труда, а вскоре и Национального совета труда, на место которого планировался Совет производства и труда. Начался долгий путь государственного корпоративизма, который сопровождался усилением позиций работодателей и практи-

ческой ликвидацией классовых политических и профессиональных организаций трудящихся.

Фашистские профсоюзы осуществляли политику «классового сотрудничества». Этой цели отвечало подписанное в октябре 1925 г. в Палаццо Видони соглашение между фашистскими профсоюзами и Конфиндустрией о признании за первыми права быть единственными представителями трудящихся. Соглашение было оформлено в закон от 3 апреля 1926 г., а 21 апреля 1927 г. Хартия труда отменила самостоятельные классовые организации пролетариата. П. Тольятти указывал на огромную роль фашистских профсоюзов в корпоративной перестройке режима. Профсоюзный закон 1934 г., в соответствии с которым местным профсоюзам была передана функция заключения коллективного трудового соглашения (низовые фашистские профсоюзные организации строились на основе выборности), создавал впечатление, будто корпоративная система организуется на демократической основе. Фашизм изменил профсоюзную структуру, стремясь с помощью этого маневра сблизиться с массами. Вместе с тем, П. Тольятти предостерегал против рассмотрения фашистских профсоюзов как монолита без контрастов и противоречий. Он напоминал ленинское положение о том, что всякая массовая организация трудящихся, пусть даже самая реакционная, неизбежно становится отправным пунктом и полем классовой борьбы¹⁰⁹. Фашистское руководство стремилось обеспечить массовую базу режима и вместе с тем не допустить образования организованного плацдарма классовой борьбы. Это определяло его синдикалистскую политику. Осуществленная в 1928 г. деблокация представляла собой ликвидацию единой фашистской Конфедерации лиц наемного труда и подчинение ее раздробленных частей министерству корпораций.

Мероприятия, осуществленные в рамках фашистской корпоративной системы, не могли служить интересам всех групп финансовой олигархии. Вполне возможно, что некоторые из мероприятий предвосхищали задачи текущего момента и не встречали поддержки господствующих классов. В этом проявлялась определенная самостоятельность политической власти, которая при решении тех или иных вопросов могла отвлечься от узкогрупповых интересов. Но в основном и главном фа-

шистская корпоративная система отвечала логике государственно-монополистического регулирования. Она обеспечивала наиболее благоприятные условия эксплуатации труда.

Вопросы корпоративного строительства были предметом довольно оживленного обсуждения на страницах фашистских периодических изданий.

Один из проектов корпоративной системы был разработан под руководством министра корпораций Дж. Боттаи. По его замыслу министерство корпораций должно было осуществлять политическое руководство экономикой, ее программирование в качестве долговременной политики рационализации экономики. В 1932 г. Боттаи был смещен с поста министра корпораций и его портфель был передан Муссолини. «Очень короткую весну» корпоративизма, провал корпоративной системы и «наиболее оригинального вклада» фашизма он связывал с «несостоятельностью личностей, а не системы»¹¹⁰.

Р. Де Феличе предпринял попытку определить отношение Муссолини к проблеме вмешательства государства в экономику. Он считает, что если Муссолини не преследовал антикапиталистических намерений и не собирался ни в малейшей степени изменять частнокапиталистический порядок в итальянской экономике, то он все-таки исключал возможность перенесения на экономический мир, особенно на банки и крупную промышленность, принципа режима: «все в государстве, ничего вне государства, ничего против государства». Де Феличе указывает на заявление Муссолини о необходимости создания «новой экономики», которая преодолела бы «бесконтрольность и анархию индивида», но вместе с тем не была бы монополизирована государством. Частная собственность и инициатива не должны ставиться под вопрос, но «осуществление права собственности не может оставлять в стороне интересы общего порядка»¹¹¹.

Де Феличе полагает, что с помощью политики растущего вмешательства государства в экономику Муссолини рассчитывал установить контроль над некоторыми важными ее институтами. Однако он отказался от управления экономикой с помощью планирования и программирования, что предлагали осуществить некоторые фашистские деятели. Де Феличе считает, что это про-

изошло по трем причинам: политической, психологической и идейной.

В политической области это, якобы, было связано с «политикой общего равновесия, на котором основывалась сама система»¹¹². В этой ситуации «фронтальное столкновение с крупными экономическими силами было почти невысказано»¹¹³. Этим Де Феличе объясняет заявление Муссолини от 5 декабря 1931 г., которое разъяснило позицию правительства в связи с проведением мероприятий государственно-монополистического характера, вызвавших различные толкования. Рассматривать «Институт мебели итальяно» как инструмент, созданный для осуществления катастрофических трансформаций в экономической структуре итальянского общества, было бы абсурдным. Верным является то, что речь идет о средствах энергичного приведения итальянской экономики к корпоративной фазе, т. е. речь идет о системе, которая соответствует в основном частной собственности и частной инициативе, но также стремится к тому, чтобы они развивались в рамках государства, поскольку, как заявлял Муссолини, только ему принадлежит право покровительствовать тому или другому, контролировать и стимулировать¹¹⁴.

Можно не согласиться с оценкой Де Феличе взаимоотношений между политическим руководством и финансовой олигархией, когда он указывает на их «автономию» и «независимость» друг от друга. Однако он верно подметил, что дискуссия в фашистской печати по поводу корпоративной системы и государственно-регулирующих мероприятий вызвала обеспокоенность в промышленно-финансовых кругах. Один из авторитетных представителей делового мира В. Чини требовал «возврата к частной экономике» во имя интересов государства, которое, будучи освобожденным от государственной собственности, сможет лучше выполнять свои посреднические и оздоровительные функции в экономике, установив дисциплину и контроль.

Мероприятия по государственному вмешательству Муссолини стремился представить как чрезвычайную и временную меру, чтобы не усилить беспокойство делового мира. Он избегал наращивания функционального аппарата, опасаясь, что это приведет к разбуханию бюрократических институтов государства, а также воспроти-

вился проектам предоставления значительной и исключительной власти корпоративным органам, полагая, что это ослабит позиции центральных органов и даст преимущества региональным и отраслевым. Наконец, Муссолини был против формирования технократической (особенно корпоративной) прослойки, которая рано или поздно попыталась бы взять в свои руки управление государством.

Среди психологических мотивов, обусловивших сдержанное отношение главы правительства к корпоративизму, Де Феличе выделяет его неуверенность в эффективности предлагаемых мер, замкнутость Муссолини, недоверие к людям. В «великой депрессии» Муссолини усматривал кризис капиталистической системы, выход из которого он видел в разработке «альтернативного» пути — «новой фашистской цивилизации». Задача формирования фашистского «стиля жизни» сместила корпоративную идею на второй план.

Нельзя сказать, что Р. Де Феличе не видит связи между формированием корпоративистского механизма и социально-экономическим развитием страны. Однако установленные им отношения не детерминированы особенностями определенного этапа развития итальянского капитализма. В начале 30-х гг., пишет Де Феличе, фашистский корпоративизм делал первые шаги и не выходил за рамки исключительно политико-пропагандистских лозунгов. Корпоративистская конференция, состоявшаяся в Ферраре в 1932 г., прояснила различие подходов к концепции корпоративизма, показав, с одной стороны, их несовместимость, с другой — множественность, с третьей — абсурдность их превращения в экономическую систему, которая могла бы противостоять либеральному капитализму и коммунизму¹¹⁵.

В оценке корпоративизма Де Феличе исходит из его незавершенности, а дискуссии по вопросам корпоративного строительства склонен рассматривать как схоластические споры. В какой-то степени эта точка зрения совпадает с мнением Д. Боттаи, который определил закон 1934 г. как «корпоративизм без корпораций», делая акцент на бюрократическом аспекте фашистского режима¹¹⁶.

Исследователи прогрессивно-демократической ориентации считают упрощенным подобный подход к теме

итальянского корпоративизма. Дискуссии о корпоративизме отражали классовые и групповые интересы капиталистического общества. Даже в энциклике католической церкви, указывает Сантомассимо, которая была оглашена в 1931 г., содержалось открытое одобрение институтов фашистского корпоративизма¹¹⁷. Международная «фортуна» корпоративизма, пишет Д. Сантомассимо, объясняется лихорадочным поиском выхода из глубокого идейного кризиса, охватившего западный мир в 1929 г., поиском «третьего пути», который бы позволил буржуазии избежать «ужасов» большевизма. Д. Сантомассимо считает, что фашистский корпоративизм играл прежде всего идеологическую роль, он должен был расширить массовую базу режима и одновременно служить «смирительной рубашкой» для профсоюза¹¹⁸. Ф. Каталано приводит слова Муссолини о том, что синдикализм не может оставаться самим собой, он «либо растворится в политическом социализме, либо в фашистском корпоративизме»¹¹⁹.

Последователи «новой» концепции рассматривают политику фашистского государства фактически вне связи с его классовой сущностью и функцией, в отрыве от интересов группировок монополистического капитала, указывают на абсолютную независимость фашистского режима от последних. Современный исследователь Э. Джентиле считает фашистский миф «нового» государства «неотъемлемой частью реальности массовых политических движений современности»¹²⁰. Фашизм, по его мнению, был одним из первых антилиберальных движений, которое имело свою концепцию политики и государства. Ее сущность заключалась в «примате политики». Государство было для Джентиле высшим выражением существования человека, абсолютной формой коллективной жизни, высшей формой организации человеческой цивилизации. Центральное место в фашистской концепции занимал миф тоталитарного государства. Джентиле высказывается против использования концепции тоталитаризма в качестве общего знаменателя различных политических режимов и движений. Среди них, утверждает историк, только фашистский режим в Италии сделал достижение тоталитарного государства основной целью осуществляемой им «революции». Для германского нацизма государство явля-

лось инструментом для достижения иных целей. Джентиле связывает возникновение мифа «нового» государства с традициями Рисорджименто и национального итальянского государства. Он допускает, что в процессе его претворения в жизнь фашистским режимом были допущены «извращения» и «ошибки», которые он относит к просчетам политического руководства. Несмотря на медленное строительство фашистского государства, наличие в нем разнородных и зачастую противоречивых элементов, Джентиле считает, что оно явилось воплощением мифа «нового» государства. Таким образом, происхождение фашистского движения и режима, институтов фашистского государства Э. Джентиле всецело связывает с существованием в современном мире потенции иррационального мифического сознания, которое в критические моменты истории внезапно овладевает массами ¹²¹.

В книге Э. Джентиле «Миф нового государства» выдвигается еще один тезис, на который хотелось бы обратить внимание. Автор книги утверждает, что в создании послевоенной Итальянской республики приняли участие политические силы, которые не были связаны с традициями Рисорджименто и идеями национального государства. В связи с этим в середине 40-х гг. произошел перелом в истории современной Италии, который означал завершение эпохи духовной культуры и политического сознания, связанных с традициями Рисорджименто. Отсюда можно сделать два вывода: послевоенное антифашистско-демократическое развитие Италии означало «разрыв» с традицией итальянского Рисорджименто, фашистский режим, напротив, обеспечивал эту преемственность ¹²².

Обстоятельный анализ фашистской диктатуры как реакционного массового режима дан историком-марксистом Дж. Сантомассимо. Отправным пунктом строительства фашистского тоталитарного государства он считает 1926 г., однако подчеркивает, что речь идет о трансформации политических институтов в рамках все того же фашистского режима как продолжении ранее начатой политики ограничения демократических свобод, а в 1926 г. произошел качественный скачок, переход к открытой и тоталитарной диктатуре фашистского режима. Наиболее важными элементами авторитарной перестрой-

ки институтов итальянского государства, по мнению Сантомассимо, являются учреждение Особого трибунала, ликвидация автономии местных органов, запрет на деятельность политических и профессиональных организаций оппозиционных сил, учреждение государственных институтов — магистратуры труда и министерства корпораций — с целью установления контроля над трудящимися массами.

Сантомассимо полагает, что осуществляемая фашистским режимом реорганизация политической жизни не всегда следовала заранее обдуманном, органичным и рациональным политическим решениям. Однако это отнюдь не означает, что внутренняя политика фашизма была полностью лишена логики. Суть заключалась в том, что авторитарное государство больше не могло позволить себе быть олигархическим. Если либеральный режим ограничился контролем над автономными политическими организациями трудящихся, то фашистский режим стремился сломать их и осуществить собственную организацию широких социальных слоев и классов. В этом плане фашистский режим, по сравнению с либерально-демократическим, добился наибольшего единения общества вокруг правящего блока и максимального подчинения антагонистических классов и социальных сил. Большое значение Сантомассимо отводит заключению в 1929 г. Латеранского соглашения, которое позволило вовлечь в орбиту фашистского режима католические массы, находившиеся вне сферы влияния политического режима со времени объединения итальянского государства. Только с этого момента, полагает Сантомассимо, можно говорить о реакционном массовом режиме. Сантомассимо выделяет оба признака фашистского режима, отмечая при этом, что в концепции фашизма Р. Де Феличе опущен один из них — «реакционный», что ведет к искажению исторического анализа¹²³.

Исследователь характеризует фашистский режим как реакционный, массовый, основной особенностью которого было то, что он не ограничивался подавлением политических организаций трудящихся, а стремился к объединению масс под своим руководством. Здесь Сантомассимо затрагивает тему «консенсуса», вызвавшую бурную полемику в итальянской историографии. Позиция Сантомассимо близка к той, которую выразил в 1976 г.

видный деятель ИКП Дж. Амендола. Оценивая политическую обстановку в Италии 30-х гг., Дж. Амендола писал: «Мы имели рабочий класс, не завоеванный фашизмом, но относящийся с подозрением к каким-либо формам (антифашистской.— В. М.) агитации, не откликающийся на обращения партий, закрытый в себе, ожидающий прояснения обстановки. Отсюда, когда речь идет о консенсусе в связи с полемикой, поднятой книгами Де Феличе, необходимо разобраться в типах консенсуса. Согласие — это слово весьма двойственно; впрочем, как и несогласие»¹²⁴. Развивая эту мысль, Сантомассимо пишет о том, что фашистский режим имел реальный консенсус, который был достигнут сначала посредством сквадристского насилия, затем с помощью репрессивного аппарата режима, техники массовой пропаганды, форм организации масс и воздействия на общественное сознание.

Массовые фашистские политические организации объединяли к октябрю 1937 г. 609 тыс. человек, их дополняли корпоративистские организации, «дополоворо», женские. Дж. Сантомассимо предостерегает от недооценки воздействия разветвленных фашистских организаций на массы. Он напоминает, что в связи с разработкой коммунистами тактики антифашистской борьбы руководство ИКП исходило из самого серьезного отношения к противнику. Тольятти указывал на необходимость трудной и упорной работы партии, чтобы перерубить связи фашизма с массовой базой. «Ошибочно полагать, что эти связи разрушатся сами собой», — подчеркивал Тольятти¹²⁵.

Важно учитывать, пишет Сантомассимо, что фашистская власть — это не только полицейский режим. Но было бы серьезной ошибкой забывать о том, что она является также полицейским режимом. Фашизм опирался на репрессивный аппарат на протяжении всего времени пребывания у власти. Присущие фашистскому реакционному массовому режиму такие признаки, как «насилие» и «консенсус», всегда были самым тесным образом связаны между собой. В этом Сантомассимо решительно расходится с Де Феличе, который утверждает, что насилие было характерно только для первых лет режима, в 1929-1934 гг. фашистский режим добился «максимального консенсуса и стабильности»¹²⁶. Санто-

массимо, напротив, подчеркивает, что фашизму никогда не удавалось установить полный и настоящий контроль над массами. Даже в рамках правящего блока всегда находились силы, которые проводили политическую стратегию дальнего прицела, чтобы не оказаться захваченными врасплох при смене форм политической власти. Сопротивление фашистскому режиму носило как политический, организованный, так и стихийный характер. Это подтверждают десятки тысяч приговоров, вынесенных Особым трибуналом. Без учета этих особенностей отношений между фашистским режимом и различными социальными слоями итальянского общества невозможно установить обстоятельства организации мощного движения Сопротивления в Италии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В послевоенный период существенно расширилась сфера воздействия марксистских исследований на эволюцию итальянской историографии фашизма и формирование прогрессивно-демократического блока, ориентированного на марксизм. Значительным является вклад итальянской марксистской науки в исследование национальных и общих признаков фашизма, в разработку общего марксистского подхода к определению сущности фашизма. Не сразу сложилось подлинно научное понимание фашизма. На первых порах в марксистских работах преобладали представления о правящем классе и буржуазных идейно-политических течениях как о монолите, отсутствовало разграничение фашистской и буржуазно-парламентской форм правления, происхождение фашизма связывалось со слабостью буржуазии и неразвитостью экономической структуры в Италии. Фашизм представлялся как идеология мелкой городской и сельской буржуазии, выступающей в качестве агента капиталистов и земельных собственников. Неполнота и неточность оценок фашизма сдерживали его изучение и разработку эффективной антифашистской стратегии коммунистов. Однако с самого начала в оценке фашистского феномена марксисты руководствовались правильными научными и политическими ориентирами, рассматривая фашизм как крайне реакционную и контрреволюционную политическую силу буржуазии и связывая его происхождение с особенностями развития монополистического капитализма.

Итальянские марксисты внесли вклад в подготовку нового определения фашизма, которое было принято XIII пленумом Исполкома Коминтерна (1933 г.)¹. В нем содержатся основные элементы типологических критериев: *классовый* — диктатура империалистических элементов финансового капитала и *функциональный* — терро-

ристическая диктатура. Это определение остается основополагающим для современных исследователей-марксистов в Италии. Фашистская форма власти используется монополистической буржуазией в тех случаях, когда прежний политический механизм в силу ряда обстоятельств утрачивает свою эффективность и перестает обслуживать ее интересы.

Неустойчивость историографических концепций и множественность теоретико-методологических подходов к изучению фашистского феномена являются одним из проявлений кризисного состояния буржуазной историографии фашизма, ее неспособности проникнуть в существо фашистского феномена. Выделим наиболее типичные представления о фашистском феномене в итальянской немарксистской историографии. Фашизм — это случайное явление, отклонение от нормального развития; продукт моральной болезни; кризис светского общества; революция средних слоев; превентивная буржуазная революция (контрреволюция) против «красной» опасности; продукт типичного капиталистического общества; результат деятельности харизматической личности; проявление национального сознания масс. В одной из своих последних публикаций Р. Ромео утверждал, что национальная патриотическая идеология, возникшая вместе с Французской революцией и идеями романтизма, была в своей основе народной и стремилась интегрировать массы в нацию и государство (в первом случае — национал-социализм, во втором — фашизм)². Во всех этих случаях проблема фашизма сводится к выделению одного из реальных или надуманных, мифических признаков, что в конечном итоге ведет к затушевыванию классового содержания фашизма и подмене вопроса о сущности фашизма вопросом о формах осуществления фашистской власти.

Концептуальные и методологические поиски буржуазной историографии направлены на создание действенной альтернативы марксистской историографии фашизма. Надежность методологической опоры марксистских исследований еще не является гарантией устойчивого успеха в противоборстве с буржуазной историографией. Передовые позиции марксистской науки необходимо систематически подкреплять исследованиями по актуальным темам. Развитие немарксистской историографии

в послевоенный период показывает, что ей удастся временами перехватить инициативу в изучении отдельных сторон фашистского феномена и на этих участках дать серьезный бой марксистской исторической науке. Отставание марксистских исследований положения различных классов и социальных групп при фашистском режиме явилось одной из причин выдвижения «новой» историографией вопроса о консенсусе. Отметив полезность начатой Р. Де Феличе дискуссии по этому вопросу, историк-марксист Г. Тури обратил внимание на неразработанность самого понятия «консенсус». В фашистском политическом словаре говорилось о консенсусе как «иерархическом подчинении масс созидательной воле вожака»³. В большей степени, чем к политике консенсуса, фашистский режим прибегал к насильственному подчинению масс, пишет Г. Тури. Широкое распространение различных форм пассивного сопротивления масс фашизму не вписывается в традиционное представление о массовом консенсусе в отношении этого режима. Мы еще недостаточно изучили, заключает Г. Тури, в какой форме и до каких пор фашизм отвечал интересам господствующих групп и какие изменения произошли в рабочих и крестьянских массах, в средних слоях и даже в правящей элите за годы фашистской диктатуры⁴.

В рамках темы о консенсусе, пишет Г. Куацца, заслуживает самого пристального внимания тот факт, что в рядах антифашистского партизанского движения молодежь составляла 80—85 %. Это была социальная группа, чья зрелость пришлась на период фашистской диктатуры. В эти годы из страны были вынуждены эмигрировать рабочие, крестьяне, интеллигенция, всего около миллиона человек. В годы так называемого консенсуса 130 тыс. итальянских эмигрантов вступили в коммунистические профсоюзы во Франции⁵. Очевидно, что постановка вопроса о консенсусе требует значительно более глубокого анализа, чем это сделал Р. Де Феличе.

Вершиной научного исследования исторического феномена, в данном случае фашизма, является применение типологического анализа. В итальянской марксистской литературе разработка вопроса о сущностных и специфических признаках фашистских режимов имеет давнюю традицию. На важность постановки этого вопроса

указывал П. Тольятти: «Это сопоставление (с Германией.— В. М.) хорошо показывает различия между двумя формами фашистского режима, равно как и имеющиеся между ними элементы аналогии»⁶.

В «новой» историографии прослеживается скептическое отношение к типологическим схемам. К каким результатам это приводит? Преувеличение национальных особенностей фашистских режимов и отрицание общих, существенных черт ведет к исключению даже возможности сформулировать определение фашизма, используются понятия «городской», «пограничный», «аграрный», «индустриальный» фашизм⁷. Р. Де Феличе утверждает о чрезмерных различиях между итальянским фашизмом и национал-социализмом. Эти расхождения, по его мнению, проявились в различном подходе к расизму, который был характерен только для Германии. В Италии не было «ни террора, ни концлагерей, тоталитаристскими являлись лишь некоторые аспекты политики, так и не осуществленные полностью и не приспособленные к концепции тоталитаризма, как это было у нацистов»⁸. Прав Э. Коллотти, когда пишет, что Де Феличе в противопоставлении итальянского фашизма как «менее зловредного» германскому, по существу, выдает индульгенцию первому и лично Муссолини⁹.

Р. Де Феличе стремится доказать, что исторические пути итальянского фашизма и германского национал-социализма разошлись с момента их зарождения, и в качестве доказательства ссылается на различие в их подходе к концепции «нового человека». В Италии эта концепция основывалась на идее прогресса, в Германии — на его отрицании. Из этого он делает вывод, что в первом случае имеет место левый тоталитаризм, во втором — правый¹⁰. Круг, как видим, замкнулся: начал с отрицания типологических схем. Р. Де Феличе вернулся в конечном итоге к пресловутой реакционной концепции «тоталитаризма». Эти выводы Де Феличе, а также утверждения о «биологическом вымирании» фашизма, о полном отсутствии его угрозы в современном буржуазном обществе содействуют приуменьшению фашистской опасности, снимают ответственность с крупного капитала за поддержку фашистского движения в прошлом и настоящем.

Оценивая современный этап эволюции итальянской буржуазной исторической науки и формирования в ней

влиятельной «новой» историографии, необходимо отметить, что за концептуальной перестройкой просматривается прежде всего усиление воинствующего антимарксизма и ослабление антифашистской нацеленности исторической литературы. Переход на позиции так называемой «нефашистской» историографии значительной группы итальянских исследователей ослабляет антифашистский блок в итальянской исторической науке. Между тем одной из важных функций исторической науки является идейно-политическая. Ссылки некоторых буржуазных исследователей на «нейдеологические» и «беспристрастные» интерпретации истории фашизма являются ни чем иным, как попыткой снять с себя моральную ответственность за результаты научной деятельности. Уроки прошлого и возрастающая политизация современных исторических наук предъявляют повышенные требования к нравственному долгу и политической ответственности исследователей фашизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ВВЕДЕНИЮ

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 13.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 88.

⁴ Историко-философский анализ основных буржуазных историографических направлений дан в работах советских авторов: *Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики. М., 1980; *Могильницкий Б. Г.* Тенденции развития современной буржуазной исторической мысли // *Вопр. истории.* 1987. № 2; *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; *Согрин В. В.* Критические направления немарксистской историографии США XX в. М., 1987.

⁵ *Григорьева И. В.* Исторический анализ фашизма в работах Антонио Грамши // *Новая и новейшая история.* 1973. № 5; *Комолова Н. П., Филатов Г. С.* Проблемы фашизма и антифашизма в современной итальянской историографии // *Критика современной буржуазной и реформистской историографии.* М., 1974; *Лопухов Б. Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968; *Рахшмир П. Ю.* Историография западно-европейского фашизма // *История фашизма в Западной Европе.* М., 1978; *Филатов Г. С.* Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984.

⁶ *Григорьева И. В., Филатов Г. С.* Итальянская историография // *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки.* М., 1968; *Григорьева И. В.* Итальянская историография // *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки.* М., 1977.

⁷ *Рахшмир П. Ю.* Буржуазная историография западноевропейского фашизма: Дис. ...д-ра ист. наук. Пермь, 1975.

⁸ *Михайленко В. И.* Итальянская историография о происхождении и сущности фашизма. Свердловск, 1985.

К ГЛАВЕ I: ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФАШИЗМА В ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

¹ История фашизма в Западной Европе. С. 65—76; История Италии. М., 1971. Т. 3. Гл. 1; *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977. Гл. 1, 2.

² *Padulo G.* Appunti sulla fascistizzazione della stampa // *Archivio storico italiano.* 1982. № 511. P. 104.

³ *Ibid.* P. 83—86, 96—97, 114—115; *Castronovo V.* La stampa italiana dall'Unità al fascismo. Bari; Roma, 1970; *Tranfaglia N.*

La stampa quotidiana e l'avvento del regime // La stampa italiana nell'età fascista. Roma; Bari, 1980.

⁴ Archivio Centrale dello Stato, Ministero della Cultura Popolare (далее — ACS, MCP), b. 88, fasc. 13; b. 158, fasc. 5.

⁵ Ibid., b. 87, fasc. 1; b. 88, fasc. 14.

⁶ Ibid., b. 88, fasc. 12; b. 87, fasc. 1; b. 160.

⁷ Ibid., b. 165, fasc. 24; b. 88, fasc. 9. 10.

⁸ *Zagarrio V.* Fascismo e intellettuali // Studi storici. 1981. № 2. P. 295; *Turi G.* Il progetto dell'Enciclopedia italiana // Ibid. 1972. N 1. P. 101.

⁹ *Gentile G.* L'Istituto Nazionale fascista di cultura // Educazione politica. 1925. N 10. P. 457—469; *Vittoria A.* Totalitarismo e l'intellettuali // Studi storici. 1982. N 4. P. 817.

¹⁰ Educazione politica. 1926. N 9. P. 503—508.

¹¹ *Vittoria A.* Totalitarismo... P. 907.

¹² Ibid. P. 898, 903.

¹³ *Turi G.* Il fascismo e il consenso degli intellettuali. Bologna, 1980.

¹⁴ *Zagarrio V.* Fascismo... P. 294—295.

¹⁵ *Turi G.* Il fascismo... P. 38; Idem. Il progetto ... P. 100.

¹⁶ *Montenegro A.* Politica estera e organizzazione del consenso // Studi storici. 1978. N 4; *Decleva E.* Politica estera, storia, propaganda: l'ISPI di Milano e la Francia, 1934—1943 // Storia contemporanea. 1982. N 4—5.

¹⁷ *Amendola G.* Intervista sull'antifascismo. Roma; Bari, 1976. P. 148.

¹⁸ *Грамуш А.* Избранные произведения: В 3 т. М., 1959. Т. 3. С. 457.

¹⁹ Там же. С. 457—459.

²⁰ Там же. С. 464.

²¹ Там же. С. 465.

²² Там же. С. 463.

²³ *Эфирова С. А.* Итальянская буржуазная философия XX в. М., 1968. С. 31.

²⁴ *Togliatti P.* Momenti della storia d'Italia. Roma, 1973. P. 300.

²⁵ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. Milano, 1981. P. 186—187.

²⁶ *Gentile G.* La riforma dell'educazione. Bari, 1920. P. 20.

²⁷ *Эфирова С. А.* Итальянская буржуазная философия XX в. С. 80—100.

²⁸ *Алатри П.* Происхождение фашизма. М., 1961. С. 30.

²⁹ *Manacorda G.* Storia della letteratura italiana tra le due guerre: 1919—1943. Roma, 1980; Giovanni Papini: Atti del convegno di studio nel centenario della nascita. Firenze, 4—6 febbraio 1982 / A cura di Gentili S. Firenze, 1983. P. 347—351.

³⁰ *Santarelli E.* Storia del fascismo. Roma, 1981. V. 1. P. 515.

³¹ Ibidem.

³² *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Torino, 1977. P. 1114; цит. по: *Кин Ц.* Алхимия и реальность. М., 1984. С. 66.

³³ Paese sera. 1982. 6 gennaio. P. 5; Mangoni L. L'interventismo della cultura. Roma; Bari, 1974. P. 241.

³⁴ *Marino G.* Autarchia della cultura: intellettuali e fascismo negli anni trenta. Roma, 1983.

³⁵ Цит. по: *Gentile E.* Il mito dello Stato nuovo dall'antigiolitismo al fascismo. Roma; Bari, 1982. P. 264.

- ³⁶ Цит. по: *De Felice R.* Mussolini il duce. Torino, 1974. V. 1.
- P. 38.
- ³⁷ Философский энциклопедический словарь. М., 1985. С. 741.
- ³⁸ *Santarelli E.* Storia del fascismo. V. 2. P. 52.
- ³⁹ *De Felice R.* Mussolini il duce. Torino, 1981. V. 2. P. 387, 405.
- ⁴⁰ Ibid. V. 1. P. 36.
- ⁴¹ Le corporazioni fasciste / A cura di L. Lojacono. Milano, 1935.
- P. 23—44.
- ⁴² *Volpe G.* Storia del movimento fascista. Milano, 1939. P. 47.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ Ibidem.
- ⁴⁵ Ibidem.
- ⁴⁶ *Romeo R.* Italia moderna fra storia e storiografia. Firenze, 1977.
- P. 192; *Moscato R.* Gioacchino Volpe // Rassegna storica del Risorgimento. 1972. P. 89; *Di Giovanna G.* Il realismo storico di G. Volpe. Roma, 1977; *Spadolini G.* Fra storiografia e politica // Nuova antologia. 1980. Gennaio-marzo. P. 43.
- ⁴⁷ *Spadolini G.* Fra storiografia... P. 43.
- ⁴⁸ *Missiroli M.* Il fascismo e la crisi italiana. Bologna, 1921.
- ⁴⁹ Ibid. P. 15.
- ⁵⁰ Ibid. P. 19.
- ⁵¹ *Afeltra G.* Missiroli e la crisi dello Stato liberale // Nuova antologia. 1984. Luglio-settembre. P. 222.
- ⁵² *Missiroli M.* L'Italia d'oggi. Bologna, 1932. P. 209, 217—222.
- ⁵³ *Missiroli M.* Date e Gesare. Roma, 1929; *Канделоро Дж.* Католическое движение в Италии. М., 1955. С. 576.
- ⁵⁴ *Selvi G.* Le basi naturali della dottrina fascista // Gerarchia. 1926. N 4. P. 233—244.
- ⁵⁵ *Bruers A.* Per il rinnovamento della filosofia italiana // Ibid. P. 245—249.
- ⁵⁶ *Giugliano B.* Le ragioni storiche del fascismo // Ibid. N 6. P. 373—375.
- ⁵⁷ *De Felice R.* Mussolini il duce. V. 1. P. 38, 47.
- ⁵⁸ Лопухов Б. П. История фашистского режима в Италии. С. 114.
- ⁵⁹ *Nacci M.* La crisi della civiltà // Critica marxista. 1984. N 1—2. P. 213.
- ⁶⁰ *Mussolini B.* Opera omnia. Firenze, 1972. V. 24. P. 145.
- ⁶¹ *Arias G.* Il significato storico della crisi economica // Gerarchia. 1931. N 6. P. 482—487.
- ⁶² *Gorgolini P.* L'idea fascista all'estero // Ibid. 1925. N 6. P. 371—372.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ Gerarchia. 1926. N 3. P. 177—187.
- ⁶⁵ Ibid. 1931. N 2. P. 104, 110.
- ⁶⁶ Ibid. 1935. N 1. P. 58—62.
- ⁶⁷ Лопухов Б. П. История фашистского режима в Италии. С. 114.
- ⁶⁸ *Mussolini B.* La dottrina del fascismo. Roma, 1941. P. 25.
- ⁶⁹ *Lumbroso G.* Storia e antistoria // Gerarchia. 1937. N 1. P. 3—8.
- ⁷⁰ Ibid. 1927. N 2. P. 81—85.
- ⁷¹ Ibid. 1932. N 2. P. 109, 156.
- ⁷² *Panunzio S.* La conquista dello Stato // Ibid. 1937. N 2. P. 77—87.
- ⁷³ Цит. по: *Nacci M.* La crisi della civiltà. P. 223.

- ⁷⁴ Pellizzi C. Tradizione e rivoluzione // Gerarchia. 1927. N 5. P. 377—380.
- ⁷⁵ Цит. по: Nacci M. La crisi della civiltà. P. 224—225.
- ⁷⁶ Frattarolo L. Due trinomiali // Gerarchia. 1934. N 10. P. 855—857.
- ⁷⁷ De Ambris A. L'evoluzione del fascismo // L'evoluzione del fascismo: il giudizio politico. Roma; Bari, 1977. P. 197—216.
- ⁷⁸ Gerarchia. 1939. N 5. P. 308—315.
- ⁷⁹ Лопухов Б. П. История фашистского режима в Италии. С. 112.
- ⁸⁰ Battaglini G. Stato fascista Stato di popolo // Gerarchia. 1934. N 5. P. 360—362.
- ⁸¹ Assante A. «Stato spirituale» // Ibid. 1934. N 8. P. 665—667.
- ⁸² Gentile E. Il mito dello Stato nuovo... P. 235.
- ⁸³ Ibid. P. 240.
- ⁸⁴ Mussolini B. Opera omnia. V. 22. P. 100.
- ⁸⁵ Ibid. V. 25. P. 136.
- ⁸⁶ Цит. по: Ludwig E. Colloqui con Mussolini. Milano, 1950. P. 64.
- ⁸⁷ Mussolini B. Opera omnia. V. 21. P. 363; V. 24. P. 283.
- ⁸⁸ Volt (Fani Ciotti V.). Pedagogia imperiale // Gerarchia. 1926. N 6. P. 356—362.
- ⁸⁹ Gentile E. Il mito dello Stato nuovo... P. 244—245.
- ⁹⁰ De Francisci P. Civiltà Romana. Roma, 1939. P. 42—47.
- ⁹¹ Gerarchia. 1925. N 6. P. 365—370.
- ⁹² Merlini L. Il problema operaio nel corporativismo fascista // Ibid. 1930. N 5. P. 382—387.
- ⁹³ Arias G. Discussione // Ibid. 1930. N 5. P. 387—389.
- ⁹⁴ Ibidem.
- ⁹⁵ Gentile E. Il mito dello Stato nuovo... P. 245.
- ⁹⁶ Gerarchia. 1939. N 2. P. 85.
- ⁹⁷ Spinetti G. Nostra mistica // Gerarchia. 1938. N 2. P. 80—85.
- ⁹⁸ Critica fascista. 1939. 15 gennaio. P. 84—85.
- ⁹⁹ Bottai G. Concetto mussoliniano della «rivoluzione permanente» // Gerarchia. 1939. N 9. P. 592—599.
- ¹⁰⁰ Bottai G. Vent'anni e un giorno. Milano, 1977. P. 54.
- ¹⁰¹ Racinaro R. Intellettuali e fascismo // Critica marxista. 1975. N 1. P. 212.
- ¹⁰² Ким Ц. И. Алхимия и реальность. С. 54—96.
- ¹⁰³ Amendola G. Storia del Partito comunista italiano. Roma, 1978. P. 429—430.
- ¹⁰⁴ Здесь используется новое издание книги: Ferrari F. L. Opere: il regime fascista italiana / Con una presentazione di G. De Rosa. Roma, 1983.
- ¹⁰⁵ Ibid.
- ¹⁰⁶ Amendola G. Storia... P. 430—432.
- ¹⁰⁷ De Felice R. Mussolini il duce. V. 1. P. 115.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 124—125, 289.
- ¹⁰⁹ Marino G. Autarchia della cultura. P. 49—51.
- ¹¹⁰ Amendola G. Storia... P. 589.
- ¹¹¹ Italia e America dalla grande guerra a oggi / A cura di G. Spini, G. Migone, M. Teodori. Venezia, 1976. P. 14—15.
- ¹¹² О деятельности редакции журнала и группы исследователей, сотрудничавших в нем см.: Casali A. Storici italiani fra le due guerre: la «Nuova Rivista storica». Napoli, 1980.
- ¹¹³ Об исторических взглядах Б. Кроче см.: Иванов Г. М. Кризис позитивистской концепции исторического источника и Б. Кроче //

Вопр. истории. 1974. № 1. С. 96—106; *Лопухов Б. Р.* О «тождестве» философии и истории в работах Б. Кроче // Вопр. философии. 1970. № 1.

¹¹⁴ Цит. по: *Григорьева И. В.* Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978. С. 263.

¹¹⁵ *Грамши А.* Избранные произведения. М., 1980. С. 257, 398.

¹¹⁶ *Грамши А.* Избранные произведения: В 3 т. М., 1959. Т. 2. С. 235.

¹¹⁷ *Colapietra R.* Napoli tra dopoguerra e fascismo. Milano, 1962.

¹¹⁸ Письмо Кроче Л. Амброзини от 14 июля 1924 г. см.: *Ceva B.* Epistolario di B. Croce // Il Movimento di Liberazione in Italia. 1968. Aprile — giugno. P. 109.

¹¹⁹ *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. С. 64.

¹²⁰ *Croce B.* Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1928.

¹²¹ *Alatri P.* Recenti studi sul fascismo // Studi storici. 1962. N 4. P. 775.

¹²² *Croce B.* Scritti e discorsi politici: 1943—1947. Bari, 1963. V. 1. P. 7, 56; V. 2. P. 46, 357.

¹²³ Ibid. V. 2. P. 46—50.

¹²⁴ Ibidem.

¹²⁵ *Иванов Г. М.* Кризис позитивистской концепции... С. 101, 105.

¹²⁶ *Amendola G.* Intervista sul'antifascismo. P. 150.

¹²⁷ *Barbagallo C.* Napoli sotto il terrore nazista. Napoli, 1954.

¹²⁸ Fascismo e antifascismo: 1918—1948. Milano, 1962. V. 1. P. 103—119.

¹²⁹ *Серени Э.* Марксизм, культура, наука. М., 1952. С. 40.

¹³⁰ Об основных направлениях католической мысли в Италии см.: *Эфирос С. А.* Итальянская буржуазная философия XX в. Гл. 3; *Кин Ц. И.* Алхимия и реальность. С. 52—137.

¹³¹ *Cupis de A.* Dal fascismo antinazista al nazifascismo // Il Commento. 1944. 16 dicembre. P. 23—24.

¹³² *Sturzo L.* Il fascismo alle origini: reazione armata // Ibid. 1945. 16 gennaio. P. 51—53.

¹³³ *Gentile P.* La crisi della cultura e il fascismo // Ibid. 1945. 16 gennaio. P. 53—55.

¹³⁴ *Гарин Э.* Хроника итальянской философии XX в. М., 1965. С. 468—475; *Ciliberto M.* Intellettuali e fascismo // Studi storici. 1976. N 1. P. 53.

¹³⁵ *Felicori M.* Ma quanto contano gli intellettuali nella vita reale del nostro paese // Paese sera. 1981. 12 maggio.

¹³⁶ *Salvatorelli L.* Il fascismo nella politica internazionale. Modena, 1946; Idem. Storia d'Italia nel periodo fascista. Milano, 1972. 2 v.

¹³⁷ *Salvatorelli L.* L'anarchia internazionale fra le due guerre mondiale // Comunità internazionale. 1946. N 1. P. 37.

¹³⁸ *Алатри П.* Происхождение фашизма. С. 460.

¹³⁹ *Salvatorelli L.* Il fascismo... P. 57, 95, 106, 114.

¹⁴⁰ Оценку научно-исследовательской деятельности Ф. Шабо см.: *Maturi W.* Chabod storico della politica estera italiana // Rivista storica italiana. 1960. N 4; *Valiani L.* Lo storico dei propri tempi // Ibid.; *Romeo R.* Momenti e problemi di storia contemporanea. Assisi, 1971. P. 225—244.

¹⁴¹ *Chabod F.* Storia della politica estera italiana dal 1870 al 1896. Roma, 1965. 2 v.

¹⁴² *Chabod F.* L'Italia contemporanea: 1918—1948. Torino, 1961.

- ¹⁴³ *Chabod F.* Croce storico // *Rivista storica italiana.* 1952. N 4.
- ¹⁴⁴ Цит. по: *Romeo R.* Momenti... P. 241—242.
- ¹⁴⁵ *Sasso G.* Profilo di Federico Chabod. Roma, 1961. P. 145.
- ¹⁴⁶ *Romeo R.* Breve storia della grande industria in Italia: 1861—1961. Bologna, 1972. P. 130—131, 194—195.
- ¹⁴⁷ Критический разбор концепции Р. Ромео см.: *Zanheri R.* Ricerca storica e ricerca economica // *Studi storici.* 1966. N 3. P. 451—470.
- ¹⁴⁸ *Вопр. философии.* 1985. № 1. С. 111—133.
- ¹⁴⁹ *De Felice R.* Le interpretazioni del fascismo. Roma, 1977. P. 241.
- ¹⁵⁰ *L'Unità.* 1985. 15 dicembre.
- ¹⁵¹ Il fascismo: Antologia di scritti critici / A cura di C. Casucci. Bologna, 1961.
- ¹⁵² *Casucci C.* Sorti di un'antologia del fascismo // *Il Mulino.* 1964. November. P. 1183.
- ¹⁵³ *Ibid.* P. 1182—1186.
- ¹⁵⁴ *Nolte E.* I tre volti del fascismo. Milano, 1966. P. 697—705, 731—737.
- ¹⁵⁵ *Del Noce A.* L'epoca della secolarizzazione. Milano, 1970. P. 133.
- ¹⁵⁶ *Del Noce A.* Il problema dell'ateismo. Bologna, 1964. P. CXLVII—CLVIII.
- ¹⁵⁷ *Ibidem.*
- ¹⁵⁸ *Del Noce A.* Il problema della definizione storica del fascismo // *Storia e politica.* 1976. N 1. P. 121—170.
- ¹⁵⁹ *De Felice R.* Intervista sul fascismo / A cura di M. A. Ledeen. Roma, 1975.
- ¹⁶⁰ *L'Espresso.* 1983. 6 novembre. P. 1175—1186.
- ¹⁶¹ Об интерпретациях фашизма в исследованиях Дж. Моссе и Э. Нольте см.: *Рахшмир П. Ю.* Современная буржуазная историография о генезисе фашизма / Новая и новейшая история. 1982. № 3.
- ¹⁶² На это обращает внимание П. Ю. Рахшмир. См.: Новая и новейшая история. 1975. № 1. С. 212—213.
- ¹⁶³ *De Felice R.* Le interpretazioni del fascismo. P. 249.
- ¹⁶⁴ *Quazza G.* Antifascismo e fascismo nel nodo delle origini // *Fascismo e capitalismo.* Milano, 1976. P. 42—43.
- ¹⁶⁵ *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 42—43; *De Felice R., Golia L.* Mussolini il mito. Roma, 1983. P. 12.
- ¹⁶⁶ *De Felice R.* Le interpretazioni del fascismo. P. 164—166.
- ¹⁶⁷ *Gentile E.* Il mito dello Stato nuovo...
- ¹⁶⁸ *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 58—64; *De Felice R., Golia L.* Storia fotografica del fascismo. Roma, 1981. P. VIII—XX; *Idem.* Mussolini il mito. P. 3—17.
- ¹⁶⁹ *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 58—60.
- ¹⁷⁰ *De Felice R.* Mussolini il fascista. Torino, 1966. V. 1. P. 540.
- ¹⁷¹ *De Felice R.* Mussolini il duce. V. 2. P. 330.
- ¹⁷² *Palla M.* Mussolini il fascista numero uno // *Studi storici.* 1982. N 1. P. 49—50.
- ¹⁷³ *Bocca G.* Storia d'Italia nella guerra fascista: 1940—1943. Bari, 1977. P. 31—35.
- ¹⁷⁴ *Bocca G.* Mussolini socialfascista. Milano, 1983.
- ¹⁷⁵ *L'Espresso.* 1983. 18 luglio.
- ¹⁷⁶ *L'Unità.* 1982. 3 dicembre.

- ¹⁷⁷ La Repubblica. 1982. 29 dicembre.
- ¹⁷⁸ Preti D. Una mostra da dimenticare: l'economia italiana tra le due guerre // Passato e Presente. 1985. Gennaio-aprile. P. 133—143.
- ¹⁷⁹ Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 161.
- ¹⁸⁰ Fascismo oggi. Cuneo, 1983. P. 100.
- ¹⁸¹ Ibid. P. 106, 107, 112.
- ¹⁸² Ibidem.
- ¹⁸³ Ibid. P. 109.
- ¹⁸⁴ Ibid. P. 111.
- ¹⁸⁵ Ibidem.
- ¹⁸⁶ Ibid. P. 106—107.
- ¹⁸⁷ Zibordi G. Critica socialista del fascismo. Bologna, 1922. P. 15.
- ¹⁸⁸ Matteotti G. Scritti sul fascismo / A cura di S. Caretti. Pisa, 1983.
- ¹⁸⁹ De Felice R. Le interpretazioni del fascismo. P. 429—430.
- ¹⁹⁰ Ibid. P. 202—203; Анализ позиции ИСП в межвоенный период дан Н. П. Комоловой. См.: Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами / Отв. ред. А. С. Черняев, А. А. Галкин. М., 1984. Гл. 6.
- ¹⁹¹ Nenni P. Six ans de guerre civile en Italie. Paris, 1930.
- ¹⁹² Nenni P. Die internationale Politik des italienischen Faschismus // Die Gesellschaft. 1932. P. 13.
- ¹⁹³ Bellardelli G. Nello Rosselli, uno storico antifascista / Pref. di N. Bobbio. Firenze, 1982; Casucci C. La politica estera dell'Italia fascista nel giudizio di C. Rosselli // Il Mulino. 1984. N 2. P. 232; Bauer R. Ricordo di Carlo e Nello Rosselli // Il Movimento di Liberazione in Italia. 1967. Aprile — giugno. P. 100—105.
- ¹⁹⁴ Об этом см.: Spriano P. Gramsci e Gobetti. Torino, 1977.
- ¹⁹⁵ Цит. по: Григорьева И. В. Исторические взгляды Антонио Грамши. С. 17.
- ¹⁹⁶ Garosci A. La vita di Carlo Rosselli. Roma, 1945. V. 1. P. 5.
- ¹⁹⁷ Santarelli E. Gli intellettuali dell'antifascismo // L'Unità. 1977. 14 giugno.
- ¹⁹⁸ Valiani L. Un ideale mazziniano // Nuova antologia. 1980. Gennaio — marzo.
- ¹⁹⁹ История Италии. Т. 3. С. 85, 88—89.
- ²⁰⁰ Dibattito a tre voci: Garosci, Valiani, Spadolini // Nuova antologia. 1980. Gennaio — marzo. P. 16—50.
- ²⁰¹ Текст выступления К. Росселли в Королевском институте международных отношений впервые опубликован в 1984 г. См.: Il Mulino. 1984. Marzo — aprile. P. 231 — 261.
- ²⁰² Ibidem.
- ²⁰³ Bobbio N. Rileggiamo Nello Rosselli // Nuova antologia. 1983. Aprile — giugno. P. 68—70.
- ²⁰⁴ Amendola G. Fascismo e movimento operaio. Roma, 1975. P. 218.
- ²⁰⁵ Santarelli E. Storia del fascismo. V. 2. P. 79.
- ²⁰⁶ Salvemini G. Le origini del fascismo in Italia: Lezioni di Harvard. Milano, 1966. P. 75—77.
- ²⁰⁷ Salvemini G. Mussolini diplomate. P., 1932. P. 336.
- ²⁰⁸ Salvemini G. Opere III. Milano, 1967. V. 3. Preludio alla seconda guerra mondiale. P. 6, 689.
- ²⁰⁹ Тольятти П. Избранные статьи и речи. М., 1965. Т. 1. С. 24.
- ²¹⁰ Там же. С. 30—31.

- ²¹¹ *Togliatti P.* Opere. Roma, 1974. V. 1. P. CII.
- ²¹² *Григорьева И. В.* Исторический анализ фашизма в работах Антонио Грамши. С. 145, 152.
- ²¹³ *Грамши А.* Избранные произведения. С. 82—83.
- ²¹⁴ Там же. С. 87—88.
- ²¹⁵ Там же. С. 11.
- ²¹⁶ См.: *Малинин В. А.* Исторический материализм и социологические концепции начала XX в. М., 1986. С. 108.
- ²¹⁷ *Тольятти П.* Избранные статьи и речи. Т. 1. С. 31—32.
- ²¹⁸ *Грамши А.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. С. 416—454.
- ²¹⁹ *Холодковский К. Г.* Заметки Грамши «Американизм и фордизм» // Проблемы итальянской истории. М., 1972. С. 170—202.
- ²²⁰ Там же.
- ²²¹ Концепция А. Грамши излагается по статье К. Г. Холодковского. См.: Там же. С. 172—180, 183.
- ²²² *Грамши А.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. С. 8.
- ²²³ *Gruppi L.* L'Internazionale e il fascismo nei giudizi politici di Togliatti: 1926—1929 // Critica marxista. 1972. N 2. P. 162.
- ²²⁴ *Togliatti P.* Opere. Roma, 1979. V. 2. P. 28—38.
- ²²⁵ Ibid. P. 549—550.
- ²²⁶ Ibid. P. 28—38.
- ²²⁷ Ibid. P. 82—92.
- ²²⁸ Ibidem.
- ²²⁹ Ibid. P. 87.
- ²³⁰ Ibid. P. 82—92.
- ²³¹ Ibid. P. 118—126.
- ²³² Ibidem.
- ²³³ Ibid. P. CXL, 121.
- ²³⁴ Ibid. P. 137—141.
- ²³⁵ Ibid. P. CXLI.
- ²³⁶ Ibid. P. 290.
- ²³⁷ *Sapelli G.* L'analisi economica dei comunisti italiani durante il fascismo / Antologia di scritti. Milano, 1978. P. 34.
- ²³⁸ *Togliatti P.* Opere. V. 2. P. 142—147.
- ²³⁹ Ibid. P. 297—299.
- ²⁴⁰ Ibid. P. 542—559.
- ²⁴¹ Ibid. P. 545—546.
- ²⁴² Коммунистический Интернационал: краткий исторический очерк. М., 1969. С. 289, 295, 331.
- ²⁴³ *Agosti A.* La Terza Internazionale. Roma, 1979. V. 3. Т. 1. P. 61—64.
- ²⁴⁴ Ibidem.
- ²⁴⁵ *Togliatti P.* Opere. Roma, 1973. V. 3. Т. 1. P. 349—350.
- ²⁴⁶ Ibid. V. 3. Т. 2. P. 76.
- ²⁴⁷ Ibid. P. 112—113; Коммунистич. Интернационал. 1932. № 27. С. 62.
- ²⁴⁸ Lo Stato operaio: 1927—1939 / Antologia a cura di F. Ferri. Roma, 1964. V. 2. P. 40, 43.
- ²⁴⁹ *Togliatti P.* Opere. V. 3. Т. 1. P. CLXXI—CLXXII.
- ²⁵⁰ Ibid. V. 3. Т. 2. P. 468—488.
- ²⁵¹ Ibid. P. 675.
- ²⁵² Ibid. P. 468—488.
- ²⁵³ Ibid. P. 684—687.
- ²⁵⁴ Ibid. P. 692, 697.

- ²⁵⁵ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. М.: 1974. С. 7.
- ²⁵⁶ *La situazione economica e politico-sociale dell'Italia // Critica marxista.* 1968. N 1. P. 81—84.
- ²⁵⁷ *Тольятти П.* Вступительная статья // *Батталья Р.* История итальянского движения Сопротивления. М., 1954. С. 8.
- ²⁵⁸ *Gruppi L.* Note sulla politica culturale del Partito nel dopoguerra // *Critica marxista.* 1972. Quaderni 5. P. 127.
- ²⁵⁹ О разработке Грамши принципов научного историзма см.: *Григорьева И. В.* Некоторые проблемы методологии истории в «Тюремных тетрадах» Антонио Грамши // *Проблемы итальянской истории.* М., 1972. С. 140—169.
- ²⁶⁰ *Серени Э.* Марксизм, наука, культура. С. 127—128; *Manacorda G.* Storia della letteratura italiana contemporanea. Roma, 1979. P. 5, 21.
- ²⁶¹ *Gruppi L.* Note sulla politica... P. 139—140, 144—146.
- ²⁶² *Togliatti P.* Opere. Roma, 1984. V. 5. P. 147.
- ²⁶³ *Gruppi L.* Note sulla politica... P. 147, 150.
- ²⁶⁴ *Società.* 1945. N 1. P. 5.
- ²⁶⁵ *Manacorda G.* Storia della letteratura contemporanea. P. 249—252; *Storia e storiografia: studi su Delio Cantimori.* Roma, 1979. P. 76.
- ²⁶⁶ *Società.* 1948. N 2. P. 256—266.
- ²⁶⁷ *Ciliberto M.* Cultura e politica nel dopoguerra: l'esperienza di «Società» // *Studi storici.* 1981. N 1. P. 5—6, 16.
- ²⁶⁸ *Бондарчук В. С.* Проблема итальянского якобинизма в историографии Италии: 40—60-е гг. // *Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии.* М., 1986. С. 127—146.
- ²⁶⁹ *Il Movimento operaio.* 1956. N 1—3. P. 312—319.
- ²⁷⁰ *Storia e storiografia.* P. 65—70.
- ²⁷¹ *Ragionieri E.* La figura e l'opera dell'insigna storico // *L'Unità.* 1966. 14 settembre; *Barbera S., Campioni G.* Cantimori: Politica, ideologia e coscienza storica // *Rinascita.* 1979. 2 marzo. P. 25.
- ²⁷² *Bobbio N.* Il nostro genio speculativo // *Il Contemporaneo.* 1955. 11 giugno.
- ²⁷³ *Gerratana V.* Il gioco della parti // *Il Contemporaneo.* 1955. 25 giugno.
- ²⁷⁴ Современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах. М., 1984. Ч. 2. Гл. 3.
- ²⁷⁵ *Grifone P.* Il capitale finanziario in Italia. Torino, 1971.
- ²⁷⁶ *Пезенти А.* Очерки политической экономики капитализма: В 2 т. М., 1976; творческий портрет А. Пезенти см.: *Sanna S.* Ritratto di un intellettuale organico // *Rinascita.* 1980. 7 marzo. P. 26.
- ²⁷⁷ *Серени Э.* Аграрный вопрос в Италии: итальянское крестьянство в борьбе за демократию. М., 1949.
- ²⁷⁸ Там же.
- ²⁷⁹ *Rossi E.* Padroni del vapore e fascismo. Roma, 1966.
- ²⁸⁰ *Fascismo e antifascismo: 1918—1948. Lezioni e testimonianze.* Milano, 1962. V. 1. P. 278.
- ²⁸¹ *Trent'anni di storia politica italiana: 1915—1945.* Roma, 1975. V. 1. P. 191.
- ²⁸² *Fascismo e antifascismo.* V. 1. P. 290.
- ²⁸³ *Catalano F.* Le corporazioni fasciste e le classi lavoratrici dal 1925 al 1929 // *Nuova Rivista storica.* 1959. N 1.

- ²⁸⁴ *Alatri P.* Le origini del fascismo. Roma, 1977 (5.ed.); *Алатри П.* Происхождение фашизма.
- ²⁸⁵ Там же. С. 15, 18—19, 118—119.
- ²⁸⁶ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии: Сб. статей и документов / Под общей редакцией П. Тольятти. М., 1953. С. 125—129.
- ²⁸⁷ Там же.
- ²⁸⁸ *De Rosa G.* Antifascismo e Resistenza. Milano, 1966. R. 20—25.
- ²⁸⁹ Trent'anni di storia italiana: 1915—1945. Torino, 1975; Fascismo e antifascismo; Trent'anni di storia politica italiana.
- ²⁹⁰ Trent'anni di storia politica italiana. V. 2. P. 286.
- ²⁹¹ Ibidem.
- ²⁹² Tendenze della filosofia italiana nell'età del fascismo / A cura di O. P. Faracovi. Livorno, 1985. P. 21.
- ²⁹³ Fascismo e antifascismo. V. 1. P. 29.
- ²⁹⁴ *Tasca A.* Nascita e avvento del fascismo: In 2 v. Roma, 1965.
- ²⁹⁵ *Alatri P.* Recenti studi sul fascismo. P. 778—779.
- ²⁹⁶ Ibidem.
- ²⁹⁷ *Battaglia R.* La seconda guerra mondiale. Roma, 1960.
- ²⁹⁸ Цит. по: *Alatri P.* Recenti studi sul fascismo. P. 827—828.
- ²⁹⁹ *Togliatti P.* Lezioni sul fascismo. Roma, 1970. P. XXV.
- ³⁰⁰ Fascismo e capitalismo. P. 7.
- ³⁰¹ *Tranfaglia N.* Dallo Stato liberale al regime fascista. Milano, 1973.
- ³⁰² *Vivarelli R.* Bunito Mussolini dal socialismo al fascismo // Rivista storica italiana. 1967. N 2. P. 438.
- ³⁰³ *Кертман Л. Е., Рахмиров П. Ю.* Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX—XX вв. М., 1984. Гл. 4.
- ³⁰⁴ *Santarelli E.* Storia del fascismo. V. 1. P. XVII—XVIII.
- ³⁰⁵ Ibid. P. XXXVIII.
- ³⁰⁶ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 181.
- ³⁰⁷ *Santarelli E.* Storia del fascismo. V. 1. P. XXVII.

К ГЛАВЕ II: ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ФАШИЗМА

- ¹ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 9—10.
- ² *Грико Р.* Политические партии после первой мировой войны // Тридцать лет жизни и борьбы ИКП. С. 103—104, 106.
- ³ Там же.
- ⁴ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 15.
- ⁵ Проблемы советско-итальянской историографии: материалы советско-итальянской конференции историков 12—14 октября 1964 г. М., 1966. С. 163, 303, 317, 319, 362; *Romeo R.* Momenti e problemi di storia contemporanea. Assisi, 1971. P. 32.
- ⁶ Там же. С. 361—362, 392—393.
- ⁷ *Romeo R.* Momenti e problemi... P. 32—34.
- ⁸ Ibid. P. 13—35, 78; Проблемы советско-итальянской историографии. С. 137, 143, 157, 296.
- ⁹ *Канделоро Дж.* История современной Италии. М., 1971. Т. 5. С. 14; М., 1979. Т. 7. С. 18.
- ¹⁰ *Griřone P.* Il capitale binanziario in Italia. P. 5—7; *Канделоро Дж.* История современной Италии. М., 1979. Т. 7. С. 18.

¹¹ Дж. Прокаччи дает более сдержанную оценку процессу первоначального накопления капитала и развития капиталистической инфраструктуры. Он обращает внимание на жесткую фискальную политику государства и сохранение докапиталистических отношений на юге, которые вели к ограничению общественного потребления. В то же время военные расходы и погашение общественного долга поглощали более половины государственных расходов.— См. в кн.: *Procacci G. Storia degli italiani*. Roma, 1978. V. 2. 401—402.

¹² *Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia: 1861—1961*. Bologna, 1972. P. 59.

¹³ *Alatri P. Liberalismo e fascismo // Fascismo e capitalismo*. P. 14.

¹⁴ *Mori G. Il capitalismo industriale in Italia*. Roma, 1977. P. 25.

¹⁵ *Rossi M. Democrazia, socialismo, imperialismo nell'Italia giolittiana // Lezioni di storia d'Italia: 1848—1948*. Roma, 1979. P. 131—132.

¹⁶ *Mori G. Il capitalismo industriale ...* P. 28—30.

¹⁷ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 362.*

¹⁸ Там же, *Mori G. Il capitalismo industriale ...* P. 28—30.

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Procacci G. Storia degli italiani. V. 2. P. 432—433.*

²¹ *De Rosa G. Storia del movimento cattolico in Italia*. Bari, 1966. V. 1. P. 317—318.

²² Цит. по: *Кин Ц. И. Италия на рубеже веков. М., 1980. С. 30.*

²³ *Канделоро Дж. История современной Италии. Т. 7. С. 32—36.*

²⁴ Там же. С. 5—8.

²⁵ *Rossi M. Democrazia ...* P. 142—143.

²⁶ *Mori G. Il capitalismo industriale ...* P. 151—157.

²⁷ *Mori G. Banche, industria e imperialismo nell'età giolittiana // Studi storici*. 1975. N 3. P. 835.

²⁸ *Канделоро Дж. История современной Италии. Т. 7. С. 125—129.*

²⁹ Там же. С. 129—138.

³⁰ *Romeo R. Breve storia ...* P. 113.

³¹ *Mori G. Il capitalismo industriale ...* P. 125—132, 151—157, 166—172.

³² *Galli della Loggia E. Analisi marxista e storiografia dell'imperialismo // Quaderni storici*. 1972. N 19. P. 496.

³³ *Mori G. Banche ...* P. 835.

³⁴ *Castronovo V. Giovanni Agnelli: la Fiat dal 1899 al 1945*. Torino, 1971.

³⁵ *Candeloro G. Storia dell'Italia moderna*. Milano, 1978. V. 8. P. 233—236.

³⁶ *Ibid.* P. 363—367.

³⁷ *Ibid.* P. 382—384.

³⁸ *Catalano F. L'Italia dalla dittatura alla democrazia: 1919—1948*. Milano, 1975. V. 1. P. 78.

³⁹ *Candeloro G. Storia dell'Italia moderna. V. 8. P. 417—418.*

⁴⁰ *Galli della Loggia E. Analisi marxista... P. 496.*

⁴¹ *De Felice R. Alcune osservazioni sulla politica estera mussoliniana // L'Italia fra tedeschi e alleati*. Bologna, 1973. P. 58—59.

⁴² *Storia d'Italia*. Napoli, 1976. V. 1. P. 2—3.

⁴³ *Rumi G. L'imperialismo fascista*. Milano, 1974. P. 54.

⁴⁴ *Viggezzi B. L'imperialismo e il suo ruolo nella storia italiana del primo '900 // Storia contemporanea*. 1980. N 1. P. 29—56.

⁴⁵ *Carocci G. L'età dell'imperialismo*. Bologna, 1979; *Idem*. Appun-

ti sull'imperialismo fascista negli anni '20 // Studi storici. 1967. N 1. P. 113—137.

⁴⁶ *Carocci G.* Appunti... P. 115, 124—131; *Idem.* Storia del fascismo. Milano, 1972. P. 7; *Idem.* L'età dell'imperialismo. P. 259; *Idem.* Contributo alla discussione sull'imperialismo // Il Movimento di Liberazione in Italia. 1971. Gennaio — marzo. P. 14.

⁴⁷ *Ibidem.*

⁴⁸ *Ibidem.*

⁴⁹ *Mola A.* L'imperialismo italiano: la politica estera dall'Unità al fascismo. Roma, 1980. P. XXII.

⁵⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 407.

⁵¹ Там же.

⁵² *Webster R.* L'imperialismo industriale italiano: 1908—1915. Torino, 1974.

⁵³ *Ibid.* P. 5, 8, 597.

⁵⁴ *Mori G.* Banche... P. 816—835.

⁵⁵ *Серени Э.* Аграрный вопрос в Италии. С. 53.

⁵⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 315.

⁵⁷ О формировании марксистской концепции истории итальянского империализма см.: *Sereni E.* Fascismo, capitale finanziario e capitalismo monopolistico di Stato nelle analisi dei comunisti italiani // Critica marxista. 1972. N 5.

⁵⁸ *Catalano F.* L'Italia dalla dittatura... P. 13.

⁵⁹ *Santarelli E.* Storia del fascismo. V. 1. P. 170.

⁶⁰ *Ibid.* P. 171—173.

⁶¹ *Ragionieri E.* L'unità d'Italia. Firenze, 1962. P. 28—29.

⁶² *Ibidem.*

⁶³ *Алатри П.* Происхождение фашизма. С. 16.

⁶⁴ *Канделоро Дж.* История современной Италии. Т. 7. С. 18.

⁶⁵ Там же. С. 324—325.

⁶⁶ *Catalano F.* L'Italia dalla dittatura... P. 11.

⁶⁷ *Алатри П.* Происхождение фашизма. С. 27.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 32, 43—44.

⁷⁰ *Carocci G.* Storia d'Italia dall'Unità ad oggi. Milano. 1976. P. 184.

⁷¹ *Ibid.* P. 187.

⁷² *Ibidem.*

⁷³ *Ibidem.*

⁷⁴ *Santarelli E.* Storia del fascismo. V. 1. P. 36—37.

⁷⁵ *Carocci G.* Storia d'Italia... P. 183—190.

⁷⁶ *Arcari P.* La elaborazione della dottrina politica nazionale tra l'Unità e l'intervento: 1870—1914. Firenze, 1939. V. 3. P. 16.

⁷⁷ *Gentile E.* Il mito dello Stato nuovo... P. 95—103.

⁷⁸ *Santomassimo G.* Ugo Spirito e il corporativismo // Studi storici. 1973. N 1. P. 63—64.

⁷⁹ *Santarelli E.* Storia del fascismo. V. 1. P. 37—38.

⁸⁰ *Alatri P.* Liberalismo e fascismo // Fascismo e capitalismo. P. 101.

⁸¹ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 16.

⁸² Там же. С. 16—18.

⁸³ *Vivarelli R.* Mussolini dal socialismo al fascismo // Rivista storica italiana. 1967. N 2. P. 450.

⁸⁴ *Manacorda G.* Recensione // Studi storici. 1965. N 2. P. 372.

⁸⁵ *Канделоро Дж.* История современной Италии. Т. 7. С. 400—401, 403—405, 415.

- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Лопухов Б. П.* Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 31.
- ⁸⁸ *Arfè G.* Storia del socialismo italiano: 1892—1926. Torino, 1965. P. 179; *Vivarelli R.* Mussolini... P. 439.
- ⁸⁹ *Грамуши А.* Избранные произведения. С. 213—214.
- ⁹⁰ *Vivarelli R.* Mussolini ... P. 439.
- ⁹¹ Scritti politici di Benito Mussolini / Introduzione e cura di E. Santarelli. Milano, 1979. P. 13, 21, 25; *Idem.* Origini del fascismo: 1911—1919. Urbino, 1963.
- ⁹² *Лопухов Б. П.* Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 107—108.
- ⁹³ Scritti politici... P. 21.
- ⁹⁴ *Ibid.* P. 30, 93; *Catalano F.* «Mussolini rivoluzionario» / Recensione // Il Movimento di Liberazione in Italia. 1965. N 80. P. 103; *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1966. P. 120.
- ⁹⁵ *Catalano F.* «Mussolini rivoluzionario». P. 103—104.
- ⁹⁶ *Manacorda G.* recensione. P. 37.
- ⁹⁷ *Грамуши А.* Избранные произведения. С. 146.
- ⁹⁸ *Valiani L.* Il Partito socialista italiano dal 1900 al 1918 // Rivista storica italiana. 1963. P. 269—320; Scritti politici ... P. 13, 21, 30; *Megaro G.* Mussolini dal mito alla realtà. Milano. 1947. P. 378—381; *Borghese G. A.* Golia: marcia del fascismo. Milano, 1946. P. 197.
- ⁹⁹ Trent'anni di storia italiana. P. 154.
- ¹⁰⁰ *Catalano F.* Mussolini rivoluzionario». P. 102; *Manacorda G.* Recensione. P. 371—372; Scritti politti... P. 72; *De Felice R.* Mussolini il duce. V. 1. P. 177.
- ¹⁰¹ *De Felice R.* Mussolini il duce. V. 1. P. 177.
- ¹⁰² Яркая характеристика движения идей в итальянском обществе в эти годы дана Ц. И. Кин.— См. в кн.: *Кин Ц. И.* Италия на рубеже веков.
- ¹⁰³ *Livorsi F.* Il pensiero politico italiano: 1893—1943. Torino, 1976. P. 30—32.
- ¹⁰⁴ Цит. по: *Кин Ц. И.* Италия на рубеже веков. С. 183.
- ¹⁰⁵ Scritti politici... P. 167—178.
- ¹⁰⁶ *Ibid.* P. 167.
- ¹⁰⁷ *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. P. 218, 307—309, 313—315.
- ¹⁰⁸ *Valiani I.* La storia del fascismo nelle problematica della storia contemporanea e nella biografia di Mussolini // Rivista storica italiana. 1967. N 2. P. 466, 468, 472.
- ¹⁰⁹ *Manacorda G.* Recensione. P. 371, 375; *Vivarelli R.* Mussolini... P. 440, 443—444.
- ¹¹⁰ См.: *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. P. 695—697.
- ¹¹¹ Scritti politici... P. 22, 29.
- ¹¹² *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. P. 310.
- ¹¹³ *Catalano F.* «Mussolini rivoluzionario». P. 105—106.
- ¹¹⁴ Scritti politici ... P. 25, 74—75; *Santarelli E.* Fascismo e neofascismo. Roma, 1974. P. 54.
- ¹¹⁵ *Лопухов Б. П.* Фашизм и национализм (итальянский вариант) // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. М., 1981. С. 29—30.
- ¹¹⁶ Scritti politici... P. 154, 169—171.
- ¹¹⁷ *Ibid.* P. 33; *Vivarelli R.* Mussolini... P. 452; *Rumi G.* Mussolini e il «programma di San Sepolcro» // Il Movimento di Liberazione in Italia. 1963. N 2. P. 9.

- ¹¹⁸ См.: *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. P. 719—721.
- ¹¹⁹ *Лонухов Б. П.* Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 34.
- ¹²⁰ *Santarelli E.* Fascismo e neofascismo. P. 39.
- ¹²¹ См.: *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. P. 738—741.
- ¹²² *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. Milano, 1978. V. 8. P. 274—275; *Santarelli E.* Storia del fascismo. V. 1. P. 146.
- ¹²³ *Sabbatucci G.* I combattenti nel primo dopoguerra. Roma, 1974. P. 385—389.
- ¹²⁴ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 8. P. 275—276, 279—280.
- ¹²⁵ Enciclopedia del Novecento. Ist. dell'Enciclopedia Ital., 1977. V. 2. P. 911—914.
- ¹²⁶ *Vivarelli R.* Mussolini... P. 457; *Valiani L.* La storia del fascismo... P. 467; *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. Milano, 1981. V. 9. P. 277—278.
- ¹²⁷ См.: *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. P. 742—745.
- ¹²⁸ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 278.
- ¹²⁹ *Mussolini B.* Opera omnia. Firenze: 1972. V. 13. P. 60—61, 67, 78.
- ¹³⁰ *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. P. 570—572, 594—597.
- ¹³¹ Цит. по: *Ibid.* P. 557.
- ¹³² См.: *Ibid.* P. 746—748.
- ¹³³ *Ibidem.*
- ¹³⁴ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 8. P. 342.
- ¹³⁵ См.: *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. P. 746—748.
- ¹³⁶ *Грамуши А.* Избранные произведения. С. 130—132.
- ¹³⁷ *Лонухов Б. П.* Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 121; *De Felice R.* Mussolini il fascista. V. 1. P. 8—11.
- ¹³⁸ См.: *Ibid.* P. 736—741.
- ¹³⁹ *Лонухов Б. П.* Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 140—141; *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 8. P. 380.
- ¹⁴⁰ См.: *De Felice R.* Mussolini il fascista. V. 1. P. 757—763.
- ¹⁴¹ *Ibidem.*
- ¹⁴² *Лонухов Б. П.* Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 143—144.
- ¹⁴³ См.: *De Felice R.* Mussolini il fascista. V. 1. P. 736—741.

К ГЛАВЕ III: ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА В ИТАЛИИ

- ¹ *Petersen J.* Elettorato e base sociale del fascismo italiano negli anni venti // Studi storici. 1975. N 3.
- ² *De Felice R.* Mussolini il fascista. V. 1. P. 389.
- ³ *Ibidem.*
- ⁴ *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 30—33.
- ⁵ *Ibid.* P. 49.
- ⁶ *Melograni P.* Gli industriali e Mussolini. Milano, 1972. P. 315—316.
- ⁷ Цит. по: *Alatri P.* Liberalismo e fascismo... P. 34.
- ⁸ *Ibidem.*
- ⁹ *Гриeko П.* Политические партии после первой мировой войны // Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии: Сб. статей и документов / Под общей ред. П. Тольятти. М., 1953. С. 111—112.

- ¹⁰ *Maione G.* Il biennio rosso. Bologna, 1975; *Catalano F.* L'Italia dalla dittatura... P. 53—54, 57.
- ¹¹ *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. P. 618; *Idem.* Mussolini il fascista. V. I. P. 5—7.
- ¹² *Catalano F.* «Mussolini rivoluzionario». P. 109; *Quazza G.* Antifascismo e fascismo nel nodo delle origini // Fascismo e capitalismo. P. 51—53.
- ¹³ *Quazza G.* Antifascismo... P. 44, 47—48, 54.
- ¹⁴ *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 48.
- ¹⁵ *Catalano F.* L'Italia dalla dittatura... P. 59.
- ¹⁶ *Quazza G.* Antifascismo e fascismo... P. 45—46, 49, 53—58; *Idem.* Resistenza e storia d'Italia: problemi e ipotesi di ricerca. Roma, 1977. P. 39; *Catalano F.* L'Italia dalla dittatura... P. 55—56.
- ¹⁷ *Ibidem.*
- ¹⁸ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 15, 19.
- ¹⁹ *Alatri P.* Liberalismo e fascismo. P. 29, 32—33.
- ²⁰ *Ibid.*; *Quazza G.* Antifascismo e fascismo... P. 27.
- ²¹ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 36, 54—55, 57.
- ²² *Vannoni G.* Massoneria, fascismo e chiesa cattolica. Bari, 1980. P. 75—83.
- ²³ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 60.
- ²⁴ *Alatri P.* Liberalismo e fascismo. P. 29—33.
- ²⁵ *Quazza G.* Antifascismo e fascismo... P. 29—33.
- ²⁶ *Ibidem.*
- ²⁷ *Грамуши А.* Избранные произведения. С. 161—162.
- ²⁸ *Alatri P.* Liberalismo e fascismo. P. 35; *Carocci G.* Postilla all'intervista sul fascismo // Fascismo e capitalismo. P. 206.
- ²⁹ *Catalano F.* Mussolini il fascista // Il Movimento di Liberazione in Italia. 1967. N 88. P. 85.
- ³⁰ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 42—52; *Манцокки Б.* Очерки экономической политики Италии: 1945—1959. М., 1961. С. 21.
- ³¹ *De Felice R.* Mussolini il fascista. V. I. P. 224; *Melograni P.* Gli industriali e Mussolini. P. 184.
- ³² *Манцокки Б.* Очерки... С. 22—23.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Preti D.* Economia e istituzioni nello Stato fascista. Roma, 1980. P. 37.
- ³⁵ *Sarti R.* Mussolini and the Italian industrial leadership in the battle of the lira: 1925—1927 // Past and Present. 1970. N 47. P. 97—112.
- ³⁶ *Falco G., Storaci M.* Fluttuazioni monetarie alla metà degli anni 20 // Studi storici. 1975. N 1.
- ³⁷ *Preti D.* Economia... P. 30.
- ³⁸ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 107.
- ³⁹ *Mori G.* Il capitalismo industriale... P. 328; *Migone G.* Gli Stati Uniti e il fascismo. Milano, 1980. P. 177—179.
- ⁴⁰ *Mori G.* Il capitalismo industriale... P. 246—248.
- ⁴¹ *Migone G.* Gli Stati Uniti... P. 174—176.
- ⁴² *Preti D.* Economia... P. 107.
- ⁴³ *Catalano F.* L'Italia dalla dittatura... P. 133; *Mori G.* Il capitalismo industriale... P. 260—261, 328.
- ⁴⁴ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 102—117.
- ⁴⁵ *Ibidem.*

- ⁴⁶ Preti D. *Economia...* P. 113—119.
- ⁴⁷ Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М., 1982. С. 150.
- ⁴⁸ Там же. С. 151.
- ⁴⁹ История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 535.
- ⁵⁰ Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала. С. 131.
- ⁵¹ *Ragionieri E.* La storia politica e sociale // Storia d'Italia. V. 4. T. 3. P. 2213.
- ⁵² *Guarneri F.* Battaglie economiche fra le due guerre. Milano, 1953. V. 1. P. 167, 345.
- ⁵³ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 264—265.
- ⁵⁴ *De Felice R.* Mussolini il duce. V. 1. P. 63—65.
- ⁵⁵ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 267—270.
- ⁵⁶ Preti D. *Economia...* P. 105.
- ⁵⁷ См.: *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 274.
- ⁵⁸ *Romeo R.* Breve storia... P. 172.
- ⁵⁹ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 284—285.
- ⁶⁰ *Cianci E.* Nascita dello Stato imprenditore. 299—300.
- ⁶¹ *Ibid.* P. 278—279.
- ⁶² *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 428—430.
- ⁶³ Preti D. *Economia...* Cap. 1, 3, 4.
- ⁶⁴ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 428—431.
- ⁶⁵ *Mori G.* Il capitalismo industriale...
- ⁶⁶ L'economia italiana nel periodo fascista / A cura di P. Ciocca e G. Toniolo. Bologna, 1976. P. 305.
- ⁶⁷ *Carocci G.* La politica estera dell'Italia fascista: 1925—1928. Bari, 1969. P. 3, 248—249.
- ⁶⁸ L'economia italiana... P. 295.
- ⁶⁹ *Ibid.* P. 289.
- ⁷⁰ *Ibid.* P. 308—310.
- ⁷¹ *Ibidem.*
- ⁷² *Minniti F.* Il problema degli armamenti nella preparazione militare italiana dal 1935 al 1943 // Storia contemporanea. 1978. N 1. P. 5—62.
- ⁷³ *Ibidem.*
- ⁷⁴ *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. V. 9. P. 431—434.
- ⁷⁵ *Манцокки Б.* Очерки... С. 24—28.
- ⁷⁶ Stato e capitalismo negli anni trenta / F. De Felice, G. Marra-mao, M. Tronti, L. Villari. Roma, 1979.
- ⁷⁷ *Ibid.* P. 92—96.
- ⁷⁸ Preti D. *Economia...* P. 12—14.
- ⁷⁹ L'economia italiana... P. 41—45.
- ⁸⁰ Stato e capitalismo... P. 58—62.
- ⁸¹ *Серени Э.* Аграрный вопрос в Италии. С. 225—226.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Stato e capitalismo... P. 61, 93.
- ⁸⁵ Preti D. *Economia...* P. 186.
- ⁸⁶ Stato e capitalismo... P. 61, 93.
- ⁸⁷ Fascismo e antifascismo nell'Italia repubblicana / A cura di G. Quazza. Torino, 1976. P. 9.
- ⁸⁸ *Ibid.* P. 35.
- ⁸⁹ *Grifone P.* Il capitale finanziario... P. XXXVI.
- ⁹⁰ *Fano Damascelli E.* La «restaurazione antifascista liberista»:

- ristagno e sviluppo economico durante il fascismo // Il Movimento di Liberazione in Italia. 1971. N 104. P. 59.
- ⁹¹ Stato e capitalismo... P. 61.
- ⁹² *Sereni E.* Fascismo, capitale finanziario e capitalismo monopolistico nelle analisi dei comunisti italiani // Critica marxista. 1972. N 5. P. 17—46; *Santomassimo G.* La dittatura totalitaria e l'imperialismo fascista: 1926—1943 // Lezioni di storia d'Italia. Roma, 1979. P. 209—246.
- ⁹³ *Barca L.* Sviluppo dell'analisi teorica sul capitalismo monopolistico di Stato // Critica marxista. 1966. N 5—6. P. 76.
- ⁹⁴ *Federzoni L.* Fascismo di governo e fascismo di partito // Gerarchia. 1925. N 6. P. 343—344.
- ⁹⁵ Ibidem.
- ⁹⁶ *Forges Davanzati R.* Premesse fascista per il congresso // Gerarchia. 1925. N 6. P. 351—354.
- ⁹⁷ *Farinacci R.* Verso il congresso fascista // Ibid. P. 345—350.
- ⁹⁸ *De Felice R.* Mussolini il duce. V. 1. P. 826.
- ⁹⁹ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 67.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 72.
- ¹⁰¹ Gerarchia. 1928. N 1.
- ¹⁰² *Santarelli E.* Fascismo e neofascismo. P. 155—156.
- ¹⁰³ Ibidem.
- ¹⁰⁴ *Santomassimo G.* Ugo Spirito... P. 63.
- ¹⁰⁵ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 171.
- ¹⁰⁶ См.: *Santarelli E.* Fascismo e neofascismo. P. 162.
- ¹⁰⁷ *Carli F.* La ricchezza e la guerra. Milano, 1915; *Idem.* L'altra guerra. Milano, 1916; *Idem.* La borghesia fra due rivoluzioni. Bologna, 1922.
- ¹⁰⁸ *Santarelli E.* Fascismo e neofascismo. P. 159—162.
- ¹⁰⁹ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 103—104, 108, 114.
- ¹¹⁰ *Bottai G.* Vent'anni e un giorno. Milano, 1977. P. 51, 54.
- ¹¹¹ *De Felice R.* Mussolini il duce. V. 1. P. 11, 164—179.
- ¹¹² Ibidem.
- ¹¹³ Ibidem.
- ¹¹⁴ Gerarchia. 1932. N 1. P. 8.
- ¹¹⁵ *De Felice R.* Mussolini il duce. V. 1. P. 165—178.
- ¹¹⁶ *Santomassimo G.* Aspetti della politica culturale del fascismo: il dibattito sul corporativismo e l'economia politica // Italia contemporanea. 1975. Ottobre. P. 24.
- ¹¹⁷ *Santomassimo G.* La dittatura totalitaria... P. 222.
- ¹¹⁸ Ibid. P. 218—221; *Idem.* Ugo Spirito... P. 62.
- ¹¹⁹ *Catalano F.* L'Italia dalla dittatura... P. 161—164.
- ¹²⁰ *Gentile E.* Il mito dello Stato nuovo... P. 252—256.
- ¹²¹ Ibid. P. 262—270.
- ¹²² Ibid. P. 262.
- ¹²³ *Santomassimo G.* Il fascismo degli anni trenta // Studi storici. 1975. N 1. P. 109.
- ¹²⁴ *Amendola G.* Intervista sull'antifascismo. P. 138—139.
- ¹²⁵ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 73.
- ¹²⁶ *Santomassimo G.* Il fascismo... P. 110—111; *Idem.* La dittatura totalitaria... P. 209—238.

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

¹ XIII пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. М., 1934. С. 589.

² *Il Mulino*. 1986. N 6. P. 1044.

³ *Turi G.* La presenza del fascismo e le professioni liberali // *Belfagor*. 1986. N 2. P. 145.

⁴ *Ibid.* P. 147—148.

⁵ *Quazza G.* La resistenza al fascismo in Italia // *Italia contemporanea*. 1986. N 162. P. 7—10, 14.

⁶ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 95.

⁷ *Granata I.* Storia nazionale e storia locale // *Storia contemporanea*. 1980. N 3.

⁸ *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 24, 40, 74, 81—82, 86—91; *Idem.* Mussolini il duce. V. 1. P. 540.

⁹ *Collotti E.* Fascismo e nazionalsocialismo // *Fascismo e capitalismo*. P. 145—148.

¹⁰ *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 40—41, 53, 64.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббаньяно Н. 103
Агости А. 218
Аддис-Саба М. 105
Аквароне А. 62
Аккаме Дж. 69
Алатри П. 6, 16, 46, 58, 92, 97,
100, 101, 103, 105, 106, 114,
133, 135, 138, 162, 167—170,
212, 215, 220—222, 225
Алессандри Ч. 169
Альбертини Л. 42
Альфиери Д. 8, 9
Амброзини Л. 215
Амендола, Джованни 73, 102
Амендола, Джорджо 13, 42, 48,
76, 141, 204, 212, 214, 215, 228
Андреотти Дж. 40
Анкиери Э. 12
Антоничелли Ф. 103
Анцилотти А. 11, 45
Аньелли Дж. 8, 122, 196
Арендт Х. 57
Ариас Дж. 29, 36, 37, 43, 213, 214
Аркари П. 222
Арпинати Л. 180
Арфе Дж. 223
Ассанте А. 34, 214
Афанасьев Ю. Н. 211
Афельтра Дж. 213
Бабеф Г. 31
Бакунин М. А. 141
Бальбо И. 180
Банфи А. 92
Барбагалло К. 44, 45, 48, 215
Барбера С. 219
Барка Л. 192, 227
Бассо Л. 71, 103
Баттальяни Г. 34, 214
Батталья Р. 103, 104, 219, 220
Бауэр Р. 73, 217
Беллардели Дж. 217
Беллуццо Дж. 185
Бенедуче А. 181
Бергамини А. 42
Бергсон А. 20, 50, 141, 142
Беренго М. 97
Бернабеи М. 139
Бернарди Гуарди М. 70
Берти Дж. 94, 95
Биссолати Л. 140, 149
Бланки О. 67, 70, 141
Бо К. 40, 103, 105
Боббио Н. 76, 97, 103, 142, 217,
219
Бокка Дж. 68, 69, 139, 216
Бондарчук В. С. 219
Бонди М. 122, 150
Бономи И. 125, 126, 140
Борджезе Дж. А. 143, 223
Бордига А. 78
Боттаи Дж. 38, 39, 180, 198, 200,
214, 227
Боччардо А. 124
Бруерс А. 24, 26, 27, 213
Буонарроти Ф. 31
Бьянки М. 146
Бьянки Бандинелли Р. 94
Валери Н. 48
Валиани Л. 63, 103, 143, 145, 215,
217, 223, 224
Вальсекки Ф. 12
Ваннони Дж. 168, 225
Вебер М. 59
Венециани М. 70
Вентури Ф. 100, 103
Веруччи Г. 58
Виварелли Р. 106, 111, 139, 141,
151, 220, 223, 224
Виджецци Б. 111, 127, 128, 222
Виктор Эммануил III 170
Виллари Л. 97, 105, 189, 190, 192,
226
Висконти ди Модроне Г. 10
Витториа А. 212

- Вольпе Дж. 11, 19—23, 53, 213
 Вольпи Дж. 118, 174, 188
 Вольпичелли А. 11
 Вольт (Фани Чиотти В.) 35, 36, 214
 Вольтманн 50
 Гайда В. 29, 30
 Галкин А. А. 217
 Галли Дж. 58
 Галли делла Лоджиа Э. 121, 127, 221
 Гарин (Гарэн) Э. 12, 103, 105, 215
 Гароши А. 58, 73, 217
 Газта Ф. 62
 Геббельс Й. 9
 Гегель 51, 60
 Гоббс Т. 41
 Гобетти П. 22, 24, 48, 73, 102
 Голиа Л. 62, 65
 Горбачев М. С. 3
 Горголини П. 29, 213
 Грамши А. 14, 15, 17, 52, 73, 79, 82, 92, 94, 141, 142, 156, 170, 188, 196, 212, 215, 217, 218, 223—225
 Граната И. 228
 Гранди Д. 174, 180
 Грасси П. 103
 Грассини Ф. 100
 Грегор Дж. 63
 Григорьева И. В. 5, 79, 211, 215, 217, 219
 Грнеко Р. 82, 104, 109, 163, 220, 225
 Грифоне П. 98, 112, 191, 219, 227
 Громько А. А. 226
 Гронки Дж. 40
 Группи Л. 82, 93, 218, 219
 Гуарнери Ф. 183, 226
 Даль Пане Л. 12, 44, 45
 Д'Аннуцио Г. 32, 136, 153, 155, 156
 Дарвин Ч. 50
 Де Амбрис А. 32, 33, 146, 214
 Де Бозис А. 137
 Де Гаспери Д. 40
 Де Капитани Дж. 171
 Деклева Э. 127, 212
 Де Купис А. 49
 Делла Вольпе Г. 92
 Делла Перута Ф. 97
 Делла Торре Л. 43
 Делла Торретта. П. Т. 42
 Де Лука Дж. 40, 64
 Дель Ноче А. 50, 58—61
 Депретис А. 116
 Де Роза Г. 40, 102, 116, 214, 220, 221
 Де Санктис Ф. 63
 Де Стефани А. 174
 Де Феличе Р. 6, 23, 27, 31, 51, 54, 57, 58, 62—70, 95—97, 105, 106, 110, 111, 127, 138, 139, 142, 145, 146, 151, 152, 155, 161—163, 166, 167, 169—171, 188, 190, 198—200, 203, 204, 208, 209, 213, 214, 216, 217, 221, 223, 224, 227, 228
 Де Феличе Ф. 105, 226
 Де Франчизи П. 36, 180, 214
 Джеймонат Л. 94
 Джемелли А. 17, 23
 Джемс У. 142, 154
 Джентиле Дж. 9—11, 16, 18, 19, 27, 52, 58, 60, 70, 171, 212
 Джентиле П. 49, 215
 Джентиле Э. 62, 65, 66, 139, 201, 202, 212, 213, 216, 227
 Джерратана В. 97, 219
 Джиротти Э. 43
 Джолитти Дж. 33, 86, 102, 106, 107, 117, 118, 120, 124—126, 132, 136—138, 164, 168
 Джульяно Б. 24, 27, 213
 Джуриати Дж. 171
 Дзагарро В. 212
 Дзанардо А. 95
 Дзангара В. 32
 Дзангери Р. 97, 216
 Дзангранди Р. 105
 Дзанетти А. 40
 Днац А. 171
 Ди Витторио Дж. 82
 Ди Дживованна Дж. 22, 213
 Ди Рудини А. 116
 Донати Дж. 40
 Дорсо Г. 73
 Заппоне Н. 139
 Иванов Г. М. 214, 215
 Исненги М. 106
 Кабиати А. 43
 Каваццони С. 171
 Кавур К. Б. 55, 111
 Каджезе Р. 44
 Казати А. 42
 Казуччи К. 58, 59, 216, 217
 Кампиони Дж. 219
 Канделоро Дж. 15, 54, 112, 117.

- 119, 123, 125, 134, 135, 140,
149, 150, 152, 155, 158, 171,
173—175, 179, 180, 212, 213,
220—226
- Кантимори Д. 12, 64, 94, 95—97,
219
- Капп В. 29
- Караччиоло А. 51, 96
- Кардини Ф. 70
- Карлейль Т. 50, 143
- Карли М. 32
- Карли Ф. 196, 227
- Кароччи Дж. 6, 54, 97, 106, 129,
130, 137, 185, 222, 225, 226
- Касали А. 214
- Касселс А. 63
- Кастелли К. 6
- Кастельнуово Л. 58
- Кастроново В. 105, 121, 188, 211,
221
- Каталано Ф. 100, 105, 126, 132,
135, 164, 166, 170, 201, 220—
223, 225
- Каутский К. 141
- Кварони П. 12
- Квартараро Р. 62
- Кертман Л. Е. 107, 220
- Кин Ц. И. 212, 214, 215, 221, 223
- Киплинг Р. 36, 50
- Колапиетра Р. 45, 103, 215
- Коларици С. 62
- Коллотти Э. 106, 209, 228
- Командини У. 146
- Комолова Н. П. 211, 217
- Кон Х. 47
- Конпола Ф. 52, 136
- Корерр Р. 27
- Коррадини Э. 103, 136, 138, 142
- Кофранческо Д. 70
- Криспи Ф. 116
- Кроче Б. 11, 16, 42, 45—48, 52,
53, 55, 63, 65, 96, 100, 103,
214, 215
- Куацца Г. 12, 65, 106, 164—167,
170, 208, 216, 225, 227, 228
- Кузин Ф. 45
- Купис, де А. 215
- Курато Ф. 12, 23, 54
- Кьеркегор С. 51
- Лабриола А. 44
- Лабриола, Артуро 40
- Ла Мальфа У. 103
- Ланцилло А. 28
- Лассаль Ф. 31
- Лебон Г. 143
- Ледин М. А. 62, 63, 216
- Ленин В. И. 62, 82, 86, 116, 130,
132, 221, 222
- Либертини Л. 191
- Ливорси Ф. 143, 223
- Липсет С. М. 57
- Личитра И
- Лойаконо Л. 20, 213
- Ломбардо Радиче Дж. 11
- Лонго Л. 82, 89
- Лопухов Б. Р. 28, 30, 46, 142,
147, 148, 159, 211, 213—215,
223, 224
- Лудзатто А. 12, 122
- Лудзатто Дж. 44
- Лумброзо Дж. 31, 213
- Лупорини Ч. 92, 94
- Людвиг Э. 214
- Людендорф Э. 29
- Мадзини Дж. 74, 75
- Мандзони А. 63
- Майоне Дж. 163, 225
- Макьявелли Н. 41
- Малапарте К. 32
- Малинин В. А. 218
- Мальвестити П. 40, 43
- Манакорда Г. 94, 96, 97, 117,
140, 142, 143, 145, 223
- Манакорда Дж. 212, 219
- Мангони Л. 105, 212
- Мандольфо У. 71
- Манцокки Б. 171, 172, 187, 225,
226
- Маравилья М. 136
- Марино Дж. К. 18, 43, 212
- Маркс К. 31, 60, 96, 141
- Марпикати А. 10
- Маскони А. 180
- Маттиоли Р. 42
- Маттеотти Дж. 72, 175, 217
- Матури В. 23, 45, 53, 215
- Маццетти М. 62
- Мегаро Дж. 143, 223
- Мейнеке Ф. 47
- Мелограни П. 62, 95, 96, 162,
171, 225
- Мельхис Г. 18
- Мерлино Л. 36, 37, 214
- Мигоне Дж. 174, 175, 214, 226
- Миннити Ф. 186, 226
- Мира Дж. 23, 52
- Миссироли М. 23, 24, 213
- Михайленко В. И. 211

- Могильницкий Б. Г. 211
 Мола А. А. 130, 222
 Монтенегро А. 212
 Моранди К. 23, 45, 53
 Морган Д. 174
 Мори Дж. 105, 115, 118, 120,
 121, 131, 132, 171, 174—176,
 183, 221, 222, 226
 Моро А. 40
 Маррамао Дж. 226
 Моска Г. 134, 143
 Моска Р. 6, 12, 23
 Москати Р. 12, 22, 54, 213
 Моссе Дж. 64, 216
 Мушетта К. 94
 Наччи М. 28, 213, 214
 Ненни П. 71, 73, 217
 Нитти Ф. 123, 175
 Ницше Ф. 36, 50, 52, 141, 143
 Нольте Э. 57, 59, 60, 64, 216
 Омодео А. 55, 96
 Ориани А. 141
 Орландо В. Э. 42, 168
 Орси П. 6
 Паволини А. 9
 Павоне К. 58
 Паджи Л. 190
 Падуло Дж. 211
 Пайетта Дж. 103
 Палла М. 68, 216
 Панунцио С. 31, 213
 Папини Дж. 16, 17, 103, 212
 Парадизи М. 184, 185
 Парето В. 134, 141, 143
 Парсонс Т. 57
 Паскуино С. 51
 Пасторелли П. 6
 Пезенти А. 98, 103, 219
 Пеллици К. 32, 214
 Пеллу Л. 116
 Пертиконе Дж. 12
 Пертини А. 103
 Перфетти Ф. 62
 Петерсен Я. 224
 Петручиоли К. 58
 Пиери П. 12, 48
 Пинтор Дж. 40
 Пирелли А. 12, 174
 Полуцци Г. 11
 Пратолини В. 95
 Прети Д. 69, 105, 171, 172, 174,
 176, 177, 180, 183, 188, 190,
 217, 225—227
 Преццолини Д. 16, 17, 103
 Прокаччи Дж. 6, 97, 116, 221
 Прудон П. Ж. 31, 67, 70
 Пьерони Бортолотти Ф. 105
 Раджоннери Э. 96, 97, 105, 134,
 178, 219, 222, 226
 Раси Г. 69
 Рахшмир П. Ю. 5, 107, 211, 216,
 220
 Рачинаро Ф. 105, 214
 Ренан Ж. Э. 143
 Риттер Г. 47
 Робеспьер М. 31
 Ровелли 34
 Роджерс Э. 105
 Розенберг А. 70
 Рокка М. 146
 Рокко А. 10, 34, 52, 136, 138,
 180, 195
 Ромео Р. 22, 51, 54—56, 62, 63,
 94, 110, 111, 113, 114, 120,
 207, 215, 216, 218, 220, 221,
 226
 Ромуальди А. 62
 Ронкони Э. 106
 Росселли К. 73—76, 217
 Росселли Н. 43, 45, 73—76, 217
 Росси М. 115—117, 221
 Росси Т. 171
 Росси Ч. 7, 154
 Росси Э. 99, 219
 Россини Дж. 62
 Роша Дж. 48, 106
 Рузвельт Ф. 43, 166
 Руми Дж. 106, 127, 221, 224
 Руссо Ж. Ж. 70
 Руффини Ф. 43
 Саятта А. 97
 Саккони 11
 Саландра А. 128
 Салов В. И. 211
 Сальваторелли Л. 12, 51—53,
 63, 73, 215
 Сальвемини Г. 44, 48, 73, 76—78,
 102, 217
 Санна С. 219
 Сантарелли Э. 6, 17, 19, 73,
 76, 97, 107, 108, 132, 133,
 136, 138, 141, 142, 146—149,
 164, 170, 194, 196, 212, 217,
 220, 222, 223, 227
 Сантомассимо Дж. 106, 192, 195,
 201—203, 222, 227, 228
 Сапелли Дж. 86, 218
 Сарти Р. 173, 225

- Сартори Д. 51
 Сассо Дж. 55, 216
 Сегре У. 103
 Секи С. 62
 Секья П. 103
 Сельви Дж. 24, 25, 26, 213
 Сен-Симон К. А. де Р. 41
 Серени Э. 49, 94, 98, 99, 103, 132, 190, 192, 215, 219, 222, 226
 Серра Э. 6
 Серрати Дж. 141
 Сестан П. 12
 Сильва Рота П. 12
 Синигалья 196
 Согрин В. В. 211
 Солари П. 43
 Сольми А. 12, 52
 Соннино С. 117, 128
 Сорель Ш. 20, 41, 50, 52, 141, 195
 Спадолини Дж. 22, 213, 217
 Спинетти Дж. 19, 38, 214
 Спино Дж. 48, 214
 Спиноза Б. 41
 Спирито У. 11, 16
 Сприано П. 58, 104, 217
 Стелла В. 58
 Сторачи М. 173, 225
 Стурцо Л. 40, 41, 49, 73, 175, 215
 Сфорца К. 41, 155
 Таон ди Ревель П. 171
 Тарки М. 70
 Таска А. 82, 86, 104, 220
 Тассинари Л. 95
 Тедески М. 70
 Теодори М. 214
 Теплиц Дж. 181
 Титтони Т. 52
 Тольятти П. 15, 78, 92, 94, 103, 109, 139, 167—169, 193, 195, 204, 209, 212, 217—220, 222, 225, 227, 228
 Тониоло Дж. 226
 Торре А. 23, 48
 Тоскано М. 12, 23
 Транфалья Н. 69, 106, 211, 220
 Треккани Дж. 12
 Трентин С. 41, 71, 72
 Тронти М. 105, 106, 226
 Турати Ф. 41, 71, 72, 180
 Тури Г. 12, 106, 208, 212, 228
 Унгары П. 62
 Уэбстер Р. 131, 222
 Фальк Г. 118
 Фалько Дж. 173, 225
 Фанелли Дж. А. 19
 Фано Дамашелли Э. 191, 227
 Фаракови О. П. 220
 Фариначчи Р. 193, 227
 Федерцони Л. 136, 171, 193, 227
 Фейербах Л. А. 51
 Феликори М. 51, 215
 Фера Ч. 122
 Феррари Ф. Л. 40—42, 214
 Ферри Ф. 218
 Филатов Г. С. 5, 211
 Фихте И. Г. 18
 Фоа В. 100, 105
 Форджес Давандзати Р. 136, 193, 227
 Фортунато Дж. 48
 Фраттароло Л. 32, 214
 Фромм Э. 57
 Хайдеггер М. 51, 59
 Холодковский К. Г. 81, 218
 Хорти М. 29
 Цезарь Ю. 27
 Циборди Дж. 71, 217
 Чева Л. 6
 Чемберлен Дж. 50
 Черняев А. С. 217
 Чиани Э. 183
 Чиано Г. 8
 Чианчи Э. 226
 Чилиберто М. 95, 215, 219
 Чини В. 199
 Чиккотти Э. 45
 Чиокка П. 188, 189, 226
 Шабо Ф. 23, 45, 51, 53—55, 63, 64, 111, 215, 216
 Шаша Л. 63
 Шельба М. 40
 Шидер 63
 Шпенглер О. 27, 28
 Штирнер М. 141
 Эвола Ю. 31, 70
 Эйнаууди Л. 42, 43, 73
 Эфиров С. А. 16, 212, 215
 Юнг Г. 180
 Янаконе П. 43
 Яхимович З. Г. 99

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Интерпретации фашизма в итальянской историографии	7
§ 1. Установление фашистского контроля над средствами массовой информации и исследовательскими институтами	7
§ 2. Апологетически-фашистские интерпретации	13
§ 3. Интерпретации итальянского фашизма в антифашистской католической и либеральной историографии	40
§ 4. «Новая» концепция истории фашизма в немарксистской историографии	56
§ 5. Анализ фашизма в марксистской, социал-реформистской и левой буржуазно-демократической историографии в годы фашистской диктатуры	71
§ 6. Формирование прогрессивно-демократического блока в историографии фашизма	92
Глава II. Проблемы генезиса фашизма	109
§ 1. Социально-экономические и политические предпосылки фашизма	110
§ 2. Генезис фашистской идеологии	134
§ 3. Формирование фашистского движения	150
Глава III. Дискуссии о сущности фашистского режима в Италии	160
§ 1. Фашистская «революция» или буржуазная контрреволюция?	160
§ 2. Фашизм и монополистический капитал	170
§ 3. Политические институты фашистского режима	193
Заключение	206
Примечания	211
Указатель имен	229

Валерий Иванович Михайленко

**ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ:
(ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ)**

ИБ № 54

Редактор И. В. Новикова
Технический редактор Н. Р. Рабинович
Корректор А. В. Данилова

Сдано в набор 08.06.87. Подписано в печать 18.11.87. НС 15523.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура лите-
ратурная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,6.
Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 800. Заказ 291. Цена 2 р. 30 к.

Издательство Уральского университета. 620219, ГСП-830,
Свердловск, просп. Ленина, 13-6.
Типография издательства «Уральский рабочий».
Свердловск, просп. Ленина, 49.

В 1987 году в Издательстве Уральского университета выходит в свет монография

Чевтаев А. Г. Политика Великобритании в Средиземноморье в годы второй мировой войны (1939—1943). Объем 14 п. л. Цена 2 р. 10 к.

Монография — первая в советской исторической литературе работа, посвященная исследованию политики Англии в регионе, который представлял особую важность с точки зрения сохранения ее роли крупнейшей европейской и мировой державы. Представлена научная периодизация борьбы империалистических государств в Средиземноморье. Используются материалы государственного архива Великобритании и центра военных архивов Лондонского университета.

Для специалистов по истории, студентов исторических факультетов.

Заявки направлять по адресу:
620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 136,
Издательство Уральского университета

В 1988 году в Издательстве Уральского университета выходит в свет монография

Степаненко В. П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071—1176). Объем 12 п. л. Цена 1 р. 80 к.

В монографии показана эволюция политики Византии на Ближнем Востоке в изучаемый период. Рассмотрены отношения Византии с сельджукскими эмиратами Малой Азии, с государствами крестоносцев и арабскими эмиратами Сирии, Месопотамии и Палестины. Использован большой материал, извлеченный из источников как документального, так и нарративного характера.

Для специалистов по истории древнего мира и средних веков, студентов исторических факультетов.

**Заявки направлять по адресу:
620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 136,
Издательство Уральского университета**

В 1988 году в Издательстве Уральского университета выходит в свет монография

Игнатенко А. В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре (историко-правовое исследование). Объем 10 п. л. Цена 1 р. 50 к.

В монографии исследуются генезис и эволюция политического режима в Риме. Конкретизируются общие закономерности развития государства внутри рабовладельческой формации. Показано развитие политического режима от военной демократии через патрицианский, а затем нобилитарный аристократический режимы к режиму военно-диктаторскому, авторитарному, вскрываются социальные причины этого перехода.

Для специалистов по истории и теории государства и права, студентов исторических и юридических факультетов.

